



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



3 2044 022 604 763

PSlav 665.5



HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

21173
МІЗ $\frac{5}{3}$
СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

Ж У Р Н А Л Ъ
ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ
И
СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ГРЕЧЕМЪ

И

ФЕДДЕЕМЪ БУЛГАРИНИМЪ.

ЧАСТЬ СТО ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1827.

PSlav 665.5 ($\frac{1827}{13-16}$)



Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выдуека изъ типогра-
фіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь
экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣ-
дуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Іюня
22 дня 1827 года.

*Цензоръ Надворный Советникъ и Кавалеръ
Продіонъ Вятринскій.*



СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XIII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДРУЖБА НА СЪВЕРЬ.

Соч. Кружв.

Бывають происшествія, кошорья, какъ ни глубоко пошрясались ими души людей, принимавшихъ въ нихъ учасіе, за всѣмъ тѣмъ, возбуждають мало вниманія въ свѣтѣ и, почти незамѣченныя, — исчезають въ вѣч-ности; но тѣмъ разишельнѣе должны они бысть для зоркаго наблюдашеля. Къ такимъ происшествіямъ принадлежишь и слѣдую-щее. Предупреждаемъ, что напрасно бы спашь чашашель искашь слѣдовъ его нынѣ: чѣмъ ближе будешь онъ находишься къ ошн-скиваемымъ мѣстамъ, тѣмъ болѣе предша-вишься ему даже несообразношей; это по-тому, что время, мѣста дѣйствія, коро-че, все несущественное давно измѣнилось; впрочемъ въ самой сущности удержана пол-ная истина.

Въ Копенгагенѣ есть не очень большая, но симметрически расположенная осмиугольная площадь, которую образуютъ четыре зданія, недурной архитектуры; посреди оной, возвышающася статуя незабвеннаго по добротѣ своей Короля, который, сидя на конѣ, все еще благословляетъ любезный ему народъ. Въ шрехъ изъ сихъ зданій помѣщается, со времени случившагося во дворецѣ пожара, Королевская Фамилія, живущая шамъ въ величественной простотѣ. Четвертое зданіе, расположенное къ рейдѣ, служитъ, какъ бы символическою оградой отъ непріятельскихъ нападений со стороны моря, вмѣщая дѣйствительную, съ давнихъ лѣтъ существующую ограду государства въ сѣбѣ своихъ, именно образованіе Датскихъ моряковъ. Это Морской Кадетскій Корпусъ, который подобаясь вполне жилищу Короля, гордится, что на немъ, какъ и на мечѣхъ пинпоцевъ его, нѣтъ ни малѣйшаго пятна.

Сіи-то сѣбѣ заключаютъ въ себѣ ядро Датскаго юношества, не потому, чтобъ сюда помѣщали отличнѣйшихъ и наиболее подающихъ надежду дѣшей, — иногда предназначаемое поприще было бы для нихъ слишкомъ ограничено; — а по Спаршанскому

воспиханію, какое они получающъ, и посредствомъ короля, Король и Отечество въ такомъ щёдномъ соотношеніи и такъ глубоко впечатлѣваются въ ихъ юныхъ умахъ, что развѣ одно только спавишся ими еще выше — честь!

Пусть Философскимъ взорамъ представляется она богиня блестящею химерою; но въ лѣтописяхъ государства и въ нравственномъ достоинствѣ чловѣка, владычествуешь она почти съ Богоподобною силою, и я смѣло произнесу, — Дашскій Морской Корпусъ есть храмъ ея.

Изъ всѣхъ, большею частію прекрасныхъ и, что главное, здоровыхъ воспитанниковъ оплечались нѣкогда двое взрослыхъ юношей. Оба молодцовашы, исполнены талантовъ, мужественны и прилжны — порода и богатство не служилъ ни кому оплечіемъ внутри сихъ стѣнъ; оба, равно любимые начальникомъ и товарищами, были они между собою, не только не дружны, даже холодны, хотя никогда не выходило у нихъ непріятностей, и ни одинъ не могъ располковашъ себѣ, что бы такое не нравилось ему въ другомъ.

Какъ ни строго наблюдали за нравственнымъ образованіемъ кадетовъ, но невозмож-

но было, въ такомъ большомъ числѣ, совершенно опклонишь вкрадчивую зависшь и неукропное своекорыспе. Сии пороки глубоко вкоренены были въ одномъ изъ молодыхъ сердець сего разсадника Дашскихъ мореплавателей. Джонъ Формеръ, назовемъ его такъ, былъ спарве обоихъ помянутыхъ юношей, опредѣлился въ корпусъ пятью годами ранве, чѣмъ они, и считалъ себя уже за двадцать лѣшь.

Между шѣмъ два юноши, о которыхъ сказали мы прежде, неушомимымъ придежаніемъ и взаимнымъ, хопя и невольнымъ, соревнованіемъ, такъ опдичили себя, что перескочили длинный рядъ поварищей, находившихся между ими и Формеромъ. Сей послѣдній, долженъ былъ опасашься даже, что и онъ оспанешся у нихъ назади, тогда, какъ недалеко уже была и цѣль достиженія офицерства, съ важнымъ по службѣ надъ ними старшинствомъ. Сей молодой человекъ родился въ Весшиндіи, отъ знашной Дашской фамиліи, и прожилъ тамъ до пашнадцати или шеснадцати лѣшь, — среди нѣги и баловства со стороны родителей и рабской покорности отъ всѣхъ, его окружавшихъ. Богашство, празднось и гордоссь, съ которыми думалъ онъ прожитъ весь свой вѣкъ, внушили въ него понашія, совершенно не-

сообразныя съ шѣми, какихъ требовало Спар-
 танское воспитаніе въ Корпусѣ. Здѣсь ни-
 чего не значила, ни пышность, ни знат-
 ность породы; надлежало заславить ува-
 жашь себя по внушреннему своему достоин-
 ству, а оно было невелико, и Формеръ горь-
 ко ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Ча-
 сто принужденъ онъ былъ сносить насмѣ-
 шки отъ младшихъ себя мальчиковъ, коню-
 рымъ не могъ опплатить за то ничѣмъ,
 пошому, что они были бойчѣе, отважнѣе и
 сильнѣе его; старшіе же товарищи обра-
 щались съ нимъ съ такою же суровостію и
 пренебреженіемъ, какъ прежде онъ посту-
 палъ съ рабскою пошпою его прислужни-
 ковъ. Пробужденная отъ извѣженности ду-
 ша его, привела въ движеніе свои дремав-
 шія силы, и наиболѣе ну, которая была
 здѣсь нужнѣе — силу разсудка. Дальновид-
 ный, проныравый взоръ Формера скоро обо-
 зрѣлъ свое положеніе. Жаловашься онъ не
 смѣлъ, видя, что наказаніе, какое навлекли
 бы за собою его бабьи пересказы, — шакъ
 назывался здѣсь всякій, безъ исключенія, до-
 носъ начальству — не доставило бы ему
 облегченія; а напрошивъ еще большую, шай-
 ную мстительность со стороны его то-
 варищей. Охотно бы оставилъ онъ кор-
 пусъ и выбралъ себѣ другое поприще, но

зналъ непреклонную волю отца своего, ко-
торый, привыкнувъ, къ безпрекословному по-
виновенію рабовъ, претовалъ шакого же и
ошъ дѣшей своихъ. Такимъ образомъ необ-
ходимосшь заспавила Формера покорисься
судьбѣ его; по необходимости спалъ онъ изо-
щряшь свои способности и замѣшивъ, что
внушаетъ симъ уваженіе, получилъ къ шому
бодросшь, а съ шѣмъ вмѣспѣ научился и хиш-
росши. По старой привычкѣ спремисься къ
улучшенію своего положенія, началъ онъ
дѣспишь своимъ учиселямъ и шоварицамъ;
чувспвовалъ однако, что эша деспѣ не должна
бышь рабская и что одно шолько спараніе со-
образовашься съ ихъ поняшіями, можешъ бышь
увѣнчано успѣхомъ. Съ шѣмъ вмѣспѣ возбу-
дилось и его честполюбіе: какъ ни шяжело
было для изиѣженнаго юноши, но онъ не
ошсшавалъ ошъ другихъ, въ обычныхъ меж-
ду пишомцами Спаршанскихъ борьбахъ и
играхъ, копорья не обходились безъ синихъ
пяшенъ и ушибовъ, и если никогда не уда-
валось ему въ нихъ первенспвовашъ, шо все
не былъ онъ и послѣднимъ. Со скрежешомъ
зубовъ и скрышнымъ негодованіемъ, что
нопалъ въ шолпу шакого грубаго народа,
новиновался онъ однако, когда, напримѣръ,
среди ночи, по шайшому призыву одного
изъ шоварищей, кошорому не послалось,

вдругъ вспрепенулся всѣмъ, бросающъ шепелое свое ложе и, полунагіе, бѣгушъ къ снѣговымъ кучамъ на дворъ, валяющъ въ мягкомъ снѣгу, и пошомъ, дрожа отъ холода, ищущъ ошашъ успокоенія на носпелыхъ. Такъ удалось ему превозмочь непріятное впечашлвнїе, какое произведено было имъ съ перваго раза, и уже прилежаніемъ и непрерывнымъ напряженіемъ пробужденныхъ душевныхъ силъ, успѣлъ онъ приблизиться къ шой цѣли, кошорая манила всѣхъ сихъ юношей. Съ достиженіемъ офицерскаго званія, должно было окончиться всякое соперничество; кто однажды внесень въ списокъ, шощъ слѣдуешъ по шаршинству до самаго Адмирала, и обязанъ неизмѣнною подчиненношю шаршему. Впрочемъ эта подчиненношъ чувствительна шолько по дѣламъ службы. По сему-шо, имѣя въ виду, что съ каждымъ ускореннымъ шагомъ въ юноши, спашешъ послѣ ближе къ мѣстамъ начальническимъ; всѣ шшомцы, а слѣдшвенно и честполюбивый Джонъ, съ неушомимою дѣяшельношю домогались прочнаго шаршинства надъ другими. Въ первомъ классѣ, шаршіе кадешы назывались ушерь-ошцерами. Между шими, Джонъ былъ изъ первыхъ. Оба юноши, пре-

жде упомянутые, на кошорыхъ наиболее обращенъ былъ опеческій взоръ дальновиднаго начальника, были въ помъ же классъ, въ числѣ младшихъ пишомцевъ. Ожидали экзамена, а съ нимъ вѣроятно и производсва въ офицеры. Джонъ, упоенный надеждою, ирешпалъ однако, чшобъ шъ юноши, кошорые исполнинскими шагами подвигались впередъ, и между кошорыми спаршему едва было девашнацашъ лѣтъ, еще въ послѣднiя минушы, какъ говоришся, не сѣли ему на голову.

Каждый изъ шѣхъ шрудился, между шѣми, въ пиши про себя; они смотрѣли другъ на друга гордымъ взоромъ, почши похожимъ на вызовъ; но въ благородномъ образѣ мыслей, пренебрегая каждое мелочное средство къ превознесенiю себя, не находили они повода къ явному между собою разрыву. Поссорилъ ихъ очень хотѣлось Джону, какъ замѣчали его шоварици, и онъ скрышнымъ образомъ употреблялъ къ шому всѣ способы, надѣясь, можешь бышь, изъ ихъ насильшвенныхъ поступковъ извлечь для себя пользу, какой не могъ ожидать ошъ своихъ шансовъ и прилежанiя. Время испышанiя назначено было, какъ обыкновенно, незадолго до дня рожденiя Короля, кошорого и безъ шого юноши ожидали всегда съ восшоргомъ,

а шупь еще болѣе, когда имъ предстоило ошличить себя радостными успѣхами и получить награжденія, обыкновенно въ шопь день раздаваемыхъ.

Наконецъ экзамень начался и соспоа какъ изъ словесныхъ, такъ и письменныхъ задачъ, продолжался нѣсколько дней. — Въ это время совсѣмъ не было ошдыха для юношей. Каждая минуша посвящена была наукамъ или искусствамъ, которыми также почти всѣ занимались усердно. Давно уже было извѣстно, что Джонъ имѣеть рѣшительный шаланшь къ рисованію, а случай хопѣлъ на этошь разъ, чтобъ онъ, избравъ для себя одинъ изъ шруднѣйшихъ предметовъ, всшупилъ невольнo въ соспязаніе съ шѣми, кого наиболее опасался. Два младшихъ его шоварища, о которыхъ говорено выше: Гольгеръ Ан— и Вольдемаръ Ре—, снимали шупью копіи съ рисунковъ, кошорые величиною, шрудношями и искусствомъ ошдѣлки, ни мало не успунали избранному имъ.

Однажды, когда всѣ шрое, съ нѣкошорыми еще шоварищами, занимались въ обыкновенное время рисованіемъ въ учебной залѣ, ошкрышой для всякаго, случилось, что Гольгера съ большою послѣшностію пошребовали къ начальнику. Онъ зашоропился, покрылъ рисунокъ шонкою Кишайскою

бумагою, и ушелъ, не опнеся, какъ дѣлалъ обыкновенно, доски въ свою комнату. Возвращаясь черезъ часъ времени, не нашелъ уже онъ никого въ залѣ; всѣ вышли со своими рисовальными досками, только его оставалась еще тушь. Хотя начинало уже смеркаться, но ему хотѣлось еще поработать, и онъ открылъ рисунокъ. Какъ же былъ онъ пораженъ, когда увидѣлъ его испорченнымъ во многихъ мѣстахъ и, казалось, умысленно. Онъ споялъ, какъ помертвѣвшій. Тушь разрушилась не только плодъ продолжительныхъ трудовъ его, но и прелестнѣйшая надежда, которую основывалъ онъ на умноженіи симъ рисункомъ чиселъ по его занятіямъ. Числами означалась на экзаменѣ доспоеинство рѣшенныхъ задачъ или вообще успѣховъ по какому либо предмету, и сложностью ихъ по всѣмъ предметамъ обозначалась общая степень отличія.

Отъ нѣмага испуга Гольгеръ перешелъ вскорѣ къ юношеской горячности. Онъ созвалъ поварищей. Ихъ громкія восклицанія привлекли учившейся. Явился наконецъ и самъ начальникъ. Спсали прилежно разсматривать рисунокъ и накладку. Очень трудно было рѣшить, случаемъ или злымъ умысломъ сдѣлалось поврежденіе. Легко могло быть, какъ и самъ Гольгеръ не отрицалъ, что рисунокъ

оспавался еще мѣсами несовсѣмъ сухъ, когда онъ покрылъ его, ибо только передъ шѣмъ, загринпованъ былъ въ немъ воздухъ; но за всѣмъ шѣмъ, оказывались слѣды злоумышленія, хотя накладка и не была нисколько измята.

Начальникъ, покачивая головою, обратясь къ пишомцамъ и произнесъ имъ рѣчь, въ кошорой увѣщевалъ сказать правду, если кто по неосшорожности это сдѣлалъ, что все гораздо лучше, примолвилъ онъ, нежели допустишь подозрѣнїе, что между шѣми, кошорые всю жизнь свою посвящаютъ чести, есть одинъ, способный на такую злой поступокъ. И вмѣсто выговора обѣщалъ онъ даже полную благодарности тому, кто разувѣришь его въ такомъ жестокомъ предположеніи. Говоря это, быспрымъ взоромъ окинулъ онъ ряды воспитанниковъ, ловя измененіе лицъ ихъ. Но всѣ безмолвствовали; только Джонъ легонько шолкнулъ Гольгера и кивнулъ ему на Вольдемара. Сей, какъ и всѣ, былъ мраченъ и нѣмъ; но ошъ внимательности Гольгера не скрылось, что онъ блѣднѣе другихъ. Однако Начальникъ или не замѣшилъ шого, или приписалъ другой причинъ; почему и Гольгеръ отвѣчалъ Джону только косою миною, какъ бы упрекая, что онъ хочешь возбудить въ немъ

неблагородное подозрѣніе. Такимъ образомъ случай остался не раскрытъ, не смотря на всѣ старанія пишомцевъ и Начальника. Последний жалѣлъ очень, что Гольгеръ лишился нѣсколькихъ чиселъ, ибо времени оставалось уже не много, и нельзя было успѣть приготовить другой значительный рисунокъ. Впрочемъ увидѣвая своего любимца, Начальникъ относилъ это къ уловкамъ судьбы, коимъ подверженъ каждый смертный, и говорилъ, что шѣмъ почтениѣ мужъ, умѣющій твердо сносить неизбежное, и шѣмъ скорѣе заставивъ оный уважать себя, чѣмъ ранѣе научивъ управлять собою и спавивъ себя выше всякаго своекорыстія.

Тутъ Джонъ во второй разъ толкнулъ Гольгера и обратилъ его вниманіе на Вольдемара, у котораго бѣгая краска явилась на лицѣ и заступила мѣсто прежней блѣдности. Тогда подозрѣніе вкралось и въ душу Гольгера; однако, взвѣсивая слова Начальника, оный преодолѣлъ себя, и постарался освободиться отъ сего ненавистнаго чувства.

Черезъ два дни случилось новое происшествіе, которое возбудило еще болѣе вниманія. Въ такое время, когда почти всѣ воспитанники сидѣли въ классѣ, вошелъ Вольдемаръ съ рисовальной доской своей и

разказавъ громко, но съ равнодушiемъ, очень прошивоположнымъ той горячности, какая оказана была въ подобномъ случаѣ Гольгеромъ, что рисунокъ его весь изрванъ: пакъ онъ нашелъ его въ своей комнатѣ и принесъ показашъ товарищамъ.

Всѣ снова изумились. Начальникъ, которому шопчасъ о шомъ донесли, не смотря на всегдашнее спокойствiе духа, до шого пораженъ былъ эшимъ извѣстiемъ, что едва не вышелъ изъ себя. Пипомцы бояливо на него смолрѣли; Джонъ поблѣднѣлъ шочно шакже, какъ въ то время Вольдемаръ. Гольгеръ не сводилъ съ него глазъ. Онъ, казалось, замѣшилъ эшо и вдругъ вышелъ изъ среды шоварищей.

„Позвольте мнѣ говорить!“ сказалъ онъ Начальнику. „Извѣстшо, что у насъ были рисунки, не шолько одинаково шрудные, но и лучшiе изъ всѣхъ въ корпусъ. У моихъ шоварищей они испорчены непоняшнымъ и самымъ пошпыднымъ образомъ; мой цвѣлъ. Я дрожу всѣмъ шѣломъ отъ досады, пошому что чувствую, какъ случай сей, клонящiйся къ моей пользѣ, можешъ подашъ на меня подозрѣнiе. Прошу же васъ арештовашъ меня и держашъ подъ присмотромъ, пока не будешъ произведено строжайшаго слѣдствiя, и, какъ я надѣюсь, найдешся виновный.“

„Я увѣренъ“ — ошвѣчалъ ему сшрого Начальникъ: „что никшо между нами не можеть пишашь шакого неблагогороднаго подорвнїя къ шоварищу; никшо не долженъ и позволишь себѣ эшого. Если же вы боишесь шого, шо къ уничшоженію шакого гнуснаго предположенїя, ешь вѣрныя средсшва, о кошорыхъ я говоришь шеперь не спану. Впрочемъ само собою разумѣеься, что спрожайшее слѣдсшвіе должно бышь сдѣлано. Ваше положенїе, какъ я самъ вижу, было бы конечно въ подобныхъ обшояшельсшвахъ запруднишельно вездѣ, шолько не подѣ эшою кровлею. Во всякомъ случаѣ однако, вамъ должно имѣшь лучшія мысли о своихъ шоварицахъ.“

Но и слѣдсшвіе ничего не опкрыло. Самъ Вольдемаръ доказываль, что ни Джонъ, ни же кшо другой изъ его шоварищей, не могъ бышь виновашь; поштому, что первый уходиль въ эшо время изъ корпуса, а всѣ прочїе были въ классахъ.

Между шѣмъ, по экзамену, произвели Джона и еще нѣскольکو шаршихъ воспитанниковъ, въ офицеры; а Гольдеръ и Вольдемаръ ошпались первыми Уншеръ-ошцерами. Ихъ числа равнялись Джоновымъ, но еслибъ предсшавили они рисунки свои, шогда конечно бы спали выше его; и какъ,

по принятому правилу, споль молодымъ Унперъ-офицерамъ еще нельзя было бы поспунишь въ офицеры, шо ему доспалось бы пробышь за ними еще съ полгода въ корпусъ. Джонъ, радуясь вшайнъ, сдвлялъ сѣмъ эшо замѣчаніе, кошорое вѣроятно не ушло и опъ обоихъ опспавшихъ юношей. Но съ наспуцленіемъ вскорѣ дня рожденія Короля, казалось, всякая досада забывалась и должна была успунишь мѣсто шумной, упоительной радости. Въ самомъ корпусѣ дано было празднество и балъ, на кошоромъ небольшія сердечныя обшояшельства юношей заспавляли ихъ забышь все прошедшее. Хошя блестящіе офицерскіе мундиры съ золотыми эполетами, предметъ пламенныйшихъ ихъ желаній, со всѣхъ споронъ предспавлялись ихъ взорамъ и невольнo возбуждали въ душѣ зависть, но среди шакого шоржества, въ присущствіи любимаго Монарха, кошорому посвящалась ихъ жизнь, кровь и честь, спарались они поддержашь въ себѣ благородное самочувствіе и не измѣняли себѣ ни однимъ взглядомъ.

Въ полной увѣренности, что въ корпусѣ не найдется ни однаго ученика, кошорый бы могъ уронить свое достоинство и званіе, самъ начальникъ не хошѣлъ ограничивашь на эшошь разъ ихъ

юношеской вольности. Въ то время, когда названные госжи, мѣшаясь въ шоплѣ молодыхъ кадетовъ, соспавляли съ ними длинные ряды, и при громкихъ звукахъ музыки, кружились въ панцахъ — старшій классъ воспитанниковъ вмѣстѣ со вновь-произведенными офицерами, забрался въ особую комнату, и всѣ, забывая на минушу первый огонекъ, вспыхнувшій въ груди ошъ прелестныхъ глазокъ, наливали бокалы пѣнящимся Шампанскимъ и осушали ихъ за здравіе Короля, опечесшва, ихъ флага, ихъ Начальника и званія ихъ, какого, казалось имъ, въ цѣломъ мѣрѣ нельзя найти лучше. Хошь и не въ ладь съ опголосками близкой музыки, запѣли они опечесшвенную пѣснь безсмертнаго Эвальда, и звучный, чистый голосъ Вольдемара проникалъ даже въ слухъ танцующихъ, когда онъ въ воспоргѣ произносилъ одушевляющія слова:

Для Дашчанъ къ чесши, славъ пушь —
 Ты, мрачное, грозное море!
 Вошь другъ! его безстрашна грудь:
 Его спихіей вѣрной будь,
 Ты, мрачное, грозное море!
 Онъ радъ опасностямъ, бѣдамъ,
 Какъ радо бурямъ и вѣтрамъ
 Ты, мрачное, грозное море!

Съ пылающими лицами и съ гордою осанкою вышли юноши опяшь въ залу, и вспутили въ

ряды шапцующихъ. Но по ихъ между собою перемигиванью, должно было заключить, что есть у нихъ какія нибудь тайныя зашпы. Дѣйствительно, едва кончился балъ, едва проводили они, каждый свою прелестную, къ давно ожидающимъ у подъезда экипажамъ, какъ небольшой кругъ юныхъ офицеровъ и старшихъ унтеръ - офицеровъ, вмѣсто камеръ своихъ, пробрался въ комнату одного очень молодого Лейтенанта, который не општалъ еще ошъ прежняго товарищества, шѣмъ болѣе, что былъ опредѣленъ училелемъ въ одномъ изъ младшихъ классовъ и пользовался кварширою шущъ же въ корпусѣ.

Разгоряченные общею радостію и виномъ, юноши не помышляли о снѣ. Усѣвшись по мѣстамъ, они говорили между собою въ полголоса, чшобъ не вывели наружу свое шайное сборище, но швердо рѣшились вспрѣшпшъ день, не разлучаясь. Нѣсколько бутыллокъ Шампанскаго было нагошовѣ, и какъ полная луна свѣшила прямо въ окна, шо свѣчи всѣ погасили. Нельзя было пѣшь пѣсней; ихъ замѣнили разговоры, за полными бокалами. Всякой получилъ свою долю хорошаго жвачнаго шабаку, который въ шакомъ же большомъ упошребленіи между кадецами шого корпуса, какъ цигарки

*

у молодыхъ людей въ Гамбургѣ. По недоспашку случая и удобности пустишься въ предприимчивыя шалости, спали о нихъ рассказывашь: веселые анекдоты слѣдовали одинъ за другимъ на перерывъ. Джонъ, который, вмѣстѣ съ другими вновь-привезденными офицерами, принадлежалъ къ кругу пирующихъ, казался внѣ себя отъ радости, и въ полной увѣренности, что наконецъ достигъ своей цѣли, распустился до крайности, что было въ немъ очень необыкновенно.

Привлеченный послышавшимся шумомъ, подошелъ онъ вмѣстѣ съ другими къ окну, отворилъ его и устремилъ глаза на обширный дворъ, который былъ весь покрытъ блестящимъ ковромъ только передъ шѣмъ выпавшаго снѣга. Но все было тихо; всѣ опочили прочь; онъ одинъ осмался у окна. Среди общей радости, досадилъ ему кто-то изъ поварихей непріятною для него шумкою. Было ли такъ въ самомъ дѣлѣ, или шепсаль ему обманчиво какой нибудь внутренней голосъ, только онъ счелъ, что съ нимъ обходящся не совсѣмъ по-дружески въ этомъ избранномъ кругу. Мысли о томъ, вмѣстѣ съ винными парами, бродили въ головѣ его; сначала съ опчаянія, потомъ, по давно принятому правилу, смалъ онъ вы-

думывашь какую нибудь глупую шалость, кошорою бы могь онличиться и поддержашь себя въ мнѣнїи другихъ, не слишкомъ, какъ ему казалось, шеперь для него выгодномъ. Въ эту минушу спросилъ его, о чемъ онъ такъ задумался.

Невольно устремясь глазами на корнизъ, кошорый, въ полъаршина шириною, сдѣланъ былъ вдоль подь всѣми окнами верхняго эшажа, онъ сказалъ съ горделивою улыбкою: „ты знаешь, что въ самой крайней комнашѣ этого эшажа, спишь хоршенькая горничная, жены Начальника нашего. Мы часно грозилась придти къ этой дѣвушкѣ, но исподинь этого нельзя, пошому, что пушъ, въ серединѣ, живущъ господа ея, а съ шого краю дверь всегда на замкѣ. Она же все насмѣхалась шолько надь нами. Но вошь предсшавидся мнѣ вдругъ новый пушъ, для всѣхъ опкрышый, кшо не пошрусимъ и вздумаешъ пожелаешъ добраго ушра красавицѣ, а можещъ бышь и сорвашь съ нее поцѣлуй.“

Всѣ бросились къ окну, чшобъ осмолпрвшь опасный пушъ, на кошоромъ и свѣжая голова могла бы закрузиться, по чрезвычайной высотѣ надь дворомъ. — „Ну же, кшо молодець?“ вскричалъ назойливо Джонъ.

„Я не пойду!“ опивчалъ одинъ изъ поварищей: „я еще, слава Богу, въ полномъ умѣ.“

— „Что за глупости!“ вскричалъ Вольдемаръ съ упрекомъ: „кому придется охота такъ дурачиться! Я увѣренъ, что ты послѣдній согласился бы на это.“

„Право? И какъ увѣришь!“ — возразилъ Джонъ съ досадою.

— „Такъ увѣришь!“ — прервалъ его въ зацѣпливости Вольдемаръ, забывая о благоразумномъ упрекѣ, только что передъ тѣмъ имъ самимъ одѣланномъ: „что я обязываюсь выпрыгнуть изъ этого окна на дворъ, если у тебя доспанешь смѣлости пройти къ окну Маріанны и ворошиться назадъ.“

„Въ умѣ ли ты, Вольдемаръ?“ вскричалъ съ опасеніемъ Гольгеръ. „Пройти по кѣрнису совсѣмъ не опасно, если только швердо рѣшишься; но выпрыгнуть изъ окна — шущь не поможешь опважнотшь, шущь навѣрное надобно свернуть себѣ шею.“

— „Сказано!“ опивчалъ Вольдемаръ, взглянувъ на Джона скоса и не безъ презрѣнія.

Джонъ закусилъ себѣ губы. — „Быть такъ!“ вскричалъ онъ вдругъ, ободряя себя

и бросивъ напередъ за окно спаканъ свой: „мы увидимъ, сдержишь ли онъ слово!“

Всѣ изумились; но когда Гольгеръ, по какому-то предчувствію, хотѣлъ удержашъ его, другіе не допустили; всѣ жадничали приключенія, на кошорое бы у каждаго до-сшало духу. Джонъ взлѣзъ на корнизъ, и пылая ошъ виѡа и пшеелавія, безъ малѣйшаго признака робости, пробрался къ крайнему окну, постучался въ него, пожелалъ дѣвушкѣ добраго ушра и ворошилса шакже непринужденно.

„Ну!“ закричалъ онъ, прыгая съ окна въ комнашу: „я совсѣмъ!“

Вольдемаръ, кошорый, лишь только синалъ онъ возвращашься, ошошелъ ошъ окна и сидѣлъ призадумавшись — при эшихъ словахъ вдругъ вскочилъ.

„Въ умѣ ли ты?“ закричали прочіе, не допуская его къ окну: „кто изъ насъ сомнѣвается въ швоей смѣлоспи?“

„Оспавъ!“ сказалъ Гольгеръ, съ мрачнымъ взглядомъ на Джона. „Злѣйшему врагу своему не пожелалъ бы я этого, не шолько...“ Онъ не договорилъ.

— „Разумѣешь“ — возразилъ Вольдемаръ съ принужденною улыбкою: „кто же въ самомъ дѣлѣ можешъ на это рѣшишьса? Еще жизнь не надѡла мнѣ. Постойше же!

я только смѣрю, для шушки, высоко ли пушъ.“ Онъ подошелъ къ окну и оборотясь къ поварицамъ, указавъ на уголь комнашы, говоря: „подайте брашцы, вонъ тамъ веревка съ гирей!“ Пошомъ вдругъ вспрыгнувъ на окно и съ сильнымъ размахомъ бросился внизъ, прежде нежели кто нибудь могъ удержавъ его.

Всѣ ошолбенѣли въ испугъ. Никто не осмѣлился взглянуть за нимъ въ слѣдъ. Но еще мгновение, и всѣ вдругъ бросились къ дверямъ.

Тутъ Гольгеръ, блѣдный какъ смерть, но сохранившій присущее уму, успѣшно удержалъ ихъ. „Поспойте!“ закричалъ онъ. „Развѣ не помните вы, что мы всѣ можемъ сдѣлаться несчастными, если не будемъ осторожны. Пусть двое пойдутъ со мною! Только не вы, Джонъ!“ примолвилъ онъ, не смотря на него. „Пойдемъ вы и вы!“

Сколь возможно скоро, и сколь возможно безъ шуму, побѣжали шрое поварицей внизъ по лѣсницѣ. Не безъ пренеша опворили они дверь на дворъ; едва осмѣлились взглянуть на упавшаго, боясь увидѣть его мертвымъ. Но первый взглядъ успокоилъ ихъ нѣсколько: Вольдемаръ сидѣлъ на кучѣ снѣгу.

„Ты живъ! слава Богу!“ сказалъ, подбѣгая къ нему, Гольгеръ.

„Слава Богу!“ отвѣчалъ онъ, едва переводя дыханіе: „но дайше мнѣ опомнишься. Хоть я и мѣшилъ на эшу кучу, а все кажешся, переломилъ себѣ ногу.“

Такъ и было. Какъ человекъ, не могъ Вольдемаръ сначала преодолѣшь смертельную шоски, кошорая держала его въ оцѣпененіи, но вскорѣ прежняя бодрость духа оживила его. „Я какъ будшо весь разбишь“ — сказалъ онъ: „но эшо ничего. Опнесише меня легонько на постель и смоприше, чшобъ никшо, кромѣ нашего круга, а особливо Начальникъ, не зналъ объ эшомъ произшесшвіи.“

Удалось дѣйствительно скрышь его ошь всѣхъ: сказали, что Вольдемаръ случайно упалъ на лѣсницѣ. Уже спустиа многіе годы, когда совсѣмъ другіе люди заселили корпусъ, эшошь анекдотъ сдѣлался гласнымъ между офицерами. — Но весьма ошибся Джонъ, предполагая, что сей случай доставишь ему болѣе уваженія ошь шоварищей. Напрошивъ, ни одинъ изъ свидѣтелей онаго никогда не былъ къ нему близокъ; особливо же Гольгеръ оспался навсегда къ нему холоденъ; еще всѣхъ ласковѣе обращался съ нимъ самъ Вольдемаръ. За холодношь

плашиль Джонъ такою же холодносноію, хоша шоварищеское приличіе, какимъ они обязаны были другъ другу, никогда не нарушалось ими, и никшо изъ офицеровъ, не принадлежащихъ къ ихъ кругу, не могъ подозрѣвать, чшобъ существовало между ними какое нибудь несогласіе.

Но необыкновенная перемѣна произошла между двумя юношами, пишавшими прежде другъ къ другу почти враждебныя чувства. Сей случай, какъ бы сковаль ихъ на вѣкъ неразрывными узами. Гольгеръ почти не опшодиль онъ постшели Вольдемара, а сей все съ бѣльшимъ умиленіемъ взираль на возрастающія попеченія о немъ прежняго его соперника.

Выше всего въ мірѣ уважалась въ корпусѣ честь, кошорой законъ повелѣваешь сдержашь данное слово, не взирая ни на какія препяшствія. Гольгеръ, счишая себя способнымъ пожертвовашь для нея даже своею жизнью, и можешь бышь, не признавая ни въ комъ другомъ споль возвышеннаго чувства, былъ пораженъ дерзкимъ поступкомъ Вольдемара и грудь его преисполнилась живѣйшаго удивленія. Въ опшажномъ духѣ юноши, узналь онъ свой собственный; тайное раскаяніе въ шомъ, что онъ и одну минушу могъ цшшашь, на него

именно, хоша легкое, но нозорное подозрѣніе, возбуждало въ душѣ его, какое-то пылкое, мечтательное самоопроверженіе. И больной стыдился вшайнѣ своего прежняго опшращения опш юноши, кошорый споль сильно умѣлъ чувствовашь. Такимъ образомъ немногіе часы, когда оспавляли ихъ однихъ, проводили они въ молчаніи, почши въ пятгоспномъ положеніи. Имъ невозможно было начашь искренній, а шьмъ еще менѣ равнодушный разговоръ, пока не послѣдовало между ними полнаго сознанія, къ кошорому присшупишь было очень шрудно для обоихъ, ибо гордый, возвышенный духъ каждаго считалъ умиленіе слабосшію, и стыдился заспавишь говоришь свое сердце. Но подобно шому, какъ быспрая рѣка, прорывая наконецъ плошины, все вдругъ за собой увлекаешь, должно было спремленіе ко взаимной любви преодолѣшь ложный стыдъ, его преграждавшій, и сомкнушь съ неразрушимою силою двѣ души, одними чувствами пламенѣвшія.

Такъ и случилось. Въ первый вечеръ, въ кошорый позволено было Вольдемару вшашь съ посшели, собрались у него почши всѣ свидѣтели его подвига. Не забыли принести съ собою вина и посшавишь спразу, на случай неожиданной помѣхи се-

го маденькаго пиршества. Живость разговора увлекала каждаго и разумѣлся, что ни одна малѣйшая подробность той доспомянутой ночи, не ускользнула отъ воспоминанія собесѣдниковъ. Одинъ Гольгеръ почти не принималъ въ шомъ участія; онъ былъ молчаливъ, нежели когда-либо; но невыразимая радость блистала изъ прекрасныхъ глазъ его.

Когда наступилъ часъ вечерней молитвы, надобно было разспаться, чтобы явиться въ общей залѣ, а потомъ итти спать. Только Гольгеръ, пользуясь выпрошеннымъ позволеніемъ ходишь за больнымъ, осмался при немъ. Ему дозволено было обмѣняшься кроватями съ другимъ поварищемъ и жишь въ одной камерѣ съ Вольдемаромъ. По болѣзни послѣдняго, еще двое жившіе съ нимъ питомцы, были на время удалены. Такимъ образомъ два юноши, жаждавшіе взаимной довѣренности, сидѣли на свободѣ другъ прошивъ друга, и въ первый разъ по выздоровленіи одного изъ нихъ, могли непринужденно объяснишься; но Гольгеръ все еще не могъ найти словъ: онъ смолчалъ безмолвно, почти мрачно передъ собою. Вольдемаръ замѣшилъ въ немъ необыкновенную шоску.

„Здоровъ ли ты?“ спросилъ онъ забот-

ливо. „Ты говорилъ шакъ мало во весь вечеръ и почти не пилъ вина.

— „Я не могъ“ — ошвѣчалъ Гольгеръ не поднимая глазъ: „не могъ въ присутствіи другихъ; хочу напередъ выпить одинъ съ шобою.“ — Онъ вскочилъ и доспалъ пару бушылокъ, нарочно имъ спряшанныхъ. — „Но хочешь ли ты пить со мною?“

„Что за вопросъ?“ сказала Вольдемаръ съ жаромъ: „съ кѣмъ же охочишь?“

— „Ты не шутишь?“ продолжалъ Гольгеръ и слезы брызнули изъ глазъ его. „Я не шюю шого. Нѣшь, нѣшь! я чувшвую, ты долженъ ненавидѣшь меня.“

„Тебя?“ вскричалъ Вольдемаръ и вскочилъ шакъ быспро, чшо жестокая боль ошозвалась въ его, еще слабой ногъ; онъ вдругъ поблѣднѣлъ и зашашался. Гольгеръ въ испугъ бросился, чшобъ поддержать его. Вольдемаръ обхватилъ его обѣими руками, и шакъ спояли оба, заключенные въ крѣпкихъ брашскихъ объашіяхъ.

„Просишь ли ты меня?“ сказала, всхлипывая, Гольгеръ: „я дурно разумѣлъ о шебъ.“

— „Я шю же о шебъ“ — воскликнулъ Вольдемаръ замирающимъ голосомъ. „Но шеперь эшого болѣе не будешъ.“

„О нѣшь! клянусь Богомъ! никогда!“
 подтвердилъ Гольгеръ. „Но ты долженъ те-
 перь узнать всю вину мою; Богъ въдаетъ
 ошь чего, полько я близокъ былъ, Вольде-
 маръ, къ тому, чшобъ тебя ненавидѣшь.
 Но лишь полько выпрыгнулъ ты за окно,
 моя душа прыгнула въ слѣдъ за побою, а
 съ нею вся злоба моя, моя ребяческая за-
 висшь — да, зависшь, упала, раздавленная,
 къ ногамъ твоимъ. Съ тѣхъ поръ чувствую
 въ себѣ сильное влеченіе поплакать на не-
 нависшнѣй прежде груди твоей. Не смѣйся
 моей горделивой глупости: я шочно, какъ
 бы видѣлъ, самого себя въ тебѣ прославлен-
 нымъ. Между тѣмъ просишь прощенія, —
 не ворочался глупый языкъ мой; но те-
 перь, те- перь — ахъ, можешь ли ты просишь
 меня?“

— „Развѣ я не шакъ же виноватъ те-
 редъ побою? — Изгладимъ же прошедшее,
 соединивъ сердца наши для неразрывнаго
 дружества.“

„Да будешь!“ воскликнулъ Гольгеръ:
 „пусть это вино ознаменуешь союзъ нашъ.
 Чѣмъ бы мнѣ еще убѣдишь тебя въ моемъ
 раскаяніи? мнѣ хошѣлось бы оцдѣшь тебѣ
 часщину самого себя, но не знаю, какъ. —
 Поспой!“ — продолжалъ Гольгеръ, сдѣлавъ
 движеніе радости; пошомъ схватилъ онъ

маленькой морской коршикъ, засучилъ себя рукавъ и легонько укололъ руку. — „Вошь кровь моя! выпей нѣсколько капель съ своимъ виномъ, и тогда мы навѣки будемъ принадлежать другъ другу!“

Огонь его сообщился и Вольдемару, не сполько пылкому. Улыбаясь и со слезами на глазахъ, можешь бышь въ первый разъ съ пѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ ребячества — схватилъ онъ коршикъ и шакже прокололъ свою руку, выжалъ въ спаканъ его нѣсколько капель пурпуровой влаги, — „Знаешь ли,“ сказалъ онъ, подавая спаканъ Гольгеру: „что предки наши поже кровью своею пили союзъ братства, заключаемый на жизнь и смерть?“ Молча, рука въ руку, выпили они однимъ духомъ кровавое вино.

„Вошь шакъ!“ сказалъ Гольгеръ и разомъ, онъ и другъ его, шакъ сильно опустили на споль спаканы, что оба разбились въ рукахъ ихъ. — „Развѣ мы хуже предковъ нашихъ? Будемъ не менѣ вѣрны, не менѣ шверды. Да не осмѣлился прешій смущать насъ между собою! Въ шу роковую ночь прояснилась мнѣ испина. Теперь я навѣрное знаю, кто испортилъ рисунокъ мой.“

— „Можешь бышь!“ ошвѣчалъ Вольдемаръ опривисшо, съ мрачнымъ взоромъ.

„О, навѣрное! — Ты конечно самъ въ шомъ увѣренъ. Да безъ сомнѣнїя, ша же рука разрушила и твою работу, хопя....

— „Нвшь, Гольгеръ!“ прервалъ его вдругъ Вольдемаръ. И на величайшаго негодя можно взводишь небылицу. Мой рисунокъ — я поклялся, съ эшѣхъ поръ не имѣшь никакихъ ошь себя шайнъ! — мой рисунокъ разрушилъ я самъ.“

„Самъ! зачѣмъ?“ вскричалъ изумленный Гольгеръ.

— „Ты шель всегда передо мною, и если я спарался снашь выше себя, но все не хопѣлъ бышь обязаннымъ шакому обыкновенному случаю за превосходство свое, кошораго, можешь бышь, и не заслуживалъ; но съ шѣмъ вмѣстѣ не хопѣлъ я и хвасташься симъ, споль ешешественнымъ чувствомъ; пошому-шо....“

„И ты рѣшился на шо?“ вскричалъ Гольгеръ, прижимая сильно къ сердцу своему его руку: „и еще прежде, нежели Начальникъ нашъ сдѣлалъ шому негодю намекъ, кошораго не хопѣлъ онъ поняшь? Ну, шеперь я не могу видѣшь въ шобѣ самага себя; пошому, чшо ты гораздо меня лучше. Мы оба принадлежимъ къ почешивѣйшему сосшоянїю въ мїрѣ, но шобю оно должно гордиться. Однако и шущь прокрадся нѣ-

кпо.... Послушай! мы заключили неразрывный союзъ вѣрности; составимъ же еще вмѣстѣ ограду нашему флагу — чшобы, какъ снаружи не смѣешь никшо запяшнать его, шакъ и внутри осшавался бы чисшь голубой цвѣшь одежды сыновъ его. — Ешь нѣкшо — зоркимъ взоромъ будуя слѣдовашъ за малѣйшимъ его поступкомъ.“

„И я не менѣ“ — ошвѣчалъ Вольдемаръ. Да, да, мы одинаково мыслимъ — будемъ и дѣйшвовашъ единодушно. Какъ чисшь флагъ, шакже чисша должна бышь одежда сыновъ его. Снисходишь къ просшупку, но ненавишь безъ милосердія всякаго, кпо порочишь свое званіе — онъ недосшойнъ дружбы.“

— „Конечно недосшойнъ“ — сказалъ, размышляя, Гольгеръ: „но все было бы жестко, если бѣ пришлось нашего шоварища....“

„Жестко!“ продолжалъ Вольдемаръ нѣсколько покойнѣе: „но могли ли бѣ мы бышь менѣ спроги къ самимъ себѣ? Послушай, Гольгеръ! шы другъ мой, инаго я не имѣлъ и не буду имѣшь; но если бѣ случилось невозможное, — если бѣ шы сдѣлалъ поступокъ, недосшойный флага, я самъ пошребовалъ бы швоей крови. И неужели шы, на оборощъ, не захошѣлъ бы шого же?“

— „Я хочу болѣ!“ вскричалъ Гольгеръ. „Надобно помнишь, что и мы люди! Какъ въ старое время члены брашства клялись опмщашъ за смерть другъ друга, шакъ мы поклянемся опмщашъ самимъ себѣ за свою испорченность. Не предполагаю возможности, но шребую опъ шебя въ сію священную минушу, шребую обѣщанія: если мнѣ случишь несчастіе, сдѣлашь шаккой пошупокъ, кошорый ты, ты съ чисшою швоею душею, и я самъ, найдемъ дурнымъ, недосшойнымъ носимаго нами мундира, — шогда ты немедленно повергнешъ меня мершвымъ, чшобъ изгладить посрамленіе нашего званія. Обѣдай мнѣ. По невозможности повода къ шому, мнѣ будешь легко сдѣлашь тебѣ шже обѣщаніе. Но все шакки дадимъ другъ другу слово.“

„Почему не шакъ?“ опшѣчалъ Вольдемаръ. „Въ самомъ дѣлѣ, если бѣ со мной случилось что нибудъ подобное, я счелъ бы еще благодареніемъ, когда рука друга избавишь меня опъ заслуженнаго посрамленія предъ цѣлымъ свѣшомъ. Въ эшомъ случаѣ, да будешь смершельная рана послѣднею услугою дружбы. Я не понимаю однако, какимъ образомъ радосшныя чувспва наши взяли шакое спранное направленіе.“

„Ошь шого“ — возразиль Гольгеръ, смѣючись: „что шущь вмѣшался бездѣльникъ, и“ — прибавиль онъ съ пасмурнымъ видомъ — „бездѣльникъ, кошорый носиль нашъ мундиръ; и шакъ....“ Друзья ударили по рукамъ, и шѣмъ запечащѣли взаимный обѣщъ.

Черезъ полгода они, безъ дальнѣйшаго испытанія, посшупили въ ряды офицеровъ.

(*Продолженіе опредъ.*)

II.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ УЧИЛИЩЪ.

(*Окончаніе.*)

Исторія Баварскихъ Училищъ съ 1804 — 1825.

Оспавишь безъ вниманія предлагаемую Г. Т. (на с. 392—417). Исторію ученыхъ школь въ Баваріи съ 1804 по 1825 годъ, значило бы не показашъ, на какихъ наблю-

*

деніяхъ Авторъ преимущественно основалъ многія изъ представленныхъ имъ заключеній. Зная, сколь вообще примѣры нужны для объясненія правилъ и доказательствъ для оправданія положеній, я не только счишаю нужнымъ представивъ извлеченіе изъ сей главы, но даже изложу содержаніе оной большію частію въ почномъ переводѣ.

Монашвыри Баварскіе, принявъ для обезпеченія дальнѣйшаго своего существованія, начальство надъ Училищами, довели оныя до того, что Правительство, въ 1804 году, принуждено было совершенно переобразовать учебныя заведенія. Тогда въ Минхенѣ изданъ планъ ученія для всѣхъ Курпфальцъ-Баварскихъ среднихъ Училищъ (*Lehrplan für alle churpfalz-bayrischen Mittelschulen*). Изсякшую въ школахъ жизнь, ученіе, представившее только пѣнь нѣкогда процвѣтавшихъ знаній, Правительство надѣялось освѣжить преподаваніемъ въ Училищахъ Наукъ, полезныхъ и для житейскаго быту.

Перерожденіе истинно классическаго ученія (*humaniora*) въ школьный бездушный педантизмъ, побудило нѣкоторыхъ друзей человечества искать инаго пути къ лучшему образованію юношества. Надобно, говорили они, бросить безплодныя упражне-

нія и занявшись природою и вещьми полезными, облегчишь учение разнообразіемъ и укрѣпишь физическія силы шѣлодвиженіями и упражненіемъ. *Базедовъ*, находившійся (при Филантропическомъ заведеніи) въ Дессавѣ, *Кампе* въ Брауншвейгѣ и *Зальцманъ* въ Шнепфеншалѣ, были основателями сего способа воспитанія, который пошомъ доведенъ до высшей еще степеніи *Песталоцциемъ* (с. 395).

Такимъ образомъ попрясена прежняя, изуродованная временемъ система; но съ нею вмѣстѣ поколебались и прочнѣйшія основы всякаго дѣльнаго и высшаго образованія. Дальновидные мужи ужаснулись опасности, предстоящей основательному просвѣщенію, и — началась борьба между двумя значительными партіями, борьба, коптой причины лучше прочихъ изложилъ *Нитгаммеръ* (J. Fr. Niethammer) въ книгѣ: *Der Streit des Philantropismus und Humanismus in der Theorie des Erziehungsunterrichts unserer Zeit*. Iena, 1808. Доводы его убѣдили Баварское Правительство уже въ 1808 году, вновь преобразовать Училища. Къ изданному тогда постановленію (*Allgemeines Normativ der Einrichtung der öffentlichen Unterrichtsanstalten im Königreiche Bayern*), присовокуплены бы-

ла еще (липографированныя) въ 1810 и 1813 г. дополненія о способъ и основаніяхъ опредѣленнаго онымъ ученія (Ausführlicher Erlass an die sämmtlichen General- und Kreis-Kommissariate des Königreichs über die Methode und Grundsätze des in dem Normativ vorgezeichneten Unterrichts; с. 398).

Успроены были *приготовительныя Училища*, *низшія Гимнази*, съ принадлежащими къ нимъ мѣщанскими Училищами, собственно такъ называемыя *Гимнази* и *Лицен*.

Въ первыхъ (Primärschulen), раздѣленныхъ на 4 класса и назначенныхъ для обученія дѣтей, съ 8 по 12 годъ, 12 часовъ въ недѣлю, были назначены для Лашинскаго языка и 16 для прочихъ предметовъ (sächlicher Unterricht).

Тоже самое распоряженіе введено и въ *низшихъ Гимназіяхъ* (Progymnasien), съ тѣмъ однако, что присовокуплено и обученіе Греческому языку. Успроенныя при сихъ Гимназіяхъ *мѣщанскія Училища*, были назначены для обученія предметамъ высшей гражданской промышленности, и для приготовленія къ политехническому образованію такихъ юношей, которые, посредствомъ точныхъ или положительныхъ Наукъ (scien-

ses exactes) намѣревались образоваться въ высшемъ Училищѣ, и даже въ Университетѣ. Какъ Прогимназіи, такъ и мѣщанскія Училища сіи, состояли изъ двухъ классовъ.

Курсъ гимназическаго ученія былъ раздѣленъ на 4 класса, такъ точно, какъ и курсъ ученія въ мѣщанскихъ или политехническихъ Институтахъ (Realinstitute). Гимназическое ученіе было основано на классикахъ; политехническое же на почныхъ или положительныхъ Наукахъ.

Такимъ образомъ ученіе мальчиковъ съ 12 года, принимало различное направленіе: одни посвящались классическому, другіе реальному или политехническому ученію. Лицеи, гдѣ находились, были составлены изъ двухъ философскихъ классовъ, занимаемая мѣсто между Гимназіями и Университетами.

Дабы однако, ученіе въ Гимназіяхъ неограничивалось однимъ только чтеніемъ и шолкованіемъ классиковъ, (на что назначено было по 12 часовъ въ недѣлю), определено преподавать еще въ оныхъ: Законъ Божій, ученіе должностямъ (человѣка и гражданина), Мифологію и Археологію, Космографію и Физіографію, Землеописаніе, Исторію (въ нѣсколькихъ классахъ), также логическія

упражнения (logikalische Uebungen), введение въ Философію, введение въ познаніе всеобщей связи Наукъ, и Французскій языкъ (во всѣхъ классахъ). Такое умноженіе числа предметовъ, конечно могло служить только къ уменьшенію основательности ученія. Многосложная сія машина не безъ труда приведена была въ движеніе, за малую плату мало образованными Учищеями (с. 399).

Тотчасъ въ первые годы, по введеніи сего новаго устройсва, оказалось, что политехническія (мѣщанскія) Училища безъ Лашинскаго языка, не могли обратиться въ свою пользу общественнаго мнѣнія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они вовсе не состоялись; въ другихъ же, скоро опять исчезли, или были присоединены къ народному Училищу, въ видѣ высшаго мѣщанскаго Училища. Изъ основанныхъ на первый случай двухъ политехническихъ институтовъ (Real-institute) Авгсбургскій, по недосмотру въ учащихся, упраздненъ уже въ 1811 году. Другой, въ Ниренбергѣ, угрожая гибелію старой, основанной Меланхтономъ, Гимназіи, не могъ приобрести довѣрія гражданъ, доколь городъ не принялъ онаго на свое собственное попеченіе. Но и шумъ оныхъ существовалъ только до 1816 года (с. 400).

Такъ-шо погибли политехническія Училища, бѣльшею частію опъ того, что изъ оныхъ вовсе исключено было классическое ученіе, а низшія и высшія Гимназіи не могли доспигнушь цѣли пошому, что въ оныхъ число предметовъ ученія было слишкомъ велико. Не менѣе вредно было и то, что родилели, желая непременно, чтобы дѣти научились сперва опечешвенному языку, опсылали ихъ въ Лапинскую школу не ранѣе 10, 11 и даже 12 года, что не дозволяло досташочно и основашельно пригшовишь учащихъся. Къ шому еще присовокупилося невѣжештво преподавашелей Философскаго класса, кошорые, непосшигая цѣли своего опредѣленія, спали преподавашь *полный курсъ* Философіи, — не соопвѣшпвующій ни лѣшамъ, ни поняшіямъ Гимназисповъ.

Но всему эшому можно бы было еще пособишь: — надлежало бы шолько усилишь классическое основаніе всего ученія, исключишь излишніе предметы преподаванія и улучшишь качештва и сосшояніе Училишей. Для сего въ 1816 году предприняшо новое преобразование учебныхъ заведеній. — И что же сдѣлано? — Низшія пригшовишельныя Училища, шребовавшія укрѣпленія, ослаблены; ибо изъ чешырехъ классовъ сдѣлано два.

Къ шому же всѣ они были вовсе ошдѣлены ошъ прочихъ учебныхъ заведеній, лишеніемъ права на получение суммъ изъ училищнаго капишала, и предосшавлены на попеченіе мѣспнаго вѣдомсшва, бѣльшею часшю обѣднѣвшихъ приходовъ и недосшашочныхъ гражданъ. Еще хуже, почши, поступлено съ самыми Гимназіями. Вмѣспо шого, чшобы дашь другое направленіе Философскому ученію, оно исключено было вовсе, а вмѣспѣ съ Учишелемъ Философіи, удалень былъ и Профессоръ Машемашики. Трудно повѣришь сему въ 1826 году!

Философія и Машемашика перенесены были въ Лицей. Такимъ образомъ, Гимназія была совершенно ошдѣлена ошъ Университеша (с. 404), не взирая на шо, чшо все еще предполагалось, чшобы учащіеся изъ Гимназій поступали въ Университешъ (*). Превращная мѣра сія была вредна сколько

(*) Такой переходъ ошъ классическаго ученія къ систематическому упражненію въ Наукахъ, безъ всякаго къ шому пригошвленія, Г. Брауншвейгъ, не безъ основанія уподобляеть паденію Ифеша (Вулкана), кошорый, будучи извержень ошъ сонна Боговъ, принужденъ проводить земное многшрудное бышіе свое въ мрачной кузницѣ.

для Гимназій, сколько же, и даже болѣе еще, для Университетовъ. Изъ первыхъ выходили молодые люди, недовершившіе надлежащимъ образомъ гимназическаго курса, неприведшіе въ умъ своемъ въ порядокъ всего того, чему они обучались въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ; а въ Университеты поступали такіе, которые не были еще достаточно къ тому приспособлены, т. е. не имѣя предварительныхъ понятій объ основаніяхъ, постепенномъ развитіи и связи человѣческихъ познаній. Класный учитель, и то одинъ только, долженъ былъ преподавать по 18 часовъ въ недѣлю, сверхъ языковъ Латинскаго и Греческаго, также отечественный языкъ нѣсколько (etwas) Математики, Исторіи и Географіи, и по изгнаніи Философіи, съ вѣщшею основательностію Законъ Божій. Классы были наименованы по порядку: классами *Вѣры, добродѣтели, надежды и любви*. Въ высшемъ классѣ, (удаливъ даже основаніе Философіи), требовалось изложеніе единства Христіанскаго ученія и умозозерцанія. Каждое слово въ семъ отношеніи, было бы излишнимъ примѣчаніемъ! И вошь на чемъ хошѣли основать прочность ученыхъ школъ (der gelehrten Schulen)! — Чувствовали, что нужно уменьшишь число Учителей въ каждомъ осо-

бенномъ классѣ, и для сего, — даже Математику и самый Законъ Божій, заславили преподавашь единственнаго лишь класнаго Учишеля. Потерянь былъ средній пушь, а съ нимъ и возможность доестигнушь цѣли учебныхъ заведеній! Пуще всего опъ шакихъ мѣрь поспрадала Матемашика. Но пагубныя послѣдствія сей крайности обнаружились шакъ скоро, что уже по прошествіи немногихъ лѣтъ, спали (не опказываясь впрочемъ явно опъ приняшой системы), подъ разными предлогами, вводилъ при нѣкошорыхъ заведеніяхъ, особыхъ Учишелей Матемашики, а попомъ и Закона Божія. Самые успѣхи учащихся въ Географіи и Исторіи были поддерживаемы только усердіемъ просвѣщеннѣйшихъ наславниковъ.

Спусия нѣсколько мѣсяцевъ по введеніи сей, весьма неуспѣшительной для просвѣщеннѣйшихъ мужей системы ученія, высшее начальство, водворившее оную, было перемѣнено. Не взирая однако на явное разстройство Училищъ опъ сей системы, не взирая на неумѣстность оной, шоржесшвенно признанную и новымъ начальствомъ, прежній порядокъ и безпорядокъ, опшались въ своей силѣ, и существовали до 1824 года. Такимъ образомъ, не менѣ семи лѣтъ

старались пособлять всѣмъ неудобствамъ только частными средствами (с. 407).

Въ упомянутомъ 1824 году, желаніе пособить явному неуспроисву, наконецъ приблизилось къ своему исполненію. Но не прошло года, послѣ начертанія новаго плана Училищъ (Schulplan), какъ уже, по причинѣ многихъ препяшшвій, опять должно было принять новыя дѣяшельнѣйшія мѣры.

Вмѣсто того, чѣобы обратишься къ поспановленіямъ 1816 года, и исправилъ показанные выше недоспапки оныхъ, вмѣсто введенія Лашинскаго языка въ низшихъ классахъ, приготошительныя Училища оставлены при двухъ только классахъ; и самый надзоръ за оными порученъ мѣшному начальству, которое уже должно было пещися о содержаніи оныхъ. Пагубныя послѣдствія сего споль очевидны, чѣо не требуюшъ никакого изложенія.

Низшія Гимназіи (Прогимназіи), копорыя удобно могли бы соспаляшь особыя Училища, назначенныя для окончательнаго приготошленія къ гимназическому курсу (с. 409), были присоединены къ высшимъ Гимназіямъ. Наконецъ, къ симъ же высшимъ Гимназіямъ, присовокупленъ еще Лицейскій классъ, въ коемъ, сверхъ изьясненія Греческихъ и Лашинскихъ Писателей, надлежало

преподавашъ Исторію, Математику, и изъ Философскихъ Наукъ наипаче Логику. Теперь впади еще и въ другую крайность. Казалось, что всѣ несовершенства происходящія отъ недоспашочнаго ученія Философіи, которую каждый Университетскій студентъ, обязанъ былъ слушать въ продолженіе одного года, а Лицейскіе въ теченіе двухъ лѣтъ, до поступленія въ какой либо опредѣленный Факультетъ. Почему же, спросили, одинъ только годъ въ Университетѣ? Развѣ возможно съ основательностію довершишь въ теченіе года весь Философскій курсъ? И пакъ, для водворенія основательности, (и дабы не прибавляшь къ Университетскимъ 4^{мъ} годамъ, ученія пятаго) присовокупленъ былъ Философскій классъ къ Гимназіямъ. — Слѣдственно, начало основательности полагалось только въ высшихъ классахъ. Не значить ли это, прикрывашъ песпрою маншіею красныхъ словъ шоще шѣло ученія? И одна Логика доспашочна ли для совершеннаго мышленія? — Конечно шоль же мало, какъ и одно лишь познаніе правилъ Поэзіи или Риторики, для произведенія кого либо въ Поэты или въ Вишіи.

Не рѣшено было и то, принадлежалъ ли Лицейскій классъ къ самой Гимназіи,

или не соспавлялъ ли оный родъ особаго высшаго Училища. Ученикамъ, довершившимъ курсъ гимназическій по прежнему, безъ предварительнаго посѣщенія Лицея, дозволялось поступать въ Университетъ. Весьма естественно, что Лицей ошъ сего опустѣли. Запушанность увеличилась еще болѣе, когда надлежало уменьшить число гимназическихъ классовъ. Какъ бы нарочно новому плану былъ пожертвованъ низшій классъ Гимназіи. Тогда-то ученики, довершившіе ученіе въ пригошовишельныхъ классахъ, не были еще пригошовлены къ поступленію въ Гимназію. Учредили между пригошовишельнымъ Училищемъ и Гимназією, новый классъ (provisorische Classe), въ коемъ до чрезмѣрности накоплялось число учащихся; между шѣмъ, какъ въ шакъ называемомъ Лицейскомъ классѣ, былъ недоспашокъ въ слушателяхъ. Кончилось шѣмъ, что Директорамъ предоспавлено было право, усшроивать Училища по собспвенному своему усмошрѣнію, на основаніи какого либо прежняго поспановленія (с. 413).

Учрежденіе Лицейскаго класса при Гимназіяхъ, было вредно еще и пошому, что въ ономъ преподавались не всѣ предметы, коимъ обучались въ самыхъ Лицеяхъ. По сему-шо шѣ, кошорые намѣревались пробышь

второй годъ Философскаго курса не въ Университетъ, но въ Лицеѣ, не были доспашочно пригошвлены для высшаго класса сего заведенія.

Не взирая однако, на всѣ неудобства сего новаго плана ученія, нельзя ошказатъ ему въ справедливомъ уваженіи къ нѣкошорымъ благимъ мѣрамъ, въ ономъ изложеннымъ. Таковы напр. ограниченіе числа учащихся въ каждомъ особомъ классѣ и улучшение училищельскаго жалованья; умноженіе классическаго ученія, опредѣленіе особыхъ преподавателей Математики и Закона Божія, и наконецъ введеніе Философскаго пригошвленія для поступленія въ Университетъ. Вопшъ положеніе, въ коемъ новое начальство нынѣ принимаетъ подъ свое покровительство учебныя заведенія. Двадцатилѣтняя опытность и многократныя неудачи наилучшимъ образомъ могутъ руководствоватъ его попечительностью, при опредѣленіи новыхъ двящельныхъ мѣр. Къ счастью Баваріи, несомнѣнно однако, что Училища, не взирая на всѣ неудобства, претпашствовавшія успѣхамъ оныхъ, нынѣ находяшся въ лучшемъ положеніи, нежели предъ симъ за двадцать лѣшъ.

О вѣроисповѣданіи учащихся.

Изложивъ мысли свои о предметахъ ученія, Г. Тиршъ обращается къ обществельспвамъ, ошъ коихъ почтнѣйшаго опредѣленія шакже зависшь можешъ благоденспвіе учебныхъ заведеній.

Говоря о шернимосши, исходящей ошъ Пресшода Монаршаго, обь основанномъ на оной общеспвенномъ мнѣніи, упрочивающемъ благоденспвіе всѣхъ подданныхъ, и наконецъ о слабыхъ по уму и по числу своему прошивникахъ сего чувспва благородной шернимосши, Г. Тиршъ (на с. 428) обращается къ малочисленной сей шолпѣ слѣдующими словами:

„So strebst du umsonst in die Stunden der Dusterheit umzukehren, wenn die Nacht vergangen ist, in den Frost des Winters, wenn die Tage des Frühlings sich über die Fluren ausbreiten. Die Sonne hat sich höher über den Horizont emporgeschwungen: ihr erwärmender Strahl hat über Hain und Flur seine Kraft ausgebreitet. Was du auch beginnst, dass es anders werde: die Knospen und Blumen des jungen Jahres werden hervorbrechen, und welches auch deine Wünsche seyn mögen, du selbst wirst in seinem Umschwungc fortgetragen und von seiner belebenden Kraft berührt werden; wenn auch dein Fuss schon am Rande des Grabes steht, und deine Augen

sich unverrückt auf das Bild einer Zeit richten, welche dir in dasselbe vorgegangen ist.“

Въ особенности Авшоръ похваляетъ мѣры Баварскаго Правленія Училищъ за то, что оное не дѣлало никакого различія, относительно вѣроисповѣданія учащихся, въ то время, когда надлежало безъ отлагательства приступать къ улучшенію Училищъ, и что тогда только начало обращать и на сей предметъ вниманіе, когда уже доспашочно было образовано учителей изъ Баварской націи. Тогда то спали въ Каполическихъ городахъ Королевства опредѣлять большею частію Каполиковъ, а въ Протестантскихъ Протестантовъ, что самое, если бы было наблюдаемо не во время, конечно принесло бы только вредъ, а не пользу. Въ Аугсбургъ, единственномъ городѣ, гдѣ еще существуетъ распря между Каполицизмомъ и Протестанствомъ, Г. Тиршъ совѣдуетъ опредѣлять Учителей обоихъ вѣроисповѣданій, для успѣшнѣйшаго вселенія въ жителей единодушія; почему и нынѣшнее существованіе при тамошней Гимназіи Протестантскаго Ректора (Вагнера) и Конректора изъ Каполиковъ (Гаспрейтера), онъ признаетъ весьма умѣстнымъ (с. 431).

О надзоръ за поведѣніемъ учащихся.

Глава о дисциплинѣ или надзоръ за поведѣніемъ воспитанниковъ ученыхъ школъ (Zucht der gelehrten Schulen), менѣе прочихъ представляешь рѣшишельныхъ совѣщовъ Автора. По сему она, кажешся, и менѣе удовлетворительна. Какъ однако, главнымъ предметомъ разысканій Г. Тирша, было распределение ученія, то остаешся поблагодарить его и за шѣ извѣстія, которыя онъ въ сей главѣ намъ предлагаетъ.

Опредѣлишь приличныя во всякомъ случаѣ мѣры, къ поддержанію благоустройства учебныхъ заведеній, говоришь Сочинитель, едва ли не прудишь еще, чѣмъ назначишь съ достовѣрностію благонадежнѣйшій ходъ ученія.

Не рѣшаясь самъ собою опредѣлишь въ точности, какую надлежало бы наблюдать дисциплину въ Нѣмецкихъ Училищахъ, Г. Тиршъ (на с. 460 и д.) думаешь, что въ семъ отношеніи, не худо было бы пригласить просвѣщеннѣйшихъ Директоровъ разныхъ Училищъ, къ изложенію мыслей ихъ, основанныхъ на долговременной опытности. Они, наилучшимъ образомъ, могли бы опредѣлишь отношенія учащихся къ учащимъ, и сихъ послѣднихъ къ Директору и родителямъ.

*

Вообще же Авшоръ нашъ полагаетъ, что юношамъ должно бы воспрещить посѣщеніе публичныхъ мѣстъ, шанцовъ, пиршествъ, концертовъ и театра. — За отсутствіемъ родителевъ, назначить кварширы, въ коихъ имъ проживать можно, или же соединять ихъ въ особыхъ домахъ, подъ надзоромъ определенныхъ на сей конецъ Инспекторовъ. Далѣе, предписать распорядокъ ежедневныхъ занятій, наблюдать за опрятностію одежды и чистотою книгъ; за почтенымъ посѣщеніемъ лекцій, за поведеніемъ, въ отношеніи къ учителямъ и поварницамъ; — въ случаѣ же непослушанія, подвергать учениковъ такимъ наказаніямъ, которыя въ состояніи вразумить ихъ, и въ то же время предохранить отъ домашняго баловства. Неумѣстное челоуѣколюбіе въ школахъ, есть ужаснѣйшее безчелоуѣчіе; ему-то большая часть развращенныхъ юношей обязана своею погибелью (с. 461) (*).

Для совершеннаго образованія молодыхъ людей, споль же необходимъ строгій над-

(*) Предписываемая вѣроу снисходительность къ слабостямъ ближнихъ, была бы весьма неумѣстна, въ отношеніи къ школьнымъ пресуупленіямъ. Это весьма хорошо знали уже древніе мудрецы и Святые мужи, сохранившіе для насъ бабъ въ Вешкомъ, шагъ

зорь за поведеніемъ, какъ и основательность въ ученіи (с. 432). Но самая строгость бываетъ двойкая; и Авшоръ по сему случаю, рассказываетъ видѣнное имъ въ Училищахъ Италіанскихъ и Англійскихъ, въ коихъ строгость дисциплины основана на началахъ совершенно противоположныхъ.

Въ Италіи *Institutores* и *Governatores*, *Prefetto* и *Sottoprefetto*, *Confessore* и *Archiprete* всѣ старающіяся проникнуть внутренность учащагося и завладѣвъ оною; въ Англіи наблюдающъ только за точнымъ исполненіемъ училищныхъ правилъ, не касаясь личности и расположеній учащихся. Посему-то, Италіанскія школы образуютъ большую частію людей малодушныхъ, скрытныхъ и лукавыхъ, словомъ, покорныхъ льстецовъ, скрывающихся подъ личиною смиренныхъ агнцевъ; Англійскія же, мужей бодрыхъ, самостоятельныхъ и чистосердечныхъ (с. 438 и д. 458 и д.)

Въ Римѣ мальчики, съ юныхъ лѣтъ забирающіяся въ Семинаріи и Пансіоны. Въ

и въ Новомъ Заветѣ благія поученія, къ сему предмету относящіяся. Удостоверись въ семъ, могутъ слѣдующія мѣста Св. Писанія: Припчей Соломон. XIII; 23; XIX, 18; XXII, 16; XXIII, 13 и 14; XXIX, 15 и 17; — Иисуса сына Сирахова XXX, 1 и д.; и Посланія къ Евсею VI, 4.

особенной одеждѣ, сходствующей съ духовнымъ облаченіемъ, они, въ опредѣленные часы дня, подъ предводительствомъ духовнаго воспитателя ихъ, по - парно прохаживающія въ молчаніи, или же громко чистая молитву. Пламенность Римская въ нихъ усмирена снрогоспію, и блѣдность лицъ свидѣтельствуетъ о расслабленіи силъ ихъ. Вънутри заведенія, всякое свободное движеніе воспрещается, и каждое занятіе подлежащъ снрогому надзору. Наказанія состоятъ въ уменьшеніи или лишеніи пищи, въ умноженіи работъ и въ содержаніи въ заперши, рѣдко въ пѣлесномъ наказаніи.

Въ Англіи соблюдается большая снрогость въ школахъ и въ порядкѣ ежедневныхъ занятій; въ свободные же часы, ученикамъ дается полная воля для игръ и безвредныхъ упражненій. Иностранцу даже нельзя совѣшовашъ, чтобы онъ безъ проводника явился на мѣсто, назначенное для ученическаго гулянья. Учитель есть не другъ, но повелитель учащагося, онъ незабоишъ о наклонношяхъ его, но шокмо о шочномъ соблюденіи постановленныхъ правилъ. Верховный наспавникъ (Heathmaster), есть полный господинъ въ Иштонѣ (главномъ Училищѣ въ Лондонѣ). Онъ одинъ, въ черномъ облаченіи своемъ, въ сосшояніи содержащъ въ боязни до 600 юныхъ Англичанъ. Дѣши

Герцоговъ, Графовъ, Маркизовъ и простыхъ дворянъ (Gentlemen), всѣ равновѣрно подвластны его розгамъ (Birkengeis), коими онъ одинъ въ правѣ изъ своихъ рукъ наказывать ослушныхъ. Когда Госпожа Жанлисъ спросила славнаго Борка въ Лондонѣ объ основаніи (principe) ихъ воспитанія! Боркъ опправился съ нею въ *Hydepark*, и шущъ, показывая на березникъ, сказалъ: вошъ орудіе нашего воспитанія! Всякіе другіе побои, и даже брань, произвели бы вредное вліяніе на юнаго Англичанина; къ розгъ же онъ привыкъ съ дѣтства. Общественное мнѣніе защищаетъ сію систему воспитанія, на основаніи коей, верховный Учишель только вступаетъ въ права и обязанности родителей (с. 442). Но шущъ, въ Ишонѣ, онъ одинъ только имѣетъ исполнительную власть (executif power); онъ лично долженъ наказывать провинившихся, между шѣмъ, какъ у насъ Учишель спыдился бы сей обязанностію (*).

Въ Англии намѣревались было ввести дисциплину швердой земли въ одномъ военномъ Училищѣ. Послѣдствіемъ сего было то, что для усмиренія воспитанниковъ, надлежало

(*) Уставомъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ И. Дерцшскому Университету (§ 66), Учищелямъ именно возбраняется ударить ученика.

послать военную команду; тогда они объявили себя осажденными, и для избѣжанія кровопролитія, осталось одно средство: дозволишь имъ свободное возвращеніе въ свои дома. Примѣръ сей побудилъ начальство ввести въ семь Училищъ прежній спаро-Англійскій порядокъ.

Верховный Учитель въ Эпонъ имѣешь Ассиспеншовъ, кои между собою раздѣляють надзоръ за всѣми вообще учащимися. Самое обученіе, производяшь частные Учители или попечители (*privy tutors*), подъ надзоромъ Училища. Учители сіи, копорые иногда уже съ дѣтства находились при своихъ воспитанникахъ, обучають юношей на квартирахъ, и состояють въ вѣдѣніи ассиспеншовъ и верховнаго Учителя. Публичныхъ лекцій бываешь немного; иногда въ день не болѣе двухъ или трехъ часовъ; онѣ служатъ преимущественно для повѣрки успѣховъ (с. 447).

Въ самомъ Училищѣ помѣщающся около 100 пищомцевъ, коихъ ежедневная пища состоитъ въ баранинѣ, за обѣдомъ жареной, а вечеромъ вареной (*). Прочіе живутъ по

(*) Однако съ недавняго времени, по особому завѣщанію какого-то благотворителя, стали приправлять мясо сіе каршофелемъ (с. 449).

домамъ у шпенныхъ вдовъ, имѣющихъ ошъ
 верховнаго Учишеля дозволеніе, содержатъ
 у себя ошъ 6 до 10 и болѣе воспитанниковъ.
 Весь порядокъ домашней жизни опредѣленъ
 съ шочноспію, и хозяйка обязана шрого
 наблюдать за своими воспитанниками. Умо-
 чаніе о несоблюденіи ими какихъ либо пред-
 писанныхъ правилъ, лишило бы ее навсегда
 права содержать у себя учениковъ (с. 451);
 довольно же одной жалобы шакowej началь-
 ствомъ одобренной хозяйки, для несо-
 мнѣннаго и безпрекословнаго наказанія по-
 шпояльцевъ ея, кошорые зимою въ 7, а лѣ-
 шомъ въ 8 часовъ вечера, непременно дол-
 жны бытъ дома (с. 450 и д.). Малѣйшее ош-
 шупленіе ошъ сего правила, равно какъ и
 ошъ всякаго другаго училищнаго пошано-
 вленія, подвергло бы учащагося наказанію:
 его высѣкли бы, не взирая ни на лѣша его,
 ни на сосшояніе его родителей. Г. Тиршъ
 рассказываетъ, что онъ однажды съ сопуш-
 никомъ своимъ былъ въ гостяхъ у шой да-
 мы, у коей между прочими воспитанника-
 ми, находился и сынъ Бругама (Brougham). Съ
 особеннымъ удовольствіемъ, они замѣнили
 опрашность комнашъ, разсмашривали со-
 браніе лучшихъ классическихъ сочиненій и
 разныхъ книгъ, нужныхъ для выразумѣнія
 оныхъ; любовались шочноспію письменныхъ

упражнений, и радовались основательности въ классическихъ познаніяхъ. Съ ними былъ молодой человекъ (Crawford), жившій онду да шагахъ въ двадцати, у другой хозяйки. Въ 8 часовъ, говоришь Г. Тиршъ, онъ спѣшилъ домой, никакъ не вѣдая нашему приглашенію, чѣмбы онъ онъ насъ не ошлучался. Для сего нужно было дозволеніе главнаго Учишеля, который на письменной просьбѣ нашей подписалъ: „дозволяешся на два часа, во уваженіе ошличныхъ особъ, а шомъ „просящихъ.“ Тушъ возвратился къ намъ сей весьма образованный воспитанникъ, котораго послѣ 10 часовъ вечера, уже ничшо не могло бы болѣе удержашъ въ нашемъ кругу (с. 454). — Воспитанникамъ Ишонскимъ въ Лондонѣ, дозволяешся жить шолько по сю сторону Темзы, коей мостъ естъ предѣлъ всѣхъ ихъ прогулокъ. Никакія празднества прошивоположнаго берега не могушъ извинишъ перехода чрезъ оный. Гулянья бываюшъ шолько на опредѣденномъ для шого мѣстѣ, и ученикамъ на улицѣ недозволюешся самимъ собою всшупашъ въ разговоръ съ чужими для нихъ лицами.

Власшъ высшаго Учишеля шакъ безусловна, чшо ей никакая другая власшъ прошивишъ не можешъ. Доказательствомъ сему служишъ примѣръ Фокса. Сей, будучи

еще юношею и любимцемъ отца своего, Лорда Голманда, былъ взятъ въ Парижъ, когда Лордъ, въ званіи Великобританскаго Полномочнаго Министра, ѣздилъ туда для мирныхъ переговоровъ. Фоксъ былъ введенъ въ блистательнѣйшіе круги и осыпанъ ласками. Почетное званіе родителя и собственныя его дарованія обращали на него всеобщее вниманіе. Но протекли дни роскоши и непрерывныхъ празднествъ, и ему надлежало возвратиться въ Ишонъ. Тутъ онъ вздумалъ явиться въ щегольскомъ одѣяніи молодого кавалера, въ привезенныхъ съ собою изъ Парижа кожаныхъ панталонахъ и въ сапогахъ (*). Товарищи спали около него толпились и удивлялись его костюму. Но Докшоръ Деви (Davis), тогдашній главный Учитель, замѣшивъ сіе, тотчасъ притворилъ его къ наказанію за опсупленіе оныхъ школьныхъ правилъ. Фоксъ спалъ прошившись. „Такъ я исключу васъ!“ былъ отвѣтъ Учителя. Фоксъ писменно убѣдительноше просилъ отца своего, истиннаго

(*) Обыкновенная одежда воспитанниковъ въ Ишонѣ, состояла въ синемъ фракѣ и желтыхъ нанковыхъ исподницахъ; обувь же въ бѣлыхъ чулкахъ и башмакахъ. Тогомо въ добротѣ и шикосши матерій допускается различіе (с. 448).

друга самага Короля и сильнѣйшаго тогда Министра, чѣмбы онъ ошврашилъ ошъ него наказаніе. Лордъ Голландъ пытался было освободить ошъ розги взрослого уже сына своего, но послѣ нѣкошорой переписки, онъ ошвѣчалъ ему, чшо не можешь спасти его. Тогда наказаніе съ бдльшею еще спрогоштію приведено въ исполненіе, и оно шакъ подѣйшвовало на молодаго Фокса, чшо онъ во всю жизнь свою благословлялъ память Докшора Деви, пробудившаго его ошъ пагубнаго очарованія и возвращившаго его самому себѣ (с. 456).

Изгнаніе учащихся изъ школы зависишь непосредшвенно ошъ главнаго Учишеля. Оно для исключеннаго служишь шакимъ пашномъ, кошорое во всю жизнь его неизгладимо; ни званіе, ни богашство, ниже какія бы-шо ни были ошличія, не въ состояніи когда либо ишсребить онаго (с. 455). Но за шо и главный Учишель непременно долженъ бышь справедливъ. Малѣйшее неправосудіе или приспращіе, съ его шпороны, было бы поводомъ къ его собшвенной погибели. Тогда самые воспитанники довели бы его до ошчаянія (с. 457).

Но не одною спрогоштію поддерживающся благосостояніе Англійскихъ школь и успѣхи учащихся. Подобно наказанію, и на-

грады превосходнѣйшихъ учениковъ въ Англіи, у насъ необыкновенны. Такъ напр. въ Училищѣ сохраняющся поршреты лучшихъ воспитанниковъ, опъ коихъ въ послѣдствіи времени, можно было ожидать великихъ подвиговъ. Г. Тиршъ видѣлъ памъ поршреты Пишпа, Каннинга, Фокса, Веллеслея и другихъ знаменитыхъ мужей, писанные въ юности ихъ. Если же ученикъ на лекціяхъ, служащихъ испытаніемъ, явилъ превосходные успѣхи; то главный Учитель одобряетъ его, между тѣмъ какъ онъ же, послѣ лекціи, наказываенъ розгою лѣнивцевъ. Бude же кто-либо предсхавилъ необыкновенно удачное занятіе, напр. очень хорошіе Лашинскіе стихи, то случается, что въ награду за сіе, цѣлое Училище пользуется полуденнымъ гуляньемъ, что иногда уже на всю жизнь впечатлѣвало въ соученикахъ уваженіе къ виновнику такого празднества (с. 446).

Наши Нѣмецкіе Педагоги, говорятъ Г. Тиршъ, спали нѣкошорымъ образомъ раздражатъ Италіянцамъ, желая, по безпредѣльному своему челоуколюбію, вникать въ глубину сердець воспитанниковъ, дабы тѣмъ лучше успѣшь въ передачу онымъ благосши души своей (с. 459)! — Въ нашихъ Гимназіяхъ, опносительно дисциплины, много не-

опредѣленнаго, и вообще недоспапокъ въ швердыхъ правилахъ; случается и то, что новомодные воспитатели не препяшсшвуютъ юношамъ доходить до самой бездны погибели, дабы опъ оной уже опвлечь ихъ насильшвеннымъ образомъ; шарики дѣлаются младенцами, дабы успѣшнѣе руководсшвовашъ дѣтей, и, что всего важнѣе, любовью Совѣшникъ, или неблагоразумная супруга его, вооружается прошивъ Учишеля, кошорый наказываетъ порочнаго сына ихъ; между шѣмъ, какъ въ Англіи, и сильнѣйшій Миниспръ не въ соспояннн опврашншь розги опъ своего любимца. Къ сему у насъ присовокупаются еще нарушающія домашній порядокъ пиршества и разныя гулянья, шанцы, балы, шеатры и концершы, — за ними слѣдуютъ: гостинницы, шракшыры, а наконецъ и заемные дома (с. 460).

Строгость необходима! Но съ другой стороны, Училище не должно бышь уподобляемо и смиришельному дому (с. 462). Не должно лишашъ юношей независимости, приличной лѣшамъ ихъ; не должно препяшсшвовашъ свободному развитію всѣхъ ихъ способностей, доколь дѣйствія воспитанниковъ не прошивны порядку; не слѣдуетъ разрушашъ свойшвенной каждому своеличности (*Eigenthümlichkeit*). Воспитателямъ

напрошивъ сего, для укрѣпленія въ юношескиѣ шѣлесныхъ силъ, надлежитъ спараться о разнообразіи игръ ихъ, не вмѣшиваясь впрочѣмъ въ оныя (с. 462 и 463). Образованіе нравственнаго не отдѣльно отъ укрѣпленія физическихъ силъ. Но да успранимся отъ насъ вся неосновательная боязнь и недовѣрчивость къ самимъ себѣ и къ юношесству; недовѣрчивость, которая уже за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, обмешала насъ своими шенешами, спѣсня грудь нашу и движеніе рукъ! Токмо съ благороднымъ довѣріемъ къ намъ самимъ и къ сынамъ нашимъ, можно будеть надлежащимъ образомъ устроить Училища и образовашъ людей мужественныхъ, швердаго и добраго права (с. 464)!

Послѣ совѣшовъ Г. Тирша, выслушаемъ мнѣніе одного изъ ревностныхъ воспитателей юношества въ нашемъ опечествѣ. Обращимся къ сочиненіямъ Г-на Брауншвейга и посмошримъ, что говоритъ онъ, (въ книгѣ *die Organisation d. Gymnasien* и пр.), о надзорѣ за поведеніемъ учащихся, и вообще о дисциплинѣ и порядкѣ Училищъ.

Наставникъ долженъ спрощайше наблюдать за опрятностію учащихся; какъ въ опношеніи къ одеждѣ, шакъ и къ книгамъ

ных (*). Равномѣрно, и самое Училище должно бытъ помѣщаемо въ приличныхъ покояхъ, могущихъ численною своею служить примѣромъ для учащихся (с. 43).

Въ школъ должна господствовать истина, а не ложь (с. 44) (**).

Директоры или Смолришели Училищъ, въ отношеніи къ Учишелямъ, должны бытъ болѣе наблюдашелями, нежели повелителыми, особливо въ присущей воспитанниковъ.

О необходимыхъ распоряженіяхъ, Директоръ съ Учишелями можетъ разсуждать внѣ класса, не предъ учениками (***). Строгость въ избраніи Учишелей, можетъ освободить

(*) Величайшая точность и опрятная наружность принадлежатъ къ неперемѣннымъ условіямъ хорошихъ учебныхъ книгъ, какъ сіе замѣчено уже въ *Библиографическихъ* листахъ 1825 года на с. 159.

(**) Посему-то уже въ Уставѣ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ Университетамъ (Высочайше утвержденного 5 Ноября 1805 г. § 44) сказано: Учитель долженъ всегда, какъ самъ говоритъ правду, такъ и дѣшею наставляя говорить оную. (Період. сочин. о успѣхахъ народнаго просвѣщенія No VIII, с. 24).

(***) Въ § 49-мъ Устава учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ Университетамъ, положено, чтобы въ первое Воскресенье каждаго мѣсяца, Учишели Гимназій собирались къ Директору для педагогическихъ совѣщаній.

Директора отъ излишняго самоуправства, шполь вреднаго для Училищъ (с. 37 и д.).

Публичные экзамены сущь шокмо испытанія бѣльшаго или меньшаго самолюбія самихъ Учишелей. Дирекшоръ, принимающій въ Училищъ учениковъ, пущь посѣщаешь по цѣлымъ днямъ учебныя заведенія, а родители пускай приходяшь, когда имъ заблаго-разсудишья; для удостовѣренія себя въ духъ, господствующемъ въ Училищъ. Переводъ учениковъ изъ низшаго класса въ высшій, долженъ зависѣшь непосредшвенно отъ самихъ Учишелей: Дирекшоръ и въ семь случаѣ можешь бышь шолько наблюдашелемъ. Но ошибишья въ выборъ Учишеля, да смѣняшья его безъ замедленія, а пресшарѣлымъ Учишелямъ Государштво да воздашья дань, должную ихъ шрудолюбію.

Къ главнымъ положеніямъ Г-на Брауншвейга, на коихъ онъ основываешь свое мнѣніе, принадлежишья шю, чшобы Училища въ усшройшствѣ своемъ сколько можно бѣлье соошвшѣшшвовали мѣрскому бышу нашему. По сему-шю, онъ полагаешь, чшобы не было въ классахъ, существовавшихъ въ разныхъ мѣсшгахъ Консуловъ, Цензоровъ и Дикшашоровъ (с. 10). Училища, особливо сельскія, по его мнѣнію, могли бы уподобляшьяся церковнымъ приходамъ, въ коихъ Учи-

тель былъ бы главою; лучшіе ученики сходшвовали бы со старшинами (с. 37), а учительскіе помощники (коллабараторы) съ Діаконами (*).

Учительскіе помощники или сотрудники, на самомъ опытѣ пригошовляюся къ учительскому званію, что конечно весьма полезно и нѣкопорымъ образомъ замѣняешь Семинаріи (или Педагогическіе Инспишуты, с. 40):“

Къ важнѣйшимъ замѣчаніямъ Г-на Брауншвейга, кажешся, принадлежишь то, что система образованія юношества, должна бы бышь основана не на одномъ *честолюбіи*, но паче всего на *совѣсти*. Примѣчательны

(*) Неумѣстность сего замѣчена уже въ Рижской Газетѣ, Ostsee Provinzen Blatt. 1825, No 23, коея Издамель впрочемъ оканчиваетъ любопытное объявление свое о книгѣ Г. Брауншвейга слѣдующими словами: Aber dessen allen ungeachtet muss man den Vortrag mit dem Ausrufe begleiten: „Hört ihn! Hört ihn!“ und dem Verfasser die Hand drücken mit einem „Dank dir!“ — Предположеніе, чтобы лучшіе ученики были наставниками слабѣйшихъ, какъ видно, сближаетъ обыкновенные школы съ Ланкастерскими, на кои Г. Б. обращаетъ вниманіе также въ сочиненіи своемъ объ устройствѣ Латышскихъ народныхъ Училищъ (Ideen zur Gründung elttischer Landmannsschulen, с. 16, 46, 52).

въ семь отношеніи и слова Комментшатора его (на стр. 44), который говоритъ: „Den Ehrtrieb zum Haupthebel der Erziehung machen, heisst Wildlinge auf Wildlinge pfpflanzen. Was das für Früchte giebt, lehren die Universitätsduelle.“

Изыскивая способъ замѣнишь, (хотя опчастши) нынѣ упопрѣбительныя средства къ пробужденію въ учащихъ соревнованія въ ученіи и къ удержанію ихъ въ надлежащемъ порядкѣ, Г. Б. излагаетъ причины ученическихъ прегрѣшеній. Пропуски юношества, говоритъ онъ (с. 46), происходятъ наиболѣе 1) отъ непамятованія закона, или 2) отъ шалости, т. е. отъ чувства излишней силы (Muthwille, Spielen mit der Kraft), или же 3) отъ чувственнаго побужденія (sinnlicher Reitz), преодолюющаго нравственную волю (den geistigen Willen). По сему-то надлежитъ:

1) Принять мѣры прошивъ забвенія, всегдашнимъ напоминовеніемъ постановленныхъ правилъ, такъ, чтобы каждый воспитанникъ, по окончаніи дня, самъ могъ исчислить предъ наставникомъ своимъ всѣ свои упущенія.

2) Спрожайше наблюдай за шѣмъ, чтобы учащіеся не съ намѣреніемъ поступали прошивъ постановленій. Лучше и не давайъ никакихъ законовъ, которыхъ строгаго исполненія нельзя требовашь, и наконецъ,

*

3) Въмѣсто чувствственныхъ побужденій, по мѣрѣ возможности, возбуждай въ ученикахъ высшія (умстввенныя и нравственныя) желанія.

Провинившагося должно доводить до собственнаго признанія, и въ особенноти побуждай его къ раскаянію и вознагражденію сдѣланнаго опущенія (Sühne der Schuld). Тѣхъ, коихъ вины важнѣе, можно бы (по мнѣнію Авшора) на время оплучать опъ общей ушренной и вечерней молишвы, или опъ ученическаго прихода, ш. е. опъ школы, поручая ихъ до времени учительскимъ соприудникамъ. Наконецъ необѣщающихъ исправленія, исключай вовсе изъ Училища, опсылая ихъ къ родителѣмъ, кошорые обыкновенно сами виновны въ ихъ нравственнот порчѣ (*). — *Члѣмъ ты загладишь вину*

(*) Хорошо Г. Брауншвейгъ, въ семъ отношеніи излагаетъ мысли свои въ другомъ, упомянутомъ выше сочиненіи: Ideen zur Gründung lettischer Landmannsschulen (с. 9 и д.). Вотъ его слова: Die neue Schuleinrichtung muss auf die weibliche Erziehung besondere Rücksicht nehmen. Von dem Weibe, als der Mutter, hängt die erste Characterbildung des Kindes ab; auf dem was sie gethan und gebildet, baut der Lehrer bloss später fort und nur selten, mit äusserster Mühe, oft auch gar nicht mehr, ist er im Stande, wieder herzustellen, was damals ge-

свою? вошь вопросъ, кошорый, по мнѣнію Г. Б., должно предлагашь воспитанникамъ, недоспигшимъ еще 16 года (с. 49); учениковъ же высшихъ классовъ можно спрашивать: какимъ образомъ спанешь шы опнынъ владышь собою въ подобномъ случаѣ? (с. 75).

Къ благонадежнымъ средствамъ правсвеннаго воспитанія, Г. Брауншвейгъ причисляешь ушреннія и вечернія молишвы или чшеніе Св. Испоріи, и если можно, произнесеніе въ воскресные и праздничные дни проповѣдей, сочиненныхъ и говоренныхъ собшвенно для юношесства. Мысль сія, кажешься, весьма доспойна вниманія, особливо въ шомъ случаѣ, когда бы Учитель Закоан Божія, въ продолженіе первой лекціи послѣ

fehlt worden. Darin stimmen alle Pädagogen überein.“ *Образованіе женскаго пола* бонечно ешь предметъ величайшей важности, ошъ коего несомнѣнно зависишь и дальнѣйшій успѣхъ въ истинномъ просвѣщеніи цѣлаго народа. Хотя предложенный Г-мъ Брауншвейгомъ (тамже на с. 70 и д.) способъ заведенія дѣвичьихъ приходскихъ Училищъ шеперь и неможешь еще бышь приведенъ въ дѣйствіе въ Россійскихъ губерніяхъ цашего Государсшва; но не менѣ шого слова Авшора заслуживаюшь вниманіе всѣхъ вообще попчешелей и ревншелей народнаго образованія и благоденсшвія.

паковыхъ проповѣдей, заспавлялъ учащихся излагать въкраицѣ содержаніе оныхъ. Въ высшихъ классахъ, Учитель могъ бы даже обращать вниманіе на самое расположеніе разныхъ частей говоренныхъ проповѣдей, и ш. п.

Приведши такимъ образомъ мнѣніе одного изъ нашихъ Педагоговъ, непростижительно было бы не упомянуть о дисциплинѣ, установленной превосходнымъ, и за предѣлами нашего опечесства уважаемымъ Уставомъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ И. Дерптскому Университету. Наспавленія, данныя въ § 66 онаго Училищамъ, конечно, суть плодъ долговременной опытности одного изъ просвѣщеннѣйшихъ друзей юношесства. Достаночно прочитайшь одинъ только § 22, въ коемъ изложена необходимоспъ и цѣль классическаго ученія, для усмопрѣнія великихъ достоинствъ сего училищнаго Устава, одного изъ превосходнѣйшихъ памятниковъ по части Исторіи просвѣщенія, во дни безсмертнаго для оной Александра!

О высшихъ Училищахъ и Лицеяхъ.

Обратимся къ сочиненію Г-на Тирша, и послушаемъ, что говоритъ онъ о Лицеяхъ и такъ называемыхъ высшихъ Училищахъ.

Главнымъ предметомъ благоустроенныхъ Гимназій было и должно быть классическое ученіе (*). Но если, помощію Машемашки и Философіи, не пригтовивши юношей къ Университетскому курсу, по внезапный переходъ оныхъ отъ гимназическаго ученія и сопряженной съ онымъ дисциплины, къ бышу Университетскому, подобенъ будешь скачку изъ эфирныхъ высотъ въ бездну мрачной для него премудрости.

Желаніе ввести поспешность въ ученіи, служило поводомъ къ учрежденію Пропешаншами высшаго гимназическаго класса, подъ названіемъ *Селекты*, а Иезуитами, которые заблагоразсудили вовсе ошдѣлать отъ Гимназій Философію, къ основанію Лицеевъ (с. 465). По ихъ по сдѣшемъ, курсъ гимназическаго ученія именовался: *Studia in-*

(*) Не для того только, чтобы знать по-Гречески или по-Латыни; но дабы приучиться подобно древнимъ отличнѣйшимъ мужамъ мыслить классически, и подобно имъ выражаться на своемъ отечественномъ языкѣ. Для сего-то необходимо нужно дашь учащимся понятіе о древнихъ вѣкахъ, руководствуя ихъ къ тому историческими, археологическими и мнѣологическими объясненіями. См. упомянутый выше § 22 Устава учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ И. Дерптскому Университету.

feriora seu humaniora; Лицейскій же: *Studia altiora*.

Какъ однако по тогдашнему образу мыслей, Математика и Физика принадлежали еще къ Философiи, но и курсъ пригото- вительнаго для Университетовъ ученiя, надлежало распроспранить на два года (*). —

(*) У Протеспаншовъ: *Selecta et Suprema*. Подобное раздѣленiе Училищъ на высшiя и низшiя, существовало и въ Кiевѣ. Тамъ Митрополитъ Пётръ Могила (въ началѣ XVII вѣка) завелъ, по примѣру лезуишскихъ Коллегиумовъ, полный курсъ Словесныхъ Наукъ отъ низшихъ классовъ до Философiи и Богословiя, раздѣливъ учениковъ на два разряда: *высшiй* и *низшiй*. Первые именовались: *Sodales majoris congregationis*, и состояли изъ студентовъ Философiи и Богословiи, а другiе *Sodales minoris congregationis*, изъ учениковъ Риторикъ и низшихъ.

Съ 1700 г. Кiевскiй Коллегиумъ, (переименованный потомъ въ Академiю), былъ раздѣленъ на 8 классовъ, а именно:

1. Аналогiи (фара); классъ сей упраздненъ уже въ 1701 г.

2. Грамматики низшей.

3. — — — средней.

4. — — — высшей.

5. Цицигическiй.

6. Риторическiй.

7. Философскiй.

8. Богословскiй.

Въ Вирцбургъ Лицейскій курсъ сей былъ соединенъ съ самымъ Университетомъ, и слушатели пригошовишельныхъ лекцій оставались при прежней гимназической дисциплинѣ. Тамъ, гдѣ не было Университетовъ, учреждались особые Лицеи, чрезъ кои ученики изъ Гимназій должны бы были переходить въ Университетъ. — Въ Епископскихъ Мишрополіяхъ, къ Лицейскому двухъ-

Языки Латинскій, а при немъ и Греческій преподавались во всѣхъ классахъ. Съ 1738 г. присовокуплены еще классы:

1. Еврейскій.
2. Греческій-Филологическій.
3. Нѣмецкій, а
- Въ 1753 г. и 4 Французскій.

Въ 1784 г. Преосв. Мишрополишь Самуиль учредилъ классъ *рисованія*; онъ же устроилъ классы:

- Исторіи,
 Географіи и
 Чистой Математики.

См. Описаніе Киевопечерскаго Собора и Киевской Іерархіи (Кіевъ, 1825. 4) прибавл. 41, с. 213, 217 и 218. Классъ Исторіи, сколько извѣстно, былъ среднимъ, между Писимическимъ и Риторическимъ. — Объ учебномъ порядкѣ, существовавшемъ въ учрежденномъ въ 1722 году Харьковскомъ Коллегіумѣ (Славно-Греко-Латинскихъ школахъ), говорится въ прибавленіи къ 1й части Исторіи Россійской Іерархіи, с. 632—640.

годичному курсу иногда былъ присоединяемъ еще двухъ-годичный Богословскій курсъ, и учебныя заведенія сего рода, получали названіе *полныхъ Лицеевъ* (Vollständiges Lyceum, philosophisch-theologische Specialschule, с. 466).

Но какую пользу Лицеи, или шакъ называемыя высшія Училища, приносяшь Государству? — Лишняя Гимназіи возможности довершивъ надлежащимъ образомъ и привести въ нѣкоторый систематическій порядокъ курсъ десятилѣтняго ученія, они въ то же время ошторгають ошь Университета часть Наукъ, несомнѣнно къ оному принадлежащихъ. Посему-то уже Каноникъ Браунъ, занимавшійся въ 1774 году усовершенствованіемъ Училищъ въ Баваріи, утверждалъ, что Лицеи суть заведенія, кошорыя спояшь великихъ денегъ, а приносяшь мало пользы (с. 469).

Мудро, говоритъ Авшоръ, и досшойно подражанія, сущесвующее въ Баваріи постановленіе, чшобы спуденшы, послушающіе изъ Гимназій въ Университетъ, въ продолженіе цѣлаго года, слушали общія или Философскія лекціи. Такимъ образомъ въ Университетъ продолжается шолько ученіе, начашое уже въ Гимназіяхъ. Одни шокмо спуденшы, съ успѣхомъ довершившіе пригошовишельный курсъ, могутъ, по надле-

жащемъ испытаніи, избираешь какой-либо опредѣленный Факультетъ, кошорый, на семь основаніи уже не будешь обременяемъ слушателями, еще недоспашочно пригошвленными къ высшимъ Наукамъ. Но въ предварительные курсы сіи, не должно включатьъ излишняго числа предметовъ ученія. Несправедливо и вредно было бы требовать, чшобы въ продолженіе одного года спуденшь выслушалъ полный курсъ Философскихъ Наукъ, всю Исторію, Математику и Физику, Химію и всѣ часпи Еспешвенной Исторіи, при шомъ же Филологію, Исторію Литературы, Исторію просвѣщенія и еще разныя другія Науки. Доспашочно шого, чшобы онъ занимался основашедьно Философіею, Исторіею и Математикою, съ присоединеніемъ къ шому Филологіи, какъ продолженія классическаго ученія. Требовать въ одинъ годъ болѣе сего, значило бы шребовать невозможнаго и шѣмъ самымъ испортишь дѣло. Въ Эрлангенѣ существуетъ полезное распоряженіе, на основаніи коего не дозволяется посѣщать лекцій Богословскаго опдѣленія шѣмъ, кои не доказали еще на опышѣ, чшо они къ шому уже доспашочно пригошвлены.

Показавъ, чшо шакъ называемыя высшія Училища или Лицен, основанные для

пригопования Гимназисшовъ къ Университетскому курсу, сущь не полько безпользныя, но даже вредныя заведенія (überflüssige und selbst schädliche Anstalten, с. 471) (*), Г. Тиршъ излагаешъ мысли свои о пользѣ и необходимости перевестъ въ Минхень Ландсгушскій Университетъ (**).

З а к л ю ч е н і е .

Но, да не подумаешъ кто либо, говоришь Г. Тиршъ въ заключеніи всего сочиненія, обращаясь къ благимъ намѣреніямъ и дѣйствіямъ просвѣщеннаго Короля своего, да не помысляшь, что Авторъ сихъ спрокъ щипишься предупредишь его дѣйствія, или дашь онымъ направленіе! Разсуждая о предметѣ воспішанія, онъ изложилъ полько чистосердечно мысли свои, и чцпашель, сполько же, какъ и онъ самъ, чистосердечный, конечно не спанешъ обвиняшь его въ дерзости, или неумѣшности его замѣчаній.

(*) О вредѣ, причиненномъ Лицеями успѣхамъ просвѣщенія во Франціи, гдѣ оными даже думали замѣнишь Университетъ, см. Периодическое сочиненіе о успѣхахъ Народнаго Просвѣщенія No VI, с. 80 и д.

(**) Извѣстно, что нынѣ Университетъ Ландсгушскій дѣйствительно уже переведенъ въ Минхень.

Мы живемъ во дни, спраждушіе разными болѣзненными припадками; но въ такое время и въ такіе, въ кои благонамѣреннымъ и просвѣщеннымъ мужамъ дарована возможность насаждать сѣмена будущаго благоденствія и величія. Времена наши суть плодъ обстоятельствъ, въ коихъ нерѣдко погибель была для насъ столь же близка, какъ и самое спасеніе. Опасности и враги, какъ явные, такъ и скрытные, не чужды ни какому вѣку, и будущая участь наша извѣстна одному Богу! но Онъ даровалъ намъ и средства, во всякомъ случаѣ, встрѣчать судьбу нашу съ благоразуміемъ. Одно лишь истинное, чистосердечное единодушіе, въ состояніи опредѣлить наилучшія мѣры, для воспитанія юношества, на коемъ основано счастье грядущихъ поколѣній.

Не въ томъ дѣло, *кто* совѣдуетъ, но *что* именно предлагается на уваженіе современниковъ, для пользы общей, и требуетъ спокойнаго и непредубѣжденнаго разсмотрѣнія. Дѣло идетъ не о бездѣлицѣ, но о величайшемъ благѣ, красящемъ родъ человѣчскій, о главныхъ источникахъ народной добродѣтели, силы и счастья; ибо несомнѣнно изрѣченіе древняго мудреца, утверждавшаго, что *помощь по истинѣ* упрочивается и умножается благосостояніе Государства, *кто*

совершенствуешь учебныя заведенія (с. IX и д.).

Сими словами Г. Тиршъ сопровождаетъ послѣднюю книжку своихъ разысканій о назначеніи и устройствѣ ученыхъ школъ. Предавая оныя на усмотрѣніе просвѣщенныхъ соотечественниковъ, Издашеть сихъ извлеченій и замѣчаній душевно желаетъ, чшобы трудъ его принесъ хошя малую пользу. Вошь цѣль его искреннихъ желаній, вошь лучшая награда за добрую его волю!

П. Кеппенъ.

III.

К Р И Т И К А

Андромаха. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ въ стихахъ. Сочиненіе П. Катенина (*).

Оригинальная новая Трагедія, естѣ рѣдкое явленіе въ Русской Літературѣ: онѣ показывающся у насъ на сценѣ или въ печачи почти шакже, какъ комешы на звѣзд-

(*) Предсшавлена въ первый разъ на Императорскомъ С. Пешербургскомъ Театрѣ, 3 Февраля 1827 года.

номъ горизонтѣ, по ешь, изъ одного десятильшія въ другое. Было время, когда слабая, безцвѣтная подражанія Французскимъ Трагикамъ, прикрашенная Русскими именами дѣйствующихъ лицъ, гораздо чаще видѣлась на Театрѣ нашемъ, и по новоспи, радостно были принимаемы зрителями, копорые не были избалованы ни богатствомъ, ни внутреннимъ достоинствомъ сихъ даровъ Мельпомены, и никогда не вооружались спругимъ вкусомъ противъ новаго произведенія. Съ нѣкошораго времени, миновала и сія година посредственности: мы, не сдѣлавшись богаче, спали разборчивѣе, или справедливѣе сказашь, равнодушнѣе къ симъ попышкамъ Поэшовъ, нашихъ соотечественниковъ.

Какъ изъяснишь причину шакой холодноспи? Во Франціи, гдѣ круглымъ счетомъ, ежегодно предспавляется ошь 10 до 15 новыхъ Трагедій, ни одна изъ нихъ не переходитъ въ молчаніи: хороша ли, худа ли она, публика произноситъ о ней свой приговоръ, и Журналы, всегдашніе опголоски мнѣнія публики (по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ либературныхъ), опдающъ опщешъ объ успѣхѣ или паденіи новаго сочиненія. У насъ, чрезъ промежутокъ нѣсколькихъ лѣтъ, являешся новая Трагедія, сочиненная Русскимъ Поэшомъ, кошораго имя уже съ весьма выгод-

ной стороны известно въ Поэзіи Дра-
матической, и Журналы въ печеніе нѣсколь-
кихъ мѣсяцевъ храняшь упорное молчаніе
даже о существованіи сей новой Трагедіи.
Желая доказать, что не всѣ наши соотеч-
ественники съ одинакимъ равнодушіемъ
смотримъ на произведенія Русскія, рѣшился
я написать критическій разборъ Трагедіи
Г. Кашекина, и прошу васъ, Мм. Гг., помѣ-
стить оный въ вашемъ Журналѣ.

Не спану возобновляшь при семъ во-
проса, уже нѣсколько разъ дѣланнаго: дол-
жно ли положить за непремѣнное правило,
чтобы предметы для Трагедіи были избира-
емы изъ лѣтописей ошечественныхъ, или
по крайней мѣрѣ изъ Исторіи временъ, къ
намъ близкихъ, временъ, копорыхъ нравы
не совсѣмъ еще для насъ чужды, и гораздо
намъ знакомѣе по вѣрѣ, единоплеменству
или сосѣдству, порядку гражданскому и жи-
тейскому, нежели опдаленная Древность,
копорая, и то не вполне, живешь для насъ
только въ книгахъ? Вопросъ сей рѣшишь
трудно, ибо къ разрѣшенію онаго пребуеш-
ся много обстоятельствъ постороннихъ:
степенъ дарованія и познаній Поэта, из-
вѣстность и занимательность лицъ и про-
исшествій, копорыя онъ выбралъ предме-
томъ своей Трагедіи и ц. д. Такимъ обра-

зомъ, предметы древней, Мнѳологической Исторіи, по образу нашего воспішанія, знакомѳе намъ, нежели большая часть со- бытій, случившихся въ средніе вѳки; и да- же въ новѳйшія времена. Многія лица изъ сей Исторіи, сушь *данныя*, съ именами ко- шорыхъ мы связываемъ уже понятія о ихъ характерѳ, понятія, напечатлѳнные въ насъ глубокою древностію чрезъ весь рядъ вѳ- ковъ послѳдовавшихъ. Мы знаемъ по преда- нію, что Агамемнонъ былъ нѳвердъ и гордъ, что Улиссъ былъ хитръ и краснорѳчивъ, что Ахиллъ и сынъ его Пирръ были пылки и неукротимы. Съ другой стороны, въ пред- мѳтахъ Трагическихъ мы, по большей ча- сти, любимъ видѳть бореніе челоѳка съ судьбою, или съ злобою сеѳ подобныхъ; и чѳмъ выше челоѳкъ поставленъ на степе- ни жизни, тѳмъ болѳе бѳдствія его возбуж- дающъ въ насъ соучастія. Въ семъ случаѳ мы почти не разбираемъ, единовѳрецъ, еди- ноплеменникъ и современникъ ли нашъ шощъ, кто поселенъ въ насъ своими несчастіями сіе чувство состраданія; или язычникъ, рож- денный въ племени, намъ чуждомъ, и за многіе вѳки до нашего времени. Сіе *эсте- тическое* состраданіе естъ чувство, допу- скающее въ душѳ нашей безъизъянную шер- шимосщъ.

Прибавимъ къ тому, что сіи предметы древней Исторіи служили и теперь еще служатъ, какъ бы оселкомъ, на коемъ извѣдываются и изощряются стихотворческія дарованія почти всѣхъ образованныхъ народовъ. Они сдѣлались общиною, на которую всѣ сіи народы имѣють равное право; и шѣмъ охотнѣе предъявляютъ оное, что предметы сіи, будучи хорошо постигнуты и выполнены, въ одинакой степени дѣйствуютъ на просвѣщеннаго Француза, Англичанина, Германца, Италіянца и Россіянина. Съ сей точки зрѣнія, намѣрень я разсматривать новую Трагедію Г. Кашенина.

Многіе, прочишавъ заглавіе сей Трагедіи, конечно подумали, что она есть по крайней мѣрѣ подражаніе или Андромахъ Расина, или Андромахъ Эврипидовой. Но Трагедія Г. Кашенина имѣеть общаго съ твореніями Поэтовъ Греческаго и Французскаго, — только заглавіе и имена нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ (*). У Эврипида, Андромаха шрепещеть о жизни Молосса, сына своего ошъ Пирра, котораго, равно какъ и ее, хочеть погубить Герміона. Въ Трагедіи Расиновой, Андромаха съ Аспіанаксомъ, сыномъ своимъ ошъ Гекшора, уже

(*) Именно: Андромахи и Пирра.

нѣсколько лѣтъ живешь въ Буеропѣ, въ дворцѣ Пирровомъ. Сей Царь Эпирскій влюбленъ въ Андромуху, но долженъ всшупишь въ бракъ съ Герміоною, дочерью Менелая и Елены. Между тѣмъ, союзъ Греческихъ Царей посылаетъ Орешта, сына Агамемнонова, къ Пирру, съ шребованіемъ выдашь имъ юнаго Аспіанакса, кошораго мать успѣла спасши ошъ Улисса во время разрушенія Трои. Орештъ, пишая безнадежную, но изсшупленную спрасшь къ Герміонѣ, находишь ее во дворцѣ Пирровомъ, гдѣ сія Спаршанская Княжна, пылаешь шакою же любовью къ Пирру. Видя, что онъ медлишь въ исполненіи даннаго ей обѣща и наконецъ хочешь заключишь брачный союзъ съ Андромухою, гордая Спаршанка оскорбляется: любовь ея усшупаешь мѣсто мщенію. Сіапо шройсшвенная любовь и сіе мщеніе оскорбленнаго самолюбія, сосшавляюшь главную завязку, весь интересь Трагедіи: нѣжность Андромухи къ сыну, ея шревоги за жизнь его, ея самопожертвованіе для его безопасности, — сушь какъ бы дѣйствія придашочныя, вводныя; ибо все вниманіе, все учасшіе зрители обращено къ Герміонѣ. Она, а не Андромуха, ешь главное дѣйствующее лице: она подшпрекаетъ Орешта шребовашъ выдачи Аспіанакса, она же, въ

*

угоду своей ревности, манишь Орешта сперва неясными, ошдаленными надеждами, потомъ явнымъ обѣщаніемъ любви своей, и заславляешь его убишь Пирра. Наконецъ, къ довершенію соучасія, она лишаетъ себя жизни надъ шрупомъ Пирра; тогда, какъ объ Андромахъ мы знаемъ только, что она гошновилась совершивъ призну по семь несчастномъ Царѣ, и что народъ взялъ ея сторону; о сынѣ же ея, невяляющемся ни на минуу въ цѣлой Трагедіи, и по шому не могшемъ внушить намъ соучасіе — мы вовсе осшаемся въ немзвѣспности, и даже не заботимся о немъ. Вошь содержаніе сей Трагедіи, имѣющей впрочемъ неосшъемлемое достоинство, по бурному движенію спраешей, изображенному пламеннымъ перомъ Расиновымъ.

Г. Кашенинъ смолрѣлъ на сей предметъ совершенно съ другой почки зрѣнія, и шакъ его обрабашивалъ. У него шакже замѣшиваешся любовь Пирра къ Андромахъ, но вся занимашельность, все участіе зрителей, основаны на машеринской любви сей Царевны къ сыну ея Астіанаксу. Дѣйствіе происходитъ въ стѣнахъ Трои, въ шу спрашную ночь, когда Греки разрушили сей городъ и испребили весь родъ Пріамовъ. Андромаха, не вѣдая еще объ ужасахъ, ее окру-

жающихъ, открываешь наперсницъ своей Клеонъ, свои опасенія о судьбѣ Иліона и милаго своего сына, рассказываешь ей страшный сонъ, возмущившій ночной покой ея. Въ сіе время приходишь воинъ и возвѣщаешь ей гибель Трои оиъ Грековъ, вышедшихъ изъ деревяннаго коня, коварнаго ихъ дара Троянцамъ. Горестная Андромаха, боясь, что сама не уйдетъ оиъ преслѣдованія Грековъ, поручаешь Клеонъ скрывать Асціанакса въ гробницѣ Гекшоровой. Когда велѣніе ея уже исполнено, являешься Пирръ, оиъ кошораго она уходитъ, боясь съ нимъ встрѣишься. Но оиъ видѣлъ ея уходъ; оиъ велитъ воинамъ своимъ окружить чертоги Гекшора, но, не выпуская оишполъ шкого, щадитъ всѣхъ женъ и ошроковъ. Пирръ объявляетъ пришедшему съ нимъ Улиссу желаніе свое, получить во мзду своихъ заслугъ предъ Греками, изъ всѣхъ добычъ Троянскихъ, жену и сына Гекшоровыхъ. Улиссъ идетъ объявить о шомъ собору вождей Греческихъ, давъ напередъ Пирру почувствовать, что Греки опредѣляютъ Асціанакса искупительною жершвой за шѣхъ, кошорые нади оиъ руки ошца его Гекшора. Шыкій Пирръ шѣмъ раздражается и открываешь любимцу своему Алкиму, что оиъ любитъ Андромаху; что не разъ уже

перпѣвъ оскорбленія ошъ Апридовъ, гошовъ, если на сей разъ получишь ошказъ ошъ Агамемнона, доказашъ права свои оружіемъ. Между шѣмъ хипрый Улиссъ убѣждаешъ Агамемнона принести малодѣшнаго Асшіанакса въ жертву ненависти Грековъ, и возбуждаешъ раздражительную гордосшь вождя Царей прошивъ Пирра, не шая личной своей ненависти къ юному Царю Эпирскому. Входишь Пирръ, повшоряешъ свои шребованія, но Улиссъ лукаво пошѣваешъ сѣмена раздора между имъ и Апридомъ. Пирръ пламенѣешъ месшю; видишь Андромаху, предлагаешъ ей свою руку и зашщину ей и сыну; но она ошвергаешъ его предложенія; шогда онь, дыша злобою, хочешъ предупредитъ Грековъ и самъ умершвишь младенца предъ глазами его машери. Въ шрешьемъ дѣйствіи, Андромаха рѣшаешся ошдашь сына своего на сохраненіе уцѣлѣвшимъ вѣрнымъ Троянцамъ, вызываешъ его изъ гробницы Гекшоровой, распочаешъ ему машеринскія ласки и снова скрываетъ его при приближеніи Улисса. Коварный сей Царь шребуешъ ошъ нея сына, и догадываясь о причинѣ не ошспуннаго ея пребыванія при гробѣ Гекшоровомъ, грозитъ разрушитъ оный и ошдаешъ о шомъ повѣленіе своимъ воинамъ. Тогда Андромаха, лишасъ всей надежды спа-

спит сына, въ опчаяніи сама выдаешь его Улиссу, но заклинаешь его о пощаду. Въ четвершомъ дѣйствіи Андромаха, по совѣсту Клеоны, падаешь къ ногамъ Пирровымъ, молишь его о заспуленіи; онъ снова предлагаешь ей любовь свою, она еще колеблется; вѣспъ о приходѣ Ашрида рѣшаешь ее: она даешь роковое слово Пирру. Новый, жаркій раздоръ между Агамемнономъ и Пирромъ, который вырвалъ младенца изъ рукъ кровожадныхъ Грековъ и вручилъ его на храненіе жрецу Калхасу; оба Царя оскорбляютъ другъ друга жестокими укоризнами и угрозами, наконецъ рѣшаюся кончить единоборствомъ, колы скоро Калхасъ объявишь имъ велѣніе боговъ объ Аспіапаксѣ. Въ пятомъ дѣйствіи, Пирръ готовишь испи на бой съ Агамемнономъ и завѣщаешь воинамъ своимъ охрану Андромахи. Она изъясляетъ Клеонѣ спрахы свои о сылѣ, посылаетъ ее узнать о судьбѣ его; на нерсница скоро возвращается и завѣщаетъ ей, что Улиссъ спѣшитъ къ нимъ съ масличною вѣшвію. Но Улиссъ повѣствуетъ несчастной сей машери о гибели сына ея, хотя не опъ руки Грековъ, но опъ грома небеснаго. Тогда съшующая Андромаха, признавая въ семъ событіи волю боговъ, поко-

ряешься своей участи и заключаешь Трагедию прощаніемъ съ своею отчизною.

Изъ сего изложенія, легко можно увидѣть разность Трагедіи Г. Капенина, съ Трагедіей Расиновой, разность, состоящую въ завязкѣ, въ ипересѣ прагическомъ, во времени и мѣсцѣ дѣйствія, въ господствующи́хъ спрашьяхъ дѣйствующихъ лицъ и наконецъ въ самомъ окончаніи. Вниманіе и соучастіе зришель непрерывно обращающагося къ Андромакѣ, и не развлекающагося никакою постороннею спрашью; ибо любовь Пиррова и раздоръ его съ Апридомъ, относясь къ той же причинѣ, ни сколько не ослабляютъ главнаго дѣйствія. — Мы видѣли ходъ Трагедіи; теперь разсмотримъ характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Воспоминаніе о роднѣхъ.

Родимый край, страна отцовъ!
 Какъ быстро дни мои мелькали,
 Когда, не вѣдая печали,
 Я росъ въ кругу швоихъ глупцовъ!
 Меня младенца веселили
 Ихъ спрашья, важность, суешы,

Ихъ занимательныя были
 И безразсудныя мечпы.
 Любилъ я жаркіе ихъ споры
 О гончихъ, зайцахъ и поляхъ,
 И оглушающіе хоры
 И рюмокъ звонъ на ихъ пирахъ. —
 Но мнѣ забавнѣе казались
 Бесѣды важныхъ ихъ супругъ,
 Когда онѣ, сосшавъ кругъ,
 Горькимъ чаемъ упивались. . . .
 Какой былъ шумъ! какой былъ звонъ!
 Одна рассказывала сонъ,
 Другая жизнь своей насѣдки,
 Иныя жъ съ видомъ просошны
 Сплесали злыя клеветы
 На счещъ какой нибудь сосѣдки...
 И признаюсь: среди сихъ дамъ
 Я кой къ чему привыкъ и самъ.

Судя по нимъ о цѣломъ свѣтѣ,
 Я въ немъ не зналъ большаго зла;
 Я върилъ счастливой планетѣ —
 И мирно жизнь моя цвѣла.
 Среди шолпы самодовольной,
 Въ дыму желаній и надеждъ,
 Игрой цѣвницы своевольной
 Я забавлялъ моихъ невѣждъ.
 Ихъ одобреньемъ бывъ унѣзненъ,
 Я восхищался; но они —
Онъ сумасшедшій, онъ помѣшанъ:
 Твердили, будучи одни.
 Чшо нужды въ номъ? по крайней мѣрѣ
 Я осшавался въ доброй вѣрѣ,

Чшо и съ невѣждой и съ глупцомъ
 На свѣстѣ семъ ужисься можно,
 И чшо Вольперъ весьма безбожно
 Бросаль на нихъ саширы громъ. . . .
 Я росъ и — выросъ. Дни лешъли.
 Мои сѣдые земляки,
 Какъ преже, чуждые шоски,
 Исправно пили, сладко ѣли,
 Травили зайцевъ и шолстѣли. . . .
 Вдругъ — Богъ мой! — одного изъ нихъ
 Не знаю какъ задѣлъ мой стихъ!
 Мгновенно поднялась шревога —
 И оглушенъ былъ бранью я!
 „Онъ врагъ людей, ошшупникъ Бога!“
 Взывали жены и мужья.
 Какое множештво прокляшій
 Изъ ушь сошчичей и брашій
 Упало на мою главу!
 И я дышу! и я живу!
 Но я не ждалъ конца шревоги;
 Почшя слезою прахъ ошцовъ,
 Скорѣй, скорѣй — давай Богъ ноги
 Въжашь ошъ добрыхъ земляковъ!

И шагъ ихъ злобою гонимый,
 Печальный гостъ чужихъ земель,
 Покинулъ я приюшъ родимый,
 Почшенихъ предковъ колыбель. . . .
 Ошъ раннихъ лѣшъ къ шранамъ далекимъ
 Я былъ надеждою манимъ;
 Мнѣ бышъ хошѣлось одинокимъ —
 Въ чужой шранѣ, для всѣхъ чужимъ.
 Сбылось безумное желанье!

Я былъ одинъ въ полкъ людей,
 Какъ осужденный на изгнанье,
 Какъ всѣми брошенный злодѣй...
 Мнѣ жить на свѣшъ скучно было;
 Я мирныхъ радостей не зналъ;
 Душа пущѣла; нравъ дичалъ,
 А сердце шайной грустью ныло. . .

Блуждая изъ спраны въ спрану,
 Я свѣшъ извѣдалъ понемногу —
 И скоро ль, шрудную дорогу
 Окончивъ, мирнымъ сномъ засну —
 Не знаю. . . .

Но блянусь судьбою,
 Клянусь мечтами жизни сей,
 Чшо не спущю опять ногою
 На землю родины моей! . . .
 Зачѣмъ? къ чему? и чшобы нынѣ
 Я могъ найти въ моей пущынь?
 Ахъ! развѣ чущь примѣшный слѣдъ
 Давно, давно минувшихъ лѣшъ:
 Травой заросшя могилы,
 Гдѣ подъ хранипельнымъ бресшомъ
 Двухъ незабвенныхъ пепель милый
 Лежишъ, обяшый вѣчнымъ сномъ . . .
 И шамъ же. . . шамъ ешъ холмъ забышый,
 Подъ конмъ холоденъ и шихъ,
 Спишъ безпробудно мужъ сердишый,
 Забывши мой несчастный спихъ.
 Избави Богъ меня опъ злосши!
 Нѣшъ, не дерзнешъ моя нога

Попрашь разрушенныя кости
Землею взяшаго врага!

Александръ Бряковъ.

С. П. б., 1 Юля, 1827.

V.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

1 8 2 7 .

Естественныя Науки.

28. *Начальныя основанія Химіи, Александра Іовскаго. Часть I. О простыхъ Химическихъ веществахъ. Изданіе второе, совершенно вновь переработанное. М. въ шип. С. Селивановскаго, 1827, въ 8. IV—162 стр.*

(Сочинитель раздѣляетъ свой курсъ Химіи на три часни. Въ первой, нынѣ вышедшей въ свѣтъ, говоришь о простыхъ началахъ, во второй намѣренъ говоришь о веществахъ сложныхъ, а въ третьей о Химіи органическихъ веществъ. Все это основано на открытіяхъ новѣйшихъ Химиковъ. Номенклатура нѣкоторыхъ веществъ переведена имъ на Русскій языкъ. Судя по сей первой часни, можно заключишь, что со-

чиненіе сіе написано хорошимъ и яснымъ слогомъ, что также сосоставляетъ весьма важное достоинство; ибо не всё, или справедливѣе сказать, немногіе изъ ученыхъ, посвятившихъ себя Наукамъ точнымъ, заботящихся о чистотѣ языка и правильности слога: большая часть изъ нихъ забываютъ, что оныя ясности изложенія зависятъ ясности понятій, кои мы хотимъ передать другимъ.)

Л и т е р а т у р а.

С т и х о т в о р е н і я.

29. *Элегій и другія стихотворенія Дмитрія Глѣбова.* М. въ тип. Августа Семена, Императорской Медико-Хирургической Академіи, 1827. 301 стр. въ 8.

(Въ этомъ собраніи, содержащемъ болѣе 70 стихотвореній Г. Глѣбова, въ разныхъ родахъ Поэзіи (Лирическомъ, дидактическомъ и пр.), есть многія весьма хорошія стихотворенія; есть и посредственныя, но вообще перевѣсъ на сторону хорошихъ. Изъ которыхъ изъ нихъ принадлежатъ самому Г. Глѣбову, другія, и болѣею частью, суть переводныя изъ Латуве, Мильвуа, Бейрона, Горация и пр. и пр. Книга издана весьма хорошо; приложенныя къ ней заглавная виньетка и двѣ картинки, весьма искусно выгравированы Г. Ческимъ.)

П р о з а .

30. *Письма о Франціи въ 1815 году, Сира Вальтера Скотта, подъ именемъ Павла. Перевелъ съ Французскаго М. П. . . . въ. М. въ шип. Ръщешникова, 1827. 2 ч. въ 1й 188, во 2й 199 стр. въ 8.*
31. *Письма Павла къ своему семейству, соч. Сиръ Вальтера Скотта. Перевелъ съ Франц. Г. П. М. въ шип. Императорскаго Московск. Театра у А. Похорскаго. 1827. 3 ч. въ 1й 184, во 2й 118 и въ 3й 113 стр. въ 12 д.*

(Когда письма Павла появились впервые во Французскомъ переводѣ, по Журналистскы Французскіе сильно вооружились на Сочиншеля ихъ, и опчасши были правы. Законоренълыя народныя предубѣжденія на счетъ Французской націи, въ кошорыя впалъ знаменишый изобразитель Шотландіи наравнѣ съ другими единоземцами своими, Англичанами, конечно давали право Писателямъ Французскимъ, негодовашь за возобновленія ихъ запоздалыхъ восклицаній и усшарълыхъ насмъшекъ, кои два вѣка сряду повшоряющся Англичанами о заморскихъ ихъ сосѣдяхъ. Такимъ образомъ, въ *Письмахъ Павла* встрѣчаемъ обидныя, часшо несправедливыя выходы прошивъ народнаго характера Французовъ, иногда слишкомъ исключительное

присраспие къ своимъ соошечественикамъ, иногда даже шушки въ родѣ шѣхъ, копорыя Англичанами зашвержены съ надписей на Гогаршовыхъ каррикатурахъ (*soupe maigre* и *grenouilles* и ш. и.). Хорошо любишь свое ошечество, похвально предпочишаешь его всѣмъ чужимъ краямъ; но не просшишельно искажашь въ чужеземцахъ все: и доброе, и шо, что ни добро, ни худо, а просто принадежишь къ нравамъ и обычаямъ народнымъ, — въ угоду худо исполкованной, національной гордостии земляковъ своихъ. Эшо поселяешь даже какую-шо недовѣрчивосшь и къ исторической части *Писемъ Павла*. Правда, что при дальнѣйшемъ чшеніи, недовѣрчивосшь сія находишь причину, еще основашельнѣйшую; ибо въ эшомъ сочиненіи все, или почти все, приписываешь воинскому искусству Лорда Веллингтона и храбросии Англійскихъ войскъ, и очень немногое даешься на часшь союзныхъ съ ними войскъ Прусскихъ; между шѣмъ, какъ извѣсно, что успѣхомъ сраженія при Ваперлоо или Бель-Альянсѣ, Англичане и Полководецъ ихъ, обязаны быспрошѣ Блюхера, неушомимосии и сшойкой храбросии Пруссаковъ, копорые ни сколько не уныли ошъ временной неудачи. — Обращимся къ Русскимъ переводамъ: первый изъ нихъ (въ 2хъ

шумахъ) довольно хорошъ, хотя и естъ въ немъ ошибки прошивъ Русскаго языка и слога; за то второй (въ 3хъ часяхъ), кромѣ шажкихъ грѣховъ по двумъ вышеноказаннымъ спашьямъ, заключаешъ въ себѣ еще множество грѣховъ прошивъ здраваго смысла; а за одно выраженіе (во 2й часи), Переводчикъ долженъ каяться и передъ благоприснойностию. Сей послѣдній переводъ и издашъ сообразно липерашурному своему дошпоисшью: напечатанъ дурнымъ шрифтомъ на сѣрой бумагѣ послѣдняго разбора и усьянь шипографическими ошибками.)

Эт. Талисманъ, или Ришардъ въ Палестинѣ. Изъ Исторіи временъ Крестовыхъ походовъ, Вальтера Скотта. М. въ шип. С. Селивановскаго, 1827. 3 часни; въ 1й 261, во 2й 260 и въ 3й 290 сшр. въ 12 д. л.

(Неизвѣстный Переводчикъ сего Романа, ешоль же мало щадилъ липерашурную славу Вальтера Скопша, какъ и второй Переводчикъ *Писемъ Паала*. Иногда онъ не понималъ шекспа, иногда переводилъ его въ дурныхъ Русскихъ, или лучше сказать, нерусскихъ выраженіяхъ. Главнѣйшая цѣль Романовъ ешь, — досшавишь чшашелямъ пріятное развлеченіе въ часы досуга; но какая пріятность чшашать книгу, написанную шакимъ слогомъ, какимъ пишущъ ученики, едва начинающіе переводишь съ иношпранныхъ языковъ? По нашему мнѣнію, гораздо пріятнѣе чшашать Бову Королевича. и Пешра Злашихъ ключей, въ кошорыхъ простшой, сказочный слогъ Русскій, а не шарабарскій.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XIV.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДРУЖБА НА СЪВЕРЬ.

(Продолженіе.)

Спустя нѣсколько времени, предположено было послать корабль къ островамъ Западной Индіи, какъ время отъ времени дѣлали и прежде. Начальникъ корнуса, простиравшій родительскія попеченія на любимыхъ своихъ питомцевъ долго еще и послѣ ихъ выпуска, старался, какъ и всегда, привести поскорѣе въ возможнѣйшую дѣятельность молодыхъ офицеровъ, чшобъ юношеское упоеніе радости и свободы не сдѣлалось для нихъ вредно. Такимъ образомъ, многіе изъ послѣдняго выпуска назначены были на отправляющійся корабль, а въ томъ числѣ и шрое юношей, которые такъ близко шли другъ за другомъ въ корпусъ.

Двое изъ нихъ, сдѣлавшись друзьями, съ шой самой минушы жили, какъ говорились, душа въ душу, дѣлили между собою

скорби и радости. Назначение въ дальнее плаваніе доставило обонимъ большое удовольствіе, но за всѣмъ тѣмъ, оно же нагнало облако печали на чело Вольдемара. Не любовь ли вкралась въ сердце юноши? — Нѣтъ, для истинной любви еще не было мѣста въ его сердцѣ; оно наполнялось только чувствами дружбы со всѣми мечшашельными ея призраками; а любовныхъ шалостей, какъ ни велика прелесть, сообщаемая ими юношеской жизни, какъ ни много доставляющъ онѣ пріятныхъ часовъ дружбѣ своими плюшовскими шайнами, мы все не смѣемъ называть именовъ любви. Печаль его была иного рода. — Гольгеръ былъ сынъ весьма досшашочныхъ родителей, Вольдемаръ имѣлъ одну только бѣдную мать. Хотя въ самомъ еще корпусѣ велся похвальный обычай, что жившіе въ одной каморѣ воспитанники, дѣлились по-брашски своими наличными деньгами, хотя и послѣ у обонихъ друзей, была почти одна касса, и Вольдемаръ ни мало не совѣспился располагашъ ею, какъ своею собственною — малѣйшая нерѣшимость въ семь случаевъ жестоко бы оскорбила его друга; — но теперь, когда столь дальній путь требовалъ немаловажныхъ издержекъ на одежду и другіе запасы, а у бѣдной матери его, давно уже со страхомъ ожидавшей се-

го времени, не было никакихъ средствъ пособить ему, — теперь никакъ не могъ онъ рѣшиться открытъ другу свое затруднительное положеніе. Его понятія о чести говорили ему, что веселость и забавы на счетъ избытковъ друга, ни мало не прошивны ей; но для мелочныхъ жишейскихъ нуждъ, онъ не рѣшался прибѣгнуть къ тому же средству. Между шѣмъ безпечный въ семь отношеніи другъ, слишкомъ увѣренный во взаимной откровенности, не помышлялъ о томъ и не могъ догадаться, шѣмъ болѣе, что Вольдемаръ всячески старался не дать ему замѣнить своего смущенія.

Уже думалъ онъ заключить сдѣлку съ какимъ нибудь рошовщикомъ, какъ вдругъ получилъ извѣстіе отъ заботливой матери, что все нужное для него приготовлено. Онъ прибѣжалъ къ ней въ изумленіи, почти въ испугъ. Не удивляйся шакъ“ — сказала она, смѣючись: „я нарочно готовила тебѣ эту нечаянность: нѣсколько лѣтъ сряду копила я для себя по немногу, и хотя все еще думала сперва, что не справлюсь своими денженками, но вышло напрошивъ.“ Въ самомъ дѣлѣ, къ величайшему своему удивленію, благодарный сынъ нашелъ въ сдѣланномъ для него запасѣ даже изобиліе, и его золотые эполещы не уступали шѣмъ.

*

какіе пригошовики для себя самыя достаточныя изъ его шоварищей, ни блескомъ, ни цѣнностію.

Корабль былъ снаряженъ; подняли якорь и попушный вѣтръ понесъ великолѣпную громаду шакъ спремешельно, что черныя волны Камтегаша забельли пѣною. Но не долго непостоянный вѣтръ благопріятствовалъ плаванію. Поднялась буря и сдѣлавъ значительныя поврежденія въ корабль, загнала его въ небольшую гавань въ Норвегій.

На рейдѣ, въ этой мадѣнкой приспанн, случилось на корабль произшествіе, само по себѣ незначительное, но послужившее какъ бы дурнымъ предзнаменованіемъ: Капишанъ корабля, человекъ пожилой, а на видѣ даже старый, но еще бодрый духомъ и умѣвшій выдавать сѣдины свои и согбенную спину за признаки множества испытанныхъ житейскихъ шревогъ, имѣлъ, кромѣ разныхъ другихъ странностей, особенное пристрастіе къ аншикамъ и драгоцѣннымъ камнямъ. Сдѣлавъ порядочное собраніе перстней, грудныхъ булавокъ и необдѣланныхъ рѣдкихъ камней, одинъ другаго лучше, возилъ онъ ихъ въ красивомъ ящичкѣ вездѣ съ собою. Особенное удовольствіе доставляло ему, показывать это сокровище кому

бы то ни было. Тушь съ большимъ красно-рвчїемъ описывалъ онъ и выхвалялъ каждый камышекъ, рассказывалъ его исторію и утѣшался удивленіемъ зрителей.

Однажды послѣ обѣда, копорымъ онъ угощалъ нѣсколькихъ прїѣхавшихъ къ нему изъ городка чиновниковъ, вынулъ былъ ящичекъ, давно знакомый всѣмъ офицерамъ на кораблѣ. Въ то время, какъ разсматривались вещи, вдругъ поднялся на палубѣ шумъ. Капитанъ бросился шуда и всѣ за нимъ, а ящикъ оспался не запертъ. Причина суматохи оказалась однако неважною: изъ шпрюма повалилъ дымъ; это подало поводъ закричать: пожаръ! Но какъ не нашлось опасности и вскорѣ все приведено было въ порядокъ, то гости возвратились въ каюту и Капитанъ спалъ опять занимать ихъ рассказами о камняхъ. Тушь вдругъ онъ ошановился, поблѣднѣлъ и хопя, опомлясь, продолжалъ рѣчь свою, но уже опривисно и сухо; а попомъ вскорѣ кончивъ, заперъ свой ящикъ и вышелъ въ примѣшномъ смущеніи.

По уходѣ гостей, офицеры, пошолоковавъ между собою о причинѣ внезапнаго разспройсхва ихъ Капитана и предугадывая непріятную истину, рѣшились наконецъ спросить его.

„Не понимаю, какимъ образомъ,“ — отвѣчалъ онъ: „по конечно по собственной моей неоспорожности, очень дорогой перстень исчезъ изъ моего ящика. При гостяхъ не хопѣлъ я говорить о томъ, чшобъ не оскорбишь ихъ; да и шеперь, если бъ вы не спросили, не сказала бы ни слова; знаю впрочемъ, чшо эша вѣсь не можешь смутить никого изъ васъ. Вы вѣрно помните перстень...“ И шупъ спалъ онъ описывашь поперянную вещь со всѣми подробностями, со всею шочностью любителя, впрочемъ безъ намѣренія, единственно по всегдашнему своему приспращию. Пожалѣвъ такимъ образомъ о своей потерѣ, онъ уже не вспоминалъ о ней ни однимъ словомъ, но шѣмъ болѣе удивлялись и шодковали между собою офицеры. Вольдемаръ, кошорый во время пропажи былъ на вахшѣ, узналъ о томъ уже отъ своихъ шоварицей. Дни черезъ два корабль пушился опять въ море. Произшествіе казалось забытымъ.

Спустия нѣсколько времени, Гольгеръ прохаживался однажды въ задумчивости на палубѣ; къ нему присоединился Джонъ, съ кошорымъ оба друга давно уже ошавались при однѣхъ шолько учшивешяхъ, чего, казалось, онъ не замѣчалъ. Послѣ нѣсколькихъ равнодушныхъ словъ, сказалъ онъ съ весьма

проницательнымъ взглядомъ, въ кошоромъ выражались вмѣстѣ и любопытство и опасеніе: „какъ я радъ, что Капитанъ нашель свой персень! Удивительно шолько, почему онъ молчишь, тогда какъ вѣшь о пошерѣ его пронеслась между нами, какъ бѣглый огонь.“

— „Нашель? въ самомъ дѣлѣ?“ спросилъ непридуманно Гольгеръ.

„Неужели же нѣшь?“ отвѣчалъ Джонъ съ удивленіемъ. „Мнѣ по крайней мѣрѣ казалось шакъ, пошому что вчера и сегодня видѣлъ я его въ рукахъ у Вольдемара. Онъ еще разсмашривалъ его шакъ умильно. — Вѣдь ты знаешь, что наши каюпы раздѣлены шолько парусиною. Я подумалъ, что если персень у него, то вѣрно онъ взялъ его у самага Капитана. Мнѣ спрашно, что ты ничего о томъ не знаешь. Ну, брашь, и я не стану больше говоришь ни слова!“

— „Эшо ложь!“ вскричалъ Гольгеръ запальчиво.

„Ложь!“ возразилъ шакже Джонъ, однако вскорѣ опомнясь, прибавилъ: „ну, вошь увидишь! я очень хорошо помню персень, кошорый пошерянь; ты самъ возмешь назадъ свое слово.“ — Тушь Джонъ опошелъ къ другому товарищу.

Пылая ошь гнѣва, едва въ состояніи себя удерживашь, Гольгеръ успремилъ на него неподвижно взоръ свой. Онъ гошовъ былъ ищши въ шу же минушу къ своему другу, но сильное волненіе духа его удерживало; гошовъ былъ подшвердишь кровью своею вырвавшеся у него поспѣшное слово, къ кошорому подалъ поводъ коварный взглядъ Джона, обнаружившаго ясно подозрѣніе на Вольдемара, но это значило бы подвергнушь и жизнь друга игрѣ случая.

Скрѣпясь, но не въ силахъ скривашься, вошелъ онъ къ Вольдемару съ такимъ мрачнымъ видомъ, что сей въ изумленіи спросилъ, здоровъ ли онъ.

„Я немножко разсердился!“ ошвѣчалъ онъ: „Дѣло вышло все изъ пошеряннаго першня, сшали удивляться опяшь пропажъ, и...“

— „Онъ у меня!“ прервалъ его Вольдемаръ: „непоняшнаго шушь нѣшь ничего.“

„У шебя?“ вскричалъ изумленный Гольгеръ: „у шебя, — а Каиншанъ....“

— „Скоро получишь его. Ахъ, еслибъ шы зналъ, какъ шяжело мнѣ съ нимъ разшашься! Еще все недосшавало у меня къ шому силъ; да мнѣ и въ самомъ дѣлѣ хочешся выдумашъ какой нибудь невинный обманъ. Никшо не знаешъ, что я нашелъ его.“

„Однако, можешь бышь, почему знашь!“
возразилъ поспѣшно Гольгеръ.“

— „Если шакъ, шо конечно нельзя мѣн-
кашь. Но мнѣ будешь очень горько. — Са-
дись и выслушай, какъ все случилось“ —
продолжалъ Вольдемаръ весьма непринужден-
но. „Знай же: персшень украденъ — малень-
кою обезьяною Капишана: по крайней мѣрѣ
шакъ должно полагаешь, пошому что она
часшо срываешся, и какъ ее всегда наказы-
вають за шалости, какія дѣлаешь она на
свободѣ, шо изъ хитрости или смиренія,
или Богъ знаешь почему, ей вздумалось спря-
ташь похищенное въ шакое мѣсто, ошку-
да не могла уже послѣ досташъ, пошому
что ее опять посадили на привязь. Дни
черезъ два сорвалась она снова и случайно
или нѣшь, шолько опыскала свою добычу
и спряталась въ уголку, гдѣ я нечаянно ее
замѣшилъ. Я взялъ кусокъ парусины и хо-
шѣлъ осторожно накрышь ее, чтошь она
не бросилась на мачшу, какъ вдругъ побѣ-
жала она внизъ по лѣшницѣ и въ испугѣ
уронила персшень. Мнѣ шощасъ пришло
въ голову, что это долженъ бышь поше-
рянный; я поднялъ его и не посмошря хо-
рошенько, понесъ къ Капишану. Слуга ска-
залъ мнѣ однако, что онъ легъ уснушь. Ду-
мая доставивъ ему прятную нечаянность,

я никому не сказала о находкѣ и пошелъ къ себѣ въ каюшу, гдѣ и спалъ разсмаширивашь персень. Предсхавъ же себѣ мое удивленіе, мой испугъ, когда я узналъ его, хощя уже нѣсколько лѣтъ не видаль. Тушь объяснились мнѣ слова доброй моей машери; загадка, лежавшая у меня на душѣ, разгадалась; персень принадлежалъ ей.“

— „Какъ? что это значишь?“ спросилъ Гольгеръ съ удивленіемъ и учашиемъ.“

Тушь расказалъ ему Вольдемаръ чистосердечно, какъ быль онъ озабочень необходимыми издержками предъ опъвздомъ, и какъ неожиданно досхала ему все машего. „Теперь только,“ — продолжалъ онъ: „у меня опкрылись глаза. Изъ всего прежняго богатшва опца моего, по превращности судьбы, опсхавался у моей машери одинъ, опъ него полученный, дорогой персень. Имъ обручались они, и она скорѣе гошова была на все, нежели разсхашься съ эшимъ сокровищемъ. Въ шеченіе многихъ лѣтъ прешерпывая нужду и упошребляя послѣднія крохи на хворое мое дѣшштво, она все шаки не коснулась драгоцѣннаго залога своего исчезнуващаго счастья. И наконецъ однако, изъ любви къ сыну, кошораго желала снарядишь достойно званія, имъ носимаго, — мнѣ живо предсхавляешся, какъ все это

случилось — посредствомъ кого нибудь изъ друзей своихъ, знавшаго приспращіе нашего Капишана къ дорогимъ камнямъ, она предложила ему свой перстень черезъ прешьи или четверныя руки. Онъ вѣроятно съ радостію за него ухвятился, какъ за вещь, весьма рѣдкую, и вошь я шеперь только сдѣлалъ это открытіе, въ изобиліи, меня гнѣшущемъ. Можешь шеперь вообразить, съ какими чувстввами взоръ мой покоился на сей драгоценной жершвѣ машеринской любви, и какія горько-сладостныя воопоминанія возбудились во мнѣ. И что жъ? Неужели эти счастливыя минушы должны мелькнушь, какъ метеоръ во мракѣ? Неужели, имѣя нѣчто сущешвенное къ моей опрадѣ, я долженъ его лишиться, къ сильнѣйшему еще шерзанію души моей? Капишану дорогъ одинъ камень; онъ останешся при немъ; его онъ долженъ получитьъ и получишь: но что ему въ этомъ священномъ для меня золотѣ, кошорое обвивалось вокругъ нѣжнаго пальца моей машери, на кошорое шакъ часто взирала она съ любовію, кошорое вѣрныя уста ея часто съ радостію, чаще же съ горестными слезами цѣловали? Оставаю ли это сокровище, когда узналъ его, когда прижималъ его, со всѣми нѣжнѣйшими дѣшскими чувстввами, къ моему сердцу,

когда горю пламеннымъ желаніемъ возвра-
тишь его подъ пошь кровь, гдѣ бы на вѣкъ
надлежало ему оспаваться, ошкуда шолько
для меня оно скрылось? Вопшь посмотри,
у меня еось кольцо, увѣсисное, чиспаго
золота, дороже, нежели шо. — Не разъ уди-
влялся ты искушву рукъ моихъ; я смѣяд-
ся, но вопшь, оно пришлось мнѣ кспани :
разспотрѣвъ хорошо перспень, я нашель,
что камень держишся шолько шпильками
въ маленькой чашечкѣ кольца; съ дорожнымъ
инструментомъ нашего докшора было бы
легко, но все кажешся мнѣ, будшо я не въ
правѣ, и вопшь я колеблюсь, не лучше ли
прямо признаться во всемъ Капипану, или
прежде“ —

— „Въ умѣ ли ты?“ прервалъ Гольгеръ.
„Почему жъ?“ спросилъ Вольдемаръ,
удивясь: „шолько бѣ не испорнишь персп-
ня, и...“

— „Лучше во всемъ признайся прямо.
Капипанъ вѣрно вшайнѣ горюешъ еще о
перспнѣ: ну, если онъ, если кто нибудь
узналъ бы, что ты нашель его и держишь
у себя — можешъ бышь даже и знающъ
уже.“ —

„Какъ!“ вскричалъ Вольдемаръ, вскочивъ
съ живосшію: „кто же осмѣлился... Но
ты говоришь правду: я уже былъ однажды

въ подозрѣніи понапрасну, и не зналъ о томъ. — Прочь! прочь! теперь это золото горитъ въ рукахъ моихъ, а все мнѣ жаль — какъ будто, разсаваясь съ нимъ, должно отказаться отъ всякаго на землѣ счастья.“

— „Объяви чистосердечно свое желаніе; не ужели ты сныдишься своей бѣдностью?“

„Гм! не должно бы — но проклятое высокомеріе — однако ты правъ — я готовъ на это и сей часъ.“

Онъ пошелъ къ Капитану. Сей принялъ его строго и сухо, съ шакимъ видомъ, что другой, на мѣстѣ Вольдемара, болѣе подозрительный, подумалъ бы пошчасъ, что про него шепнули уже что нибудь оскорбительное. Но холодность Капитана была непродолжительна; вскорѣ прстой прогашельный расказъ Вольдемара, сдѣланный съ угнѣшеніемъ порывовъ гордости, обезоружилъ его и преклонилъ къ истинно отеческой крошости. Юноша заключилъ рѣчь свою прямодушною просьбою, чтообъ Капитанъ оставилъ ему маловажное кольцо и позволилъ замѣнить его другимъ, въ которое брался хорошо вѣлать камень. Капитанъ выслушалъ его до конца, но не отвѣчалъ ничего на его просьбу, а только,

взявъ першень, наказыль ему кучу благодарностей и поспышил созвать всехъ офицеровъ, чшобъ имъ объявить эпошь радостный случай.

Въ первую удобную минушу послъ того, какъ они разошлись, Джонъ подвернулся къ Гольгеру и съ колкимъ взглядомъ шепнулъ ему: „ну чшо, берешь ли шеперь назадъ свое слово?“

„Нышь!“ отвѣчалъ Гольгеръ не громко, но довольно рѣзко, шакъ чшо Джонъ невольно содрогнулся: „нышь, Лейтенаншь Решошь и нашель першень, и держалъ его у себя; но шонъ и видъ, съ какими вы говорили о шомъ, все шаки заключалъ въ себя ложъ и вы эпо знали очень хорошо; ложъ, говорю я, и гошовъ расквишашься съ вами за сказанное.“

Съ эпоими словами, сопровождаемыми поразительнымъ взглядомъ, оставилъ онъ Джона, кошорый не подумалъ удержашь его и съ шѣхъ поръ всячески спарался избѣгашь съ нимъ встрѣчи.

Между шѣмъ плаваніе продолжалось очень счастливо. Недѣли проходили за недѣлями. Уже были они близки къ мѣспу своего назначенія, какъ однажды за споломъ, къ кошорому приглашено было нѣсколько офицеровъ, Капитанъ спалъ ушверждашь

какую-шо очевидную несправедливость по морской наукѣ. Офицеры, а съ ними и Вольдемаръ, не могли при этомъ не улыбнуться; немножко съ досадою обратился Капитанъ къ послѣднему, сидѣвшему прямо прошивъ него, и спалъ вызывать его удариться объ закладъ, съ такимъ повелительнымъ тономъ, что Вольдемаръ, будучи и самъ приведенъ въ сомнѣніе, счелъ неблагоприятнымъ отказаться. „Напрасно ко мнѣ обращаешься ты“ — сказалъ онъ ему только: „шо, что я могу употребить на закладъ, не спойшь и шруда.“

„Зачѣмъ на деньги?“ сказалъ Капитанъ. „вошь у васъ хорошенькая грудная булабочка. Давайше ее, а я позже дамъ какую нибудь бездѣлку.“

Вольдемаръ снялъ булавку и отдалъ ее избранному посреднику, кошорому и Капитанъ вручилъ небольшой фушляръ, вынутый въ шуже минушу изъ его ящика. Топчасъ наведи справку по книгамъ. Правда оказалась на сторонѣ Вольдемара, кошорому и возвратили булавку его вмѣстѣ съ выигрышемъ. Тогда же поднялись изъ за шпола. Онъ открылъ фушляръ и нашель шамъ — персень своей матери. Спрогий взглядъ Капитана заставилъ его укрощить свои чувства; да и послѣ, когда имъ слу-

чалось бытъ наединѣ , Вольдемаръ не смѣлъ сдѣлать ихъ гласными, видя, что того не хотѣлось начальнику и зная хорошо характеръ его. Но тѣмъ съ бѣльшею благодарностію снѣлъ онъ носить сію драгоценность на груди своей, и съ неперпвнѣемъ ожидавъ той счастливой минушы, когда въ соспояннн будешь, съ дѣпскимъ радушіемъ, возврашишь ее въ руки своей машери. Только другу опкрылъ онъ евою радостъ.

Цѣль плаванія была доспигнута; но едва только ввалились они въ пристань, какъ нагналъ ихъ небольшой шлюпъ, привезшій Капшану приказъ, изъ котораго увидѣли, что внезапно шучи собрались вокругъ мирнаго дошолъ горизонша ихъ опечесства, и что ему должно соединить всѣ свои силы для опраженія неприяшельскихъ. Кораблю надлежало немедленно возврашишь-ся, но не чрезъ Брипанскій каналъ, какъ обыкновенно, а вокругъ Шошландіи къ Норвежскимъ берегамъ. Капшанъ едва сполько времени позволилъ себѣ упопребить, чтобъ запасишь свѣжею водою и провіанпомъ. Все снова пришло въ движеніе, которое возбудило и внушреннюю дѣшельность молодыхъ офицеровъ. Каждый изъ нихъ горѣлъ нешерпвнѣемъ попасшь въ пылъ битвы, сосопшвѣшсшвующій пылу его юности. Толь-

ко Вольдемаръ невольно участвоваль въ
семь общемъ соревнованіи. Шлюпъ привезъ
и для него извѣстія, кошорья, вмѣсто ра-
доспныхъ ожиданій, पिшавшихъ его душу,
наполнили ее горесшію. Машъ, снарядивъ
его, можешъ бышь по предчувствію, шакъ
богашо къ плаванію сдѣлала свою послѣд-
нюю манеринскую жершву. Оппустия его
въ пущь славы и чеспи, она перешла на
пущь вѣчнаго успокоенія, лишъ шолько
сынъ пропасть съ глазъ ея. Вольдемаръ му-
жеспвенно укрощаль горесшь свою и слезы;
шолько мрачное облако нависло на радосп-
номъ прежде взоръ его. Другъ умвль щадишь
и уважашъ въ немъ чувсшва благородной
нѣжнoshi.

Обратное плаваніе началось и счасш-
ливо и поспѣшно, хошя желаніямъ юноспи
все еще казалось оно медленно. Осеннія бу-
ри не замедлили однако показашъ надъ ними
права свои, лишъ шолько перевалились они
за Гебриды. Гордое зданіе долго преодолевало
борьбу въшровъ и посмѣвалось ихъ упор-
сшву; но швѣи какъ бы еще болѣе раздра-
жало ихъ. Уже кипящее море и ревушая бу-
ря, соединенными силами грозили ему поги-
белью. Блѣдный, но все еще бодрый народъ,
сквозь наносимыхъ и ежедневно болѣе сгу-
щающихся шучъ, предусмашриваль одну не-

умолимую смерть, кою угрозы еще сильнѣе свирѣпшвовали ночью, во мракѣ непроницаемомъ. Упомянутые непрерывными прудами машросы, чишали судьбу свою и надежды во взорахъ офицеровъ, копорые, сохраняя швердую, непринужденную осанку, поглядывали однако сомнишельно на Капитана. Сей послѣдній былъ покойнѣе, бодрѣе всѣхъ; онъ ни на минушу не сходилъ съ палубы, расхаживалъ взадъ и впередъ, раздавалъ хладнокровно приказанія и — грызъ орѣхи.

Въ сіи ужасныя часы, младшіе офицеры должны были занимать опаснѣйшіе посты, и часто, въ ободреніе нижнихъ чиновъ, подвизались крѣпкими мышцами въ пруднѣйшихъ работахъ. Въ то время, когда силою бури, концы высокихъ мачшъ склонялись почти до поверхности моря, они безстрашно лазили по реямъ, копорыхъ края купались нерѣдко въ холмящихся, сердшыхъ валахъ.

Часто Вольдемаръ усшремлялъ жадный взоръ въ непрерывно разверзшую пучину смерти; но всегда замѣчалъ въ шакомъ случаѣ, что Гольгеръ находится вблизи его и какъ будшо спережешъ, чтобы другъ его, явно пренебрегая смерть, не забылъ предосторожности, копорою обязанъ жизни. Такой надзоръ наконецъ возмушилъ его. Не

безъ досады спросилъ онъ: „зачѣмъ ты сла-
дуешь всюду за мною по пятамъ?“

— „За чѣмъ?“ — опивчалъ Гольгеръ:
„развѣ не заключили мы союзъ браштва?
И если намъ суждено схоронить себя въ
этой влажной пучинѣ; то не ужели смертью
опнимешь у насъ опраду, погрузишься въ
шоре вмѣстѣ, грудь съ грудью, рука въ ру-
ку?“ Въ это мгновеніе, вдругъ корабль за-
щрепалъ, страшнымъ толчкомъ всѣхъ бро-
сило врознь; но въ этомъ грозномъ толкѣ
нашли они свое спасеніе; корабль съль на
мель. — Они были у береговъ Норвегіи ра-
нѣе, нежели полагали; брежущій разсвѣтъ
открылъ имъ береговья скалы. Съ послѣд-
ними силами корабля, смягчился и напоръ
въштра; уже валы не вздувались шакъ высо-
ко; машросы употребили остатокъ силъ
своихъ на выкачиваніе воды и ерубку мачтъ;
имъ удалось пусшить корабль въ ходъ и
причалишь въ ту самую приспань, гдѣ и
прежде искали они себѣ убѣжища. Еще до
того, въ первую, нѣсколько покойную ми-
нушу, Вольдемаръ опозвалъ Гольгера къ
споронѣ и сказалъ:

„Возьми и носи ты эту перснень,
мнѣ его ненадобно.“

Гольгеръ смошрѣлъ на него съ удивле-
ніемъ.

„Да, да!“ продолжалъ шопъ. „Памянь машери для меня дорога, но эшошь персень приводитъ меня въ уныніе. Онъ возбуждаешъ во мнѣ чувства, недоспойныя мужа швердаго. Онъ былъ нѣкогда подаркомъ вѣрности; пусть же, вмѣсто шого, чшобъ дѣйшвовашъ на меня пагубно, доставишь онъ мнѣ удовольшвіе, вручишь вѣрному другу памяшникъ шого часа, въ кошорый избавленъ я имъ ошъ мрачныхъ, нешповыхъ помышлений. Порадуй меня, возьми его; да и чшо изъ моего, не принадлежишь тебѣ; шакже какъ и швоимъ, я свободно располагаю?“

— „Хорошо, беру и сберегу его для швоей невѣсны!“ ошвѣчалъ Гольгеръ, взявъ персень и повѣсивъ его на грудь свою.

„Для невѣсны?“ горько возразилъ Вольдемаръ. „Моя невѣсна — мрачное море! Уже кажешся мнѣ, будшо оно манишь насъ въ свои объясія.“

— „Чшо за печальныя мысли, когда опасносшь уже миновалась? Наслаждайся жизнию — она прекрасна!“ Тупи подошли шоварищи и разговоръ прервался.

Корабль, почти пошопая, дошацился до берега. При осмошрѣ нашлось, чшо починка его была бы, въ шакомъ ошдаленномъ мѣстѣ, или вовсе невозможна, или сопряжена съ издержками, какихъ не споидъ онъ

самъ. Въ такомъ затруднительномъ положеніи, Капишанъ не смѣлъ мѣшкашь, и рѣшился, не смотря на продолжающіяся осеннія бури, ошъ кошорыхъ шолько чшо успѣли они укрышься, перевести экипажъ на небольшую яхшу и плышь въ резиденцію Короля. Большую часшь машросовъ выпустили, а изъ офицеровъ младшіе должны были, по принятому правилу, осшавашься для охраненія Королевскаго имущества: пушекъ, амуниціи, словомъ всего, чшо могло бышь спасено съ корабля и годиться къ употребленію. Сіи младшіе офицеры были два друга, къ кошорымъ судьба и здѣсь пріобщила злаго спущника, въ лицѣ Джона. Ихъ занятіе сопряжено было со многими затрудненіями, и шребовало, къ бѣльшей досадѣ, продолжительнаго неопредѣленнаго времени, хоща и можно было надѣяшься, чшо непріятельскія дѣйствія, неполнѣ начавшіяся, съ наступленіемъ зимы пресѣкушся. Къ шому же, не весело было и самое пребываніе въ эшомъ маленькомъ береговомъ городишкѣ, кошорога гавань защищалась шолько нѣсколькими шанцами, наскоро починенными, и содержащими небольшой опрядъ пѣхошы, съ кошорою моряки, по давнишней, конечно ребяческой враждѣ, никогда не жили въ ладу, даже и по службѣ.

Тайныя отношенія обоихъ друзей съ Джономъ, еще болѣе усмивали ихъ досаду. Давно уже Вольдемаръ спалъ примѣчашь, что Гольгеръ не иначе, какъ съ большимъ презрѣнiемъ обращается съ Джономъ, хоша сей шушками и разными увершками ешарается ошвлечь вниманiе прочихъ ошъ сущесшвующихъ между ними неприязносшей. Какъ Гольгеръ не говорилъ о томъ ни слова, и даже избѣгалъ ошвѣчашь на дѣланныя ему намеки; но Вольдемаръ и счелъ, что дѣло сосшоишь въ нанесенной Джономъ шайно обидѣ его другу, почему и спалъ удерживашься ошъ распросовъ. Ни безпокойсшво, ни любопытсшво его не превожили; свою честь счишалъ онъ неприкосновенною подѣ собственною защипою и надзоромъ дружбы; шолько невольнымъ образомъ сдѣдался онъ еще холоднѣе къ Джону. Сей между шѣмъ, по ошѣздѣ Капишана, увидѣлъ, что шоварищи совершенно его ошравили и говорили съ нимъ шолько по службѣ, въ кошорой, какъ старшiй, былъ онъ ихъ начальникомъ. Весьма ешестшвенно, что взаимнѣ бесѣды съ ними, искалъ онъ другой, гдѣ шолько могъ найши, и съ рѣдкою при его званiи предупредипельносшю къ пѣхошнымъ офицерамъ маленькаго гарнизона, всшущилъ въ сообщесшво съ ними, спалъ уча-

ешвовашь въ ихъ веселыхъ пирушкахъ и за-
нѣяхъ; а наконецъ шакъ забывался въ ихъ
кругу, что возбуждалъ сильное негодованіе
своихъ поварищей. Оба друга, кромѣ нѣ-
сколькихъ знакомствъ въ городкѣ, и шо не
весьма привлекательныхъ, не имѣли никого;
съ кѣмъ бы могли раздѣлять время, и при-
нуждены были, большею часпію, посвящать
часы свои уединенію, а съ шѣмъ вмѣстѣ и
скукъ.

Между шѣмъ, въ продолженіе зимы, въ
еердце Вольдемара вдругъ заронилась искра
шой спрасши, о кошорой прежде говорилъ
онъ не иначе, какъ съ горькою усмѣшкою:
Одна изъ жишельницъ маленькаго городка,
очень любезная дѣвушка, умѣла шакъ силь-
но привязать его къ себѣ, что онъ еще не-
шерпѣливѣе спалъ желать весны и войны,
принимая послѣднюю за средство оплечить
себя и уллучишь свое положеніе. Гольгеръ,
кошорому онъ опкрылся, и предъ кошорымъ
въ первый разъ началъ разсуждать о важ-
ности семейственнаго счастья, слушалъ
его, не понимая; ибо истинная любовь бы-
ла ему неизвѣсна, хоня и не чуждался онъ
радостей, кошорымъ придають ея имя.
Смѣясь надъ краснорѣчивыми увѣщаніями
Вольдемара, не могъ онъ однако не сожа-
лѣть, что уже не шакъ часто, какъ преж-

де досиавалось ему проводить съ нимъ время, и что нерѣдко другъ въ большемъ неперпнѣннѣ оставалъ его. Томимый бездѣйствіемъ, ибо весь корабельный снарядъ давно уже прибранъ былъ къ мѣсцу, спалъ онъ заглядывашъ время отъ времени въ биллиардную залу, единственное во всемъ городѣ мѣсто собранія молодыхъ людей. Тушъ по неволѣ надобно было сближашься съ шѣми, кого онъ прежде избѣгалъ, и тушъ же, къ сожалѣнію, узналъ онъ всю мѣру предосудительнаго учасшія, принимаемаго Джономъ въ самыхъ неумѣренныхъ шалостяхъ. Снѣмъ огорчался онъ шѣмъ болѣе, что другъ его, уже не съ шакимъ, какъ нѣкогда, жаромъ, принималъ его горькія на то жалобы. Съ шѣхъ поръ взоръ его спалъ слѣдовалъ повсюду за Джономъ, подобно тому, какъ взоръ господина слѣдуетъ за неопшесаннымъ слугой, кошорому по необходимости даль нести дорогой сосудъ, и на кошорого за малѣйшее неловкое движеніе, возбуждается въ немъ сильная досада. Нанесенныя ему Джономъ небольшія личныя оскорбленія, почти забышы имъ были по пламенной заботливости о чести мундира.

Насшупила весна; ледъ въ гавани рушился и размещался по валамъ моря. Скука шѣмъ шоминительнѣе была для Гольгера,

какъ и для его товарищей, чѣмъ съ большимъ неперпвнѣемъ ожидалъ онъ дальнѣйшаго своего назначенія. Къ тому же шагали его, какъ и другихъ, недоспашокъ въ деньгахъ. Большое разспоянѣе ошъ сподлицы и, по погдашнимъ общояшельспвамъ, зашруднишельность переписки, заспавили его довольспивовашься весьма ограниченнымъ содержанѣемъ, и по получаемымъ черезъ Джона, кошпору по рупчено было, необходимѣйшую для команды сумму взяшь, именемъ Короля, у городского Начальспва. Если бь въпрочемъ Джонъ и могъ давалъ въ пособіе болѣе, нежели сколько слѣдовало; шо друзья шого никакъ бы не захошѣли, ибо видѣли, съ какимъ легкомыслѣемъ распочаешъ онъ значительныя въ ихъ положеніи суммы, и спрашились послѣдспвій.

Въ это время неожиданно вбѣжалъ въ гавань поврежденный **скій военный бригъ, кошпорый съ большимъ шрудомъ пробрался между разспаянными по морю льдинами. Въ городкѣ экипажъ надѣялся исправить свое судно и привести его въ соспоянѣе къ дальнѣйшему плаванію. Изъ всѣхъ прибывшихъ офицеровъ, едва только спаршіе имѣли видъ людей нѣсколько образованныхъ, а прочіе, закоренѣлые невѣжды, поддерживались въ распушной жизни своей только неограни-

ченною надъ ними властію начальниковъ, копорые однако и сами нерѣдко вдавались въ безчинства, навлекавшія большія неприязности жителей городка. Никто изъ сихъ чужеземцевъ не говорилъ языкомъ страны, въ которой они находились, и только немногіе изъ старшихъ умѣли по Французски и по-Англійски. Первымъ изъ сихъ языковъ, говорили порядочно Вольдемаръ и Гольгеръ, а на послѣднемъ Джонъ объяснялся какъ на родномъ; пошому что узналъ его еще въ дѣтствѣ, бывъ у отца своего въ Индіи. Эшо сблизило ихъ съ иностранцами: Капитанъ брига былъ почти неразлученъ съ Джономъ и во всемъ съ нимъ совѣтовался, а Гольгеръ, по обыкновенной предупредительности въ обращеніи Данскихъ моряковъ съ чужими офицерами ихъ званія, считалъ себя обязаннымъ услуживать имъ, въ чемъ только могъ. По сему нерѣдко засиживался онъ въ биліардной залѣ и былъ свидѣтелемъ самыхъ шумныхъ явленій, въ копорыхъ, къ величайшей, едва скрываемой досадѣ своей, всегда видѣлъ участникомъ Джона. Всего несстерпимѣе для него было, когда сей, играя и проигрывая въ банкъ, забывалъ о крайности, въ какой они находились, и съ безразсудною запальчивостію промешывалъ послѣднія свои деньги.

Уже нѣсколько разъ намѣревался Гольгеръ просить его, чшобъ онъ по крайней мѣрѣ не въ мундирѣ посвящалъ эту безпушную шайку; но самъ никогда не снималъ мундира, какъ бы желая придашь хошя нѣсколько важности и порядка среди невоздержанія и безчинства. И дѣйствительно, его присущствіе, его возвышенное самочувствіе, удерживали въ границахъ грубость даже и высшихъ офицеровъ. Изъ сихъ, одинъ только заслуживалъ его уваженіе и дружбу: это былъ второй по Капитанъ изъ командовавшихъ на бригѣ, человекъ пожилой, родомъ Французъ; его правила, казалось, наиболее согласовались съ Гольгеровыми, и онъ мало участвовалъ въ буйныхъ забавахъ своихъ товарищей. Самъ же Капитанъ былъ чрезвычайно пристрастенъ къ игрѣ.

Вечеромъ, наканунѣ того дня, кошорый назначенъ былъ для опышнїя брига, шелъ Гольгеръ, уже довольно поздно, въ билиардную залу, чшобъ сдержашъ данное слово на провѣды. Еще издали услышалъ онъ величайшій шумъ и возню, кошорыя и не удивили его, ибо онъ зналъ, каково можешъ бышь прощанье грубыхъ людей. Но какое ужасное зрѣлище представилось глазамъ его! Посреди многочисленнаго пьянаго собранїя болышею частью раздѣшыхъ людей, на полуиз-

ломанномъ карпочномъ сполѣ лежалъ мундиръ, на кошоромъ держались еще сполѣ знакомые ему эполеты, и чужеземный Капишанъ, едва споя на ногахъ, колошилъ по немъ палкой, съ громкими ругашельствами и насмѣшками. Смущенный крикъ, смѣхъ, прокляшя окружающихъ, служили музыкой къ вшимъ ударамъ. Нѣсколько находившихся шущъ Дашчанъ, съ явнымъ негодованіемъ бросились на всрѣчу Гольгеру, когда онъ вошелъ, какъ обыкновенно, въ полномъ мундирѣ. На мгновение оспановился онъ, какъ вкопанный, пошомъ вдругъ вынулъ саблю свою и съ пвердосшію, кошорая пошчасъ прошрезвила большую часть предшоящихъ, вскричалъ: „что эшо? кто смѣешь ругашелься шакъ мундиромъ здѣшняго края и шѣмъ, кошорый ношу я? Опвѣчайше вы, чужеземцы, и дайше мнѣ опчешъ!“

„Когда негодяй“ — лепешалъ Капишанъ: — „проигралъ мнѣ штысячу шалеровъ и не плашишь, когда онъ убѣжалъ — нѣшь, вошь онъ лежишь еще здѣсь!“ — продолжалъ онъ, качаясь, и лишь шолько кошѣлъ опяшь пріударить по мундиру, какъ повалился на полъ.

Тупъ вспунился гарнизонный Лейшенанцъ, переодѣшый во фракъ, и спшалъ говорить хошя въ извиненіе буйныхъ, но съ

явною злобою во взоръ: „они всё порядочно напились“ — сказалъ онъ: „Лейшенаншъ Формеръ поже былъ хмѣлень, да и я не безъ шого. Какъ въ комнашъ сдѣлалось жарко, шо всё они давно сняли свои мундиры. Завтра никшо не узнаешь, чшо здѣсь происходило.“

— „Лейшенаншъ Формеръ хмѣлень не былъ“ вскричалъ Гольгеръ, не обращая вниманія на посредника. „Онъ пошелъ на минушу къ себѣ, чшобъ доспашъ денегъ и удовольстворишъ вонъ - эшого безумца; онъ конечно не воображаешъ, чшо могли здѣсь позволишъ себѣ. Онъ возвратишся и пошребуешъ, чшобъ съ нимъ расквишались.“

Помышляя шолько о шомъ, чшобъ спасти и поддержашъ честь своего званія въ глазахъ сихъ грубыхъ чужеземцевъ, Гольгеръ упошребилъ всю власшъ надъ собою, чшобъ подавишъ бѣшенство свое прошивъ недосшойнаго своего шоварица. Онъ поспѣшилъ въ жилище Джона и нашель, чшо сей скорыми шагами разхаживаешъ по комнашъ; ишшолешъ въ рукъ, на шноль порохъ; шо и другое попеременно ошпанавливаешъ на себѣ его нерѣшишельный взоръ, искаженный самымъ дикимъ опчаянiемъ.

Гольгеръ спалъ передъ нимъ, сложа руки, и съ подавленнымъ въ груди негодова-

ніемъ; сквозь сжатыя уста, произнесъ :
„что узналъ я?“

— „Оставь меня!“ ошвѣчалъ Джонъ опривисшо: „я былъ безъ головы — и теперь еще не опомнюсь; тысяча шалеровъ долгу и ни гроша въ карманъ.“

„И чешь нашего корпуса, мундира, флага, копорому пы клялся.“ —

— „Эшо-шо и бѣсишь меня!“ ошвѣчалъ Джонъ глухо.

Сии слова, какъ бальзамъ, влились въ возмущенную душу Гольгера: Онъ почувствовалъ родъ соспрананія къ жалкому человеку. „Если спасеніе возможно, то оно будетъ!“ воскликнулъ онъ. „Я досшану денегъ.“

„Нѣшъ, нѣшъ!“ сказалъ Джонъ, качая головою. И эша сумма не спасетъ меня, только ошсрочишь спыдъ и казнъ мою. Забранныя мною казенныя деньги шже всѣ убишы; ихъ-шо желая спасши, попался я въ новую пешлю. Все могъ бы я возвращишь, но не шощасъ. Мы ожидаемъ ежедневно повелѣнія, и мнѣ должно будетъ опданъ ошчешъ; шогда-шо, шогда — ахъ, Боже мой! — мое поношеніе — чешь нашего корпуса!“ Онъ сильно ломалъ себѣ руки. — „Нѣшъ, все пропало — однако я благода-

режь тебѣ" — прибавилъ онъ слабымъ голосомъ.

„Опъ благодарности уволь!“ Для тебѣ право ничего бы я не сдѣлалъ, но свою одежду ношу и я. Берусь доспашь всѣ деньги, но ты долженъ драться, завтра же рано по утру, пока не ушелъ бригъ.“ — Тушъ рассказалъ онъ корешку, что видѣлъ. — „Я буду своимъ секундантомъ!“

— „Гоповъ. — Но возможно ли это? Ты, ты хочешь быть моимъ спасителемъ!“ вскричалъ Джонъ съ горячностью.

„По необходимости. Все случившееся мы предадимъ забвенію, только съ однимъ условіемъ.“

— „Гоповъ на всякое.“

„Ты выйдешь въ отставку.“

— „Какъ! — Хорошо, но только не пошчасъ. Подумай самъ о чести моей, о чести нашего корпуса, шакъ много побоеу цѣнимой. По крайней мѣрѣ тогда уже, какъ мы выдемъ изъ этого городка.“

„Смотри по обстоятельству, какъ найду я нужнымъ — слышишь ли? Одѣвайся же; я скоро явлюсь къ тебѣ.“ Спрося, какъ велика вся проигранная сумма, онъ его оставилъ.

Гольгеру, какъ скоро онъ пришелъ въ себя опъ первыхъ впечатлѣній биллиардной

залы, вспало на умъ обшояшельство, кошорое счель онъ за намекъ Провидѣнія. Когда-шо пріашель его Французъ случайно видѣль персень, носимый имъ на груди, и говоря, чшо знаешъ, какъ дорого можно сбышь это сокровище въ настоящемъ мѣсѣ и въ благопріашное время, предлагаль ему значительную за него сумму. Гольгеръ не хошѣль тогда и слышать о такой продажѣ. Но теперь — въ эшомъ оставался единственнй способъ, доспашъ на-скоро сподь большую сумму, въ какой имѣль онъ надобность. Къ шому же чужеземцы съ разсвѣшомъ дня должны были пущишься въ море, слѣдовашельно вся испорія кончена будешъ разомъ. Дуель, какъ онъ полагаль, опсклонишь и малѣйшую идею о шрусоспи. Правда, чшо персень былъ уже обшцанъ невѣсшѣ друга въ день ея свадьбы, но его настоящее упошребленіе было священно, было необходимо. Самъ другъ не одобришь ли его, узнавъ обшояшельства, и оспашееся за опдачею камня, кольцо не будешъ ли шѣмъ драгоценнѣе собшвенно для него, для друга, для невѣсшы? Онъ вспомнилъ, чшо нѣкогда Вольдемаръ говорилъ ему, какъ легко можно камень опдѣлишь опъ кольца, и шопчасъ принялся за эшо дѣло. Оно удалось какъ нельзя лучше. Тогда побѣжалъ

онъ къ Французу, кошорый только что на-
мѣревался идти совсѣмъ на корабль. Торгъ
былъ заключенъ легко и скоро; деньги по-
лучены чистымъ золошомъ.

Джонъ, къ кошорому пришелъ онъ по-
шомъ, ждалъ его въ сильной шоскѣ; при
видѣ блестящаго золоша, онъ вдругъ обо-
дрился и послѣдовалъ за нимъ. Въ билиард-
ной залѣ никого уже не было, но Капитанъ
положенъ былъ въ постель въ шомъ же са-
момъ домѣ. Не смощря на всѣ предсшавлен-
нiя слугъ, его разбудили. Еще съ шуманною
головою, едва могъ онъ припомнить слу-
чившееся; ему опсчитали деньги, и съ шру-
домъ могли вполковашъ необходимость дуе-
ли. Наконецъ убѣдясь въ своей винѣ, далъ
онъ честное слово явиться въ назначенное
мѣсто и въ условленный часъ. Тогда Голь-
геръ опыскалъ еще шого гарнизоннаго офи-
цера, о кошоромъ было упомянуто выше,
и просилъ его бышь вшорымъ секунданшомъ.
Ему хощѣлось, чшобъ въ случаѣ нужды, ду-
ель сдѣлалась гласною. Пошомъ передалъ
онъ Джону опсальные деньги и разошлся
съ нимъ холодно, обшцавъ на разсвѣшъ
прийти за нимъ.

Въ назначенный часъ, Гольгеръ нашелъ
его уже одѣтымъ и по наружности ничшо

не открывало для наблюдательнаго взора, чщобъ сердце его было не на мѣстѣ.

Лишь только перешутили они черезъ порогъ, какъ пришла эсшафеша, которая принесла споль неперпѣливо жданое рѣшеніе судьбы ихъ. Дешеша надписана была Джону, какъ имѣвшему въ рукахъ своихъ главную команду. Промедленіе, хотя бы на четверть часа, въ раскрытіи Королевскаго приказа, считалось каждымъ морскимъ офицеромъ за великое преступленіе. Джонъ, взявъ дешешу, пришелъ въ замѣшательство. Самъ Гольгеръ понудилъ его распечашать, предосиавляя ему сдѣлать наскоро, какія нужно, распоряженія и сколь возможно поспѣшите явиться куда слѣдовало; онъ принялъ на себя объявить чужестранцамъ о причинѣ его промедленія и задержать ихъ.

Капитана съ двумя секундами нашелъ онъ уже на мѣстѣ и въ большемъ неперпѣннн, пошому что попушннй въпръ благопріятствовалъ ихъ опидлышю. Онъ прямо расказалъ имъ истину; но прошло четверть часа, и еще четверть, а Джонъ не являлся. Капитанъ довольно грознымъ тономъ объявилъ, что жданы долге не намѣренъ и не можешъ. Тушь вызвался Гольгеръ засшупить мѣсно своего поварища и, какъ свидѣтель оскорбленія своего мундира,

ошомспишь лично. Принимая на себя двойную борьбу, за ошсущспвующаго и за себя, онъ предложилъ, кому изъ троихъ противниковъ угодно попробованъ привести его не въ сосшоаніе, сразишься во второй разъ. Выспунилъ секундантъ Капишана. По довольно продолжительномъ сраженіи, удалось Гольгеру обезоружить противника. Нешерпѣливый Капишанъ, кошораго едва ли не единственною добродѣтелью была буйная ошважность, почти въ то же мгновение самъ бросился на Гольгера. Эта, не совсемъ позвожденная поспѣшность, взволновала въ молодомъ чловѣкѣ кровь, и безъ того спруившуюся уже изъ легкой раны; однако онъ выдерживалъ и это нападеніе съ большимъ упорствомъ и неуштрашимостію. Капишанъ дрался на смерть, онъ это видѣлъ и увѣренность въ шомъ дала новыя силы рукъ его, шакъ что самъ не поспигая, какимъ образомъ, онъ повергъ противника къ ногамъ своимъ.

Въ эту минушу, изъ-за угла скалы явился Джонъ; онъ бѣжалъ шоропливо, но не задыхался ошъ усталостимъ; еще издали, вынувъ свою саблю, махалъ онъ ею и горячо изъавлялъ досаду, что не поспѣлъ ко времени. Къ нападенію на второго секунданца, съ кошоримъ онъ хотѣлъ, казалось, сосши-

зашься, его не допустили. Время было уже всѣмъ подумашь и о шомъ, чшобъ раненаго Капишана опнести на шлюпку. Лишь шолько это было сдѣлано, чужестранцы опшвали къ бригу, кошорый немедленно подналъ паруса.

Всѣ прочіе опшправились въ городокъ. Гарнизонный офицеръ спалъ съ шѣхъ поръ оказывашъ Гольгеру необыкновенное уваженіе, кошорое, вѣроятно ради его, просширалось и на Джона. Сей послѣдній распушилъ обо всѣмъ произшедшемъ шакіе слухи, кошорые, по крайней мѣрѣ въ явѣ, не опшавили и слѣда худаго о немъ мнѣнія.

Между шѣмъ Джонъ, умѣвшій извинишь передъ Гольгеромъ свое опсущствіе, показалъ ему присланные приказы. Они сосшояли въ шомъ, чшобъ устроишь въ городкѣ магазины и лазаретъ, по удобному изъ него сообщенію по всѣмъ направленіямъ въ море; и чшобъ снарядишь небольшую пловучую башшарю для защиты гавани. Съ шѣмъ вмѣстѣ давалось знашъ, чшо съ гошовымъ уже къ опшравленію фрегаташомъ, пришлешся небольшая шкуна для прикрышія входящихъ въ гавань купеческихъ судовъ; а командующій фрегаташомъ и вмѣстѣ всею расположенною по берегамъ флотилією, сдѣлаешъ дальѣйшія распоряженія. — Судя по числу

приказа, надобно было вскорѣ ожидать прибытія фрегата. Офицерамъ надлежало прежде всего заняться составленіемъ изъ остатковъ стараго корабля пловучей башни.

Сердце Гольгера наполнилось новыми, радостными надеждами; онъ поспѣшилъ къ Вольдемару, и рассказавъ прежде о нихъ, сообщилъ ему попомъ и о случившемся поединкѣ.

Вольдемаръ, который со времени помолвки своей — по крайней мѣрѣ другу его такъ казалось, — уже не съ прежнимъ жаромъ раздѣлялъ его мнѣнія, выслушалъ все внимателью, пожалъ ему руку и покачалъ головою. „Если бѣ шло дѣло только объ одномъ драгоценномъ камнѣ“ — сказала онъ: „но за кого подвергалъ ты жизнь свою. — Смолри, истина все таки выйдетъ наружу, а если и нѣтъ, думаешь ли ты, что эшопъ негодяй надолго избавишь насъ отъ подобнаго посрамленія? Ручаюсь, что онъ не сдержишь даннаго тебѣ слова, да и не можешь, какъ весьма справедливо самъ тебѣ замѣнилъ. Мы принуждены будемъ, можешь бышь, служишь подъ его начальствомъ: онъ старшій изъ насъ. Но швое намѣреніе было благородно, и если какой нибудь подлець и не можешь замарать нашего званія, на ко-

скую милость. Мой Лейшенаншъ, у кошораго прогнали вы лихорадку, вамъ ни въ чемъ не откажешь.“

„Негодяй! какъ ты смѣешь...“ Гольгеръ прервалъ самъ себя, закипѣвъ гнѣвомъ и ужаснувшись мелькнувшей мысли, кошорой не смѣлъ еще дать мѣспа въ умъ своему.

— „Что дѣлать, сударь! Вѣдь еще дьяволъ не ослѣпилъ меня и я долженъ вѣрять тому, что видѣлъ своими глазами.“

„Что жъ ты видѣлъ?“ спросилъ Гольгеръ, едва переводя дыханіе.

— „Вошь хорошо, г. Лейшенаншъ, что такъ прямо изволише спрашивать. Теперь я расскажу все. Я, сударь, не глупъ, хошь и спараюсь никогда не разсуждать, какъ и господа офицеры приказываютъ; однако, вошь вечера два назадъ, какъ вы, г. Лейшенаншъ, раскраснѣвшись, прибѣжали къ моему Лейшенаншу, кошорый былъ такъ блѣденъ, будто наглошался морской воды, и какъ на другое утро вы его оиашъ всполошили — шушь я не могъ не сдѣлать кой-какихъ разсужденій. На большое письмо, что ему подали, бросилъ онъ взглядъ шолько слегка, а пошомъ пустился скорыми шагами за вами; я же, въ шемношъ, за нимъ и также скоро, шолько разумѣеся осто-

рожно, шѣмъ больше, что онъ спалъ поне-
многу убавляшь шагу. Впрочемъ онъ былъ
въ шакомъ раздумѣ, что, кажешся, не вдругъ
замѣшилъ бы меня, если бъ я на него и
нашкунлся. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ
тому мѣсту берега, которое вѣрно изволи-
ше знашь, шѣмъ мельче и мешкошнѣе ша-
галъ; наконецъ прокрался онъ въ одно ущелье,
изъ кошораго выглядывая на берегъ, могъ
видѣшь все. Что шушь за дрянъ шакая! по-
думалъ я, не во гнѣвъ сказашь, про себя, и
шихохонько вскарабкался на гору, откуда
могъ видѣшь и своего господина и всѣхъ,
кто былъ на берегу — не могъ шолько ра-
зобранъ, по каковски они между собою го-
ворили. Изъ ухвашокъ ихъ скоро понялъ я
однако, въ чемъ дѣло; пошому что я не
глупъ, какъ вамъ докладывалъ. Ужъ вынули
и сабли, начали драшься, а мой Лейше-
нанцъ споялъ ни живъ ни мершвъ, не смѣлъ
пошевелишься. Меня шакъ спала забирашь
охошна соскочишь къ нему въ ущелье, вы-
хвашишь его саблю и высшупишь на его
мѣсто. Эшо было, когда на васъ г. Лейше-
нанцъ, накинулся уже другой. Но нашему
брашу не веляшь мѣшашься въ барскія дѣла.
Когда вы сшибли съ ногъ и другаго, гора
свалилась съ плечь у моего господина. Онъ
выбѣжалъ, какъ угорѣлый, а я ворошился

домой, пошому чшо видѣль по, о чемъ я не думаль. Туть испыпаль я, чшо худо шамъ разсуждашь, гдѣ прѣбуешся одне почшеніе.“

„И не разсуждай! разумѣешь меня?“ сказала Гольгеръ: „но со мной ты долженъ говорить прямо: скажи, милъ ли тебѣ мундиръ Королевскій?“

— „Какъ мила жизнь моя,“ отвѣчалъ Мадсъ.

„А чешь Данскаго флага?“

— „Пуще жизни!“

„И если бѣ попался тебѣ негодяй, которъй вздумаль бы покрывъ ее пятномъ...“

— „Я гошовъ преслѣдовать его, и самъ бросился бы съ нимъ въ море.“

„Не сказалъ ли ты кому нибудь, чшо видѣль?“

— „Ни одному дьяволу; однако, сударь, дьяволъ вѣрно ужъ свѣдалъ.“

„Пускай его, шолько не говори ни одной душѣ; съ эшимъ условіемъ я беру тебѣ къ себѣ, пошому, чшо опъ эшого завясишь чешь наша, — моя чешь.“

— „Я буду нѣмъ, какъ рыба. Довольно шого, чшо вы знаете — вы вѣдь смѣете разсуждашь.“

„Сшупай же.“

Но и Гольгеръ осмѣлся нѣмъ, какъ рыба; даже другу своему не осмѣлился онъ ошкряпѣть, какой спыдъ угрожаешь ихъ званію въ лицѣ малодушнаго поварища. Но почто ли была прусоссть причиною поспупка Джонова? Мысль о ней изъ успѣ Мадса перешла къ Гольгеру и привела въ сильное волненіе кровь его; но ни чесный деньщикъ, по своему просподушію, ни его собсвенная чистая душа, не могли коснуться подозрѣнія, что можешь бышь медлительность Джоона произошла оцъ надежды увидѣшь гибель того, кто въ эту самую минушу спасалъ чесъ его, но кто вмѣстѣ былъ неподкупнымъ свидѣтелемъ его гнусности, присыдилъ его своимъ великодушіемъ и шѣмъ еще глубже вкоренилъ ненависть въ его сердцѣ. Гольгеръ провелъ цѣлую ночь безъ сна, въ мучительныхъ думмахъ. Ему казалось, будто бы судьба сильнымъ порывомъ влечетъ и его, и все, что ему любезно, въ неминуемую погибель; единственное упѣшеніе находилъ онъ въ шомъ чувствѣ, что дѣйствовалъ по внутреннему своему убѣжденію. Ушро заспало его сидящимъ въ глубокой задумчивости у окна, какъ вдругъ сильный пушечный залпъ возвѣстилъ ему прибышіе ожидаднаго фрегата.

Вскорѣ и онъ одушевился общею радостію. Привезенныя съ родины благопріятныя извѣстія возвеселили духъ его. Одинъ изъ пріѣхавшихъ, лазарешный хирургъ былъ давно ему знакомъ и особенно весьма преданъ его другу; онъ него могъ онъ развѣдать о многомъ. Но всего радостнѣе была для нихъ обоихъ вѣсть, сообщенная самимъ Капишаномъ фрегата, человѣкомъ отличныхъ свойствъ. Начальникъ Академіи сильно за нихъ предскашельствовалъ и вмѣстѣ съ нимъ устроилъ шакъ, что въ привезенномъ корабельномъ экипажѣ находилось небольшое шолько число старыхъ офицеровъ, кошорые имѣли уже всѣ свое назначеніе; а прочіе состояли изъ младшихъ, шолько что выпущенныхъ изъ корпуса. Такимъ образомъ, остававшимся цѣлую зиму въ городкѣ офицерамъ, успѣвшимъ оказашъ себя съ хорошей стороны, можно было предскашавишь высшія мѣста. Капишанъ нашель въ городкѣ много старинныхъ знакомыхъ; въ первые дни своего прибытія, упошребленные на то, чтошобъ кончишь сооружеиіе пловучей башшарей, онъ медлилъ назначеніемъ должностей найденнымъ на берегу офицерамъ, приказавъ имъ шолько подашь себя полный опчетъ во всѣхъ ихъ дѣйсшвіяхъ.

Наконецъ, спусти нѣсколько дней, шрое товарищей были къ нему позваны. Джонъ, какъ старшій, получилъ начальство надъ привезенною шкуною. Гольгеру, какъ свѣдовавшему за нимъ, поручена была башшаря, а Вольдемара назначили вшорымъ командиромъ шкуны, подъ начальствомъ Джона. Объявивъ сіи назначенія, Капишанъ сказалъ имъ :

„Изъ всего, что я здѣсь слышалъ, должно заключить, что вы, господа, вѣрные, испытанные друзья между собою; почему и не затрудняюсь я сказать нѣсколько словъ въ предосереженіе одному изъ васъ, передъ другими, которые такъ благородно оберегали его добрую славу. До меня дошли слухи“ — продолжалъ онъ, обращаясь къ Джону — „которые могли бы побудить меня дать вамъ, Лейшенаншъ Формеръ, низшее мѣсто, впредъ до разбору дѣла; но Лейшенаншъ Ан—, такъ сильно всшупился за вашу честь, что, кажешся, пашно смышно, почему и не хочу я огорчить вашихъ благородныхъ друзей, давъ имъ предпочтеніе передъ шьмъ, чье внутреннее достоинство, бышь можетъ, невинно навлекшее нарѣканіе, спавишь себѣ порукою шакое дѣшельное участіе дружбы. Благодарите ихъ за мою снисходительность.“

Вольдемаръ бросилъ, при сихъ словахъ, спозль быспрый и многозначщй взглядъ на Гольгера, что сей невольно пошупилъ глаза въ землю. Когда же друзья ошпались наединѣ, они безмолвно, и какъ бы въ смущеніи смошрѣли одинъ на другаго. „Безподобно!“ вскричалъ наконецъ Гольгеръ. „Насъ какъ будто дѣлаюшь порукою въ дальнѣйшемъ поведеніи Джона. Признашься, шущъ ешь о чемъ подумаешь!“

— „Да, вмѣсто ошсшавки, онъ будешь забавляшь шѣмъ, что можешь мнѣ приказывать“ — сказала сухо Вольдемаръ, и легкая краска покрыла его щеки. „Вошь плоды швоего благороднаго засшупническаго зачесшъ нашего званія! Если бъ мы покрйно предосшавили его судьбѣ, чего бы онъ и засшуживалъ, шы сдѣлался бы шеперь Командиромъ шкуны, а я получилъ бы башшарею.“

Гольгеръ не ошвѣчалъ ни слова; но еще въ шощъ же день пошелъ къ Капишану и подъ шѣмъ предлогомъ, чтобы не разлучить друга съ предметомъ любви его, спалъ усиленно просить позволенія, перемѣнишься съ нимъ своимъ мѣстомъ. Капишанъ согласился и сдѣлавъ перемѣщеніе, а вмѣстѣ расшредѣливъ привезенныхъ младшихъ офицеровъ на шкуну и на башшарею, ошправилъ

ся на фрегашъ своемъ въ назначенный для него постъ.

„Что ты сдѣлалъ?“ сказалъ въ умилени Вольдемаръ, сжимая руку своего друга.
„Смѣю ли я принять такую жертву?“

— „Гуни нѣшь жертвы“ — ошвѣчалъ Гольгеръ. „Какъ намъ нельзя оставаться вмѣстѣ, то я хотѣлъ, чѣшобъ не разлучили себя съ шѣмъ, чѣшобъ тебѣ любезнѣе всего въ мѣрѣ; при шомъ же, я долженъ одинъ расквашиваться въ шомъ, чѣшобъ сдѣлалось нашимъ бременемъ по моей милосши; мой долгъ не спускашъ съ глазъ Джона, и не въ моихъ ли рукахъ онъ шеперь?“

„Глупецъ!“ вскричалъ Вольдемаръ, качая головою — „онъ швой начальникъ. — Прошедшее нмъ забыто, а въ настоящемъ онъ даешъ себя знашъ. Смощри, будь остроженъ.“

Гольгеръ безмощствовалъ; каждое слово его друга, и все, чѣшобъ онъ слышалъ, все, чѣшобъ онъ видѣлъ, болѣе и болѣе шягошило его сердце. — Изъ сказаннаго начальникомъ Джону, надобно было заключашъ, чѣшобъ свѣшшъ ни мало не обманушъ на счешъ случившагося; чѣшобъ молчаніе вынуждено шолько его геройскимъ шоспункомъ, и вмѣшшо поддержанія чешши корпуса, сдѣлано шѣ, чѣшобъ глаза всѣхъ обращены на шяшно, шоща смѣ-

ное, но все, какъ бы гошное выдши снова наружу.

Джонъ былъ очень удивленъ и смущенъ швѣмъ, что Гольгеръ самъ вызвался идти къ нему подь команду. Но мрачное облако, нависшее на бровяхъ его, вскорѣ измѣнилось въ принужденную, дружескую улыбку, съ какою онъ съ швѣхъ поръ не перешавалъ встрѣчашь своего подчиненнаго. Свиданія ихъ были очень часты; по цѣлымъ днямъ проводили они на шкунѣ; поспѣшность ея снаряженія и обученіе экипажа, набраннаго опчасши изъ береговыхъ жителей, доспавляли имъ много хлопощъ. Вскорѣ весь экипажъ увидѣлъ разницу между своими двумя начальниками: одинъ, раздражаемый малѣйшимъ недоумвнѣемъ или невольною ошибкою, не упуская случая выказашь свою власшь, хошѣлъ какъ бы дашь волю какой-шо скрышой досадѣ, и, разумѣется, шакое обращеніе, не могло привязашь къ нему никого изъ подчиненныхъ; другой, напрошивъ, шадилъ ихъ, даже примѣшно огорчался своевольствомъ ихъ припѣснителя, какъ по собственному добродушію, шакъ пошному, что зналъ, сколь дорога привязанность нижнихъ чиновъ въ минушы рѣшишельныя. Тушь самый опышь доказалъ Гольгеру, что жестокость неразумна съ шрусосшію: ра-

сказъ Мадса, котораго, по обѣщанію, взялъ онъ къ себѣ, вершався безпресшанно у него на умъ и грызъ его внушенность. Одною только усиленною дѣятельностью превозмогалъ онъ скорбь свою; какъ на немъ лежалъ наиболѣе присмотръ за работами, но почини совсѣмъ не оспавлялъ онъ корабля. Вольдемаръ, также весьма занятый обученіемъ дославшихся ему молодыхъ офицеровъ, сходилъ съ башнярен только для посвященія своей невѣстны; и такъ друзья видѣлись очень рѣдко, и что всегда на минушу.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

II.

В О С П И Т А Н І Е.

О ВЫГОДАХЪ ОБЩЕСТВЕННАГО ВОСПИТАНІЯ.

Изъ всѣхъ заботъ, которыми обрекаются себя пѣнные и добрые ошцы, устрой счастіе семействъ своихъ, самую близкую къ сердцамъ ихъ и самую прудную въ исполненіи заботу, сославляешь поначеніе о воспитаніи дѣтей ихъ. Человѣкъ желаетъ

жизнь въ памяти существъ ему подобныхъ, даже и послѣ своей смерти, и преимущественно желаетъ въ оной жизнь посредствомъ своего попомшва. Посему-то добрые и благоразумные опцы были всегда и лучшими гражданами; мысль — оставивъ въ наслѣдство дѣтямъ своимъ честное, прославленное заслугами, или, по крайней мѣрѣ, неочерненное ни малѣйшимъ пресупленіемъ, имя — всегда укрѣпляла ихъ въ пренесеніи самыхъ тяжосныхъ обязанностей гражданскихъ. Восхищеніемъ для сердець ихъ лилась, при первыхъ дѣйствіяхъ юныхъ сыновъ, необманчивую надежду о томъ, что въ будущемъ, своими личными достоинствами и заслугами на поприщѣ службы Государственной, они поддержать славу дома своего, или дадутъ ему новый блескъ, какого доселѣ не имѣлъ оный. Сія надежда оправдывается единымъ мудрымъ воспитаніемъ юношества. Многие однако лишены были наслажденія симъ удивительнымъ чувствомъ, при недоспашкѣ средствъ къ должному образованію дѣтей своихъ и при тысячахъ другихъ непреодолимыхъ препятствій, встречаемыхъ частнымъ лицомъ въ совершеніи поль пріятнаго долга; они видѣли, къ тяжкой горести своей, какъ сыны ихъ коснулись во мракъ невѣднія, чтобы во всю

жизнь обременяшь собою и домъ свой и общество, — видѣли, и не были въ силахъ оповрашшь зла для нихъ ужаснаго. Сколь много по сему обязаны родители мудрымъ правительствомъ, облегчающимъ труды ихъ по сему важному предмету, приемлющимъ на себя попеченіе о приутоженіи имъ надежныхъ опоръ на дни ихъ старости, опечесиву достойныхъ гражданъ!

Однако есть люди, которые обыкли во всемъ видѣть одни несовершенства и, съ усиленіемъ описывая часно мнимыя недостатки въ предметахъ самыхъ священныхъ, оуждашь ихъ по онимъ. Отъ нареканія шаковыхъ не избѣгло и общественное воспитаніе. Они не усматривають возможности, чшобъ лица, по ихъ мнѣнію, чуждыя для дѣшей, являли должное при наставленіи усердіе; воображають, что, по множеству совокупно воспитывающихся, наставники, при всей своей благонамѣренности, не могутъ успѣшно сообщать свѣдѣнія по той или другой наукѣ; имъ кажется, и они ушверждають, что юноши, находясь вмѣстѣ въ большемъ числѣ, прививають другъ другу свои пороки, не заимствуя другъ отъ друга похвальныхъ качествъ. Внимая воплямъ шаковыхъ легкомысленныхъ судей, надлежало бы закрыть всѣ учебныя заведенія.

*

Но вопли сіи суть свидѣствія необдуманыхъ одношороннихъ наблюденій и не содержатъ въ себѣ даже и шѣни правды.

Смыло свидѣтельствуюсь всякимъ благороднымъ по сердцу и признательнымъ лицомъ того или другаго общественнаго учебнаго заведенія, что доброе Начальство, что любящіе свое великое дѣло наснавки, неусыпно бодрствуютъ объ исполненіи своего долга, и что въ семъ бодрствованіи управленіи ими не наемническая гошновность дѣйствовашъ къ пользѣ заведенія по ожиданію мзды, но иѣжность истинно родичельская, происходящая отъ душевной увѣренности о важности ихъ званія, иѣжность, на каждаго изъ юношей равно раздѣляемая и шѣмъ надежнѣе достигающая желаемаго успѣха въ общемъ всѣхъ образованіи. И что бы изъ наснавниковъ посмѣлъ оскудѣть въ своемъ усердіи? Не должны ли они дать строгій отчетъ въ дѣлѣ своемъ предъ Государемъ, ошечесивомъ, родичельми, лице которыхъ замѣняють, и наконецъ предъ Богомъ и своею совѣстію? — Ежели предсказывать, что правданинъ можешь быть ревностенъ и только въ помѣ единомъ, что имѣешь ближайшее отношеніе къ нему самому; то надобно уничтожить всякую общественную должность. Мысль ни съ

чѣмъ несообразная; ее опровергають подви-
гами своими великіе рачители блага отече-
ственнаго на всѣхъ поприщахъ граждан-
скихъ, во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ.
Почему же и въ дѣлѣ воспианія не быль
подобному усердію ко благу общему? Нѣшь,
оно являешся, являешся обыкновенно; и, мо-
жешь снаться, сія самая обыкновенность
причиною шого, что оно не замѣчено; ибо
люди сильно поражающя шодько рѣдкимъ
и блистательнымъ; полезное, совершаемое
въ тишинѣ и не осѣпляющее взоровъ на-
ружностію, никогда не возбуждаешъ особен-
наго вниманія; съ него собирающъ плоды и
осщающя къ нему холодны. Самый искус-
ный врачъ мало находишь признашельныхъ:
исцѣленіе приписываешся сильной природѣ
больнаго; безуспѣшное пользование почши
всегда отношится къ его недоразумѣнію и
ошибкамъ, или къ его безопасности.

Спеченіе многихъ слушашелей не со-
спавляешъ препяшствія къ равномерному
наспавленію въ наукахъ. Сія науки препода-
ющя не однимъ лицомъ; каждая, или по-
чши каждая, имѣешъ своего наспавника, ко-
шорый обладаешъ ею совершенно. Несвѣду-
щій не можешь бышь терпимъ, даже не мо-
жешь бышь допущенъ Начальшвомъ къ на-
спавленію учащихся. Множесство слушаше-

лей исполниешь жаром наставника, любящаго свой предметъ (а кто не любишь того, что знаешь вполнѣ?); рѣчь, произносимая ошъ души, съ любовію, всегда сильно дѣйствуетъ на внимающаго ей. Самый безлечный и разсѣянный собираешь въ одну шочку, блуждавшія доселѣ мысли свои, обращаешь умъ свой къ слову, возбуждающему глубокое вниманіе въ его сверстникахъ, и мало по маду навывкаешь оспановляться съ другими на одномъ предметѣ, углубляясь въ него, проникаешь его, овладѣваешь имъ. Успѣхъ поварицей раждаетъ въ немъ соревнованіе; успѣхъ собшвенный въ одной наукѣ, возбуждаетъ въ немъ желаніе прибрѣсти свѣдѣнія въ другихъ; жажда познаній расшешъ и умножается ошъ полного упоенія однимъ изъ нихъ. Трудно возбудить въ юношѣ чистую любовь къ одной наукѣ; преодолѣвъ сей шрудъ, легко успѣваешь довершити его наставленіе. Свѣшь, пролишый на него одною наукою, прельщаешь его и, озаряя невѣжешво его въ прочихъ, показуя сіяніе другихъ свѣдѣній и связь ихъ съ познаніемъ, уже спяжаннымъ ошъ него, неволью влечешь его и къ симъ послѣднимъ. Но шаковое плодотворное движеніе, изъ многихъ наставниковъ, хошя одинъ, безъ сомнѣнія, успѣешь произвешъ въ умъ са-

жомъ бездѣйственномъ; тогда сей пробуждается отъ дремоты, оживляется, приходитъ въ дѣятельность, достигаетъ опередившихъ его, становится на одной чертѣ съ умами, наиболее прочихъ успѣвшими. Можно ли ожидать сего при опредѣленномъ наставленіи юноши, гдѣ нѣтъ соревнованія?

Въ общественныхъ заведеніяхъ, кромѣ многихъ иныхъ средствъ, употребляемыхъ къ возбужденію въ юношахъ благороднаго честолюбія и похвальнаго соревнованія другъ другу въ ученыхъ занятіяхъ, преимущественно служатъ открытія испытанія и оспичія, оказываемыя успѣшнѣйшимъ въ присутствіи постороннихъ почтеннѣйшихъ особъ, не рѣдко ближнихъ и родителей, нарочно для того приглашаемыхъ. Изъ множества учащихся, ни одинъ не можетъ остаться равнодушнымъ, когда восхищенный сверстникъ его увѣнчивается, получаетъ награды и другія свидѣтельства успѣховъ его, во многочисленномъ собраніи, изъ рукъ добраго, безприсрасшнаго и любимаго начальника, или именинаго госпа, при звукахъ трубы, при всеобщихъ восклицаніяхъ и привѣтствіяхъ, дѣлаемыхъ ему и отъ ближнихъ и отъ незнакомыхъ. Ахъ! невинно и сладостно чувство, рождаемое въ юной душѣ шаковымъ торжествомъ, особенно ра-

достънными, безмолвными слезами родителей — при наименованіи награждаемаго сына ихъ; дѣйствіе чувства сего не есть мгновенно; не одинъ награжденный дознаешь на себя силу его и подкрѣпляешь имъ въ шрудахъ своихъ; оно потрясаетъ сердца безуспѣшныхъ, испоргаетъ ихъ изъ бездѣйствія; они соревнуютъ опличившимъ и чрезъ годъ спановаясь сами опличными.

Не смѣю думать, чтобы домашнее наставленіе, производимое добрыми и благо-разумными родителями, по крайней мѣрѣ, подъ ихъ непосредственнымъ, неусыпнымъ смотрѣніемъ, не имѣло своихъ великихъ, неоцѣненныхъ выгодъ. Вѣрю даже, что оно оказываетъ болѣе благопворныхъ дѣйствій. Слава нѣжныхъ и достойно чинимыхъ за добродѣтели отца и матери, глубоко и навсегда впечатлѣвается въ душу чувствительнаго сына. Примѣръ ихъ сильнѣе самаго наставленія; похвала ихъ оживляетъ дѣятельность умственную; единственный привѣсный взоръ ихъ, составляешь сладостную награду для юности и ободряешь его въ порывахъ ко всему прекрасному и доброму; укоризна изъ устъ ихъ, даже шѣнь легкаго негодования, мелькнувшая по челу ихъ, испре-бляютъ безопасность въ сердцахъ счастливо расцодоженомъ; единое мановеніе, коимъ

изъявляея со стороны ихъ неудовольствіе, спрашивать сына и останавливаея его въ посползованіи къ предосудительному. Умный родитель избираетъ себя и пособниковъ умныхъ и благонамѣренныхъ. Но восхитительный, прелестный идеаль воспитанія, ны рѣдко, рѣдко бываея выполняемъ на дѣлѣ!

Не многіе родители имѣютъ возможность посвятивъ все свое время наставленію своего дѣтца: ихъ отвлекаютъ и занятія хозяйственныя, и служба общественная, и — скажу ли? — и шумъ свѣта съ его забавами. И шакъ, въ опеческомъ домѣ, сынъ ввѣряея надзору чуждаго, и чаще иноплеменика — увы! не всегда испытаннаго въ познаніяхъ и нравственности, не рѣдко приемящаго на себя званіе воспитателя не! по любви къ нему, а по единой корысти, изгнавшей его изъ пѣдрь его родины. Благонамѣренныя, но къ прискорбію няжко обманувшіея родители, вы не похвалишея къ вашей радости, домашнимъ воспитаніемъ дѣтей вашихъ! Вамъ приготовили не гражданъ опечества, но безнокойныхъ гражданъ свѣта; ибо воспитатели дѣтей вашихъ не принадлежатъ къ сонму нѣхъ великихъ мужей, которыми славятся ихъ страны, и которые для выгоды, вами

объщываемыхъ, не оставяшь земли опечесивенной, чшобъ Россіянина содѣлашь досшойнымъ Россіи, шакъ, какъ согражданъ своихъ содѣлываюшь они досшойными земли своей.

Успраняя опъ мысли дерзкое намѣреніе оскорбляшь опцевъ испинно попечисельныхъ, успѣвающихъ своею неусыпносшію досшойно образовашь дѣшей своихъ со спорони ума и воли, для часпной жизни и общесивенной, прошивопосшавимъ домашнее воспитаніе прочихъ, кошорыхъ число несказанно велико, насшавленію общесивенному.

Часпное лице не всегда можешъ производишь спрогій выборъ насшавникамъ. Вешма часшо не позволяюшь сдѣлашь сіе — недосшашокъ въ людяхъ свѣдущихъ, способныхъ, собсшвенное незваніе судишь о ихъ досшоинсшвахъ, молва — несправедливо дающая, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, предпочшеніе недосшойному передъ мужемъ испинно опличнымъ. Для Начальсшва общесивенныхъ учебныхъ заведеній, невыгоды сіи не сущесшвуютъ: оно всегда можешъ изъ многихъ пришекающихъ къ нему соискашелей мѣсша, избирашь, по испышаніи, наиболѣе способныхъ, свѣдущихъ, дѣшисельныхъ, бланонравныхъ. При недосшашкѣ лицъ,

съ шаковыми качествами, на мѣспѣ заведенія, вызываешь ихъ изъ другихъ даже ошданныхъ краевъ, сносясь съ другими начальствами. Оно, при пособіи Правительсшва, можешь приобрѣшашъ для своего заведенія и достойныхъ иноземцевъ. Подъ его неуспнымъ надзоромъ, добрыя качества насшавника часъ ошъ часу болѣе усовершеншуются; онъ не смѣешь ни дѣлать опущенія по своему долгу, ни измѣнить поведенія, ни опущипшъ ошъ правилъ, ему предписанныхъ, опасаясь за шо взысканія; спрашишся усщупишъ своему поварищу въ усердіи ко благу общему. Въ частныхъ домахъ, воспиташель, приобрѣвъ довѣренность родителей, не рѣдко злоупотребляешь ею, оскудѣваешь въ ревности своей къ насшавленію питомца, дѣйствуешь по своему произволу и усщупрѣнію, не всегда основательному, и пошому вредному для учащагося; и сіе шѣмъ легче бываешь съ нимъ, чѣмъ менѣе опасашся онъ опшвѣшшвенности.

Въ общественномъ заведеніи порокъ юноши, незамѣченный однимъ изъ насшавниковъ, усщашриваешь другимъ; и вошъ немедленно приняшы сильныя мѣры къ его исправленію, мѣры, пошоянно и долго, съ шерпвнѣемъ употребляемыя, доколѣ не восшослѣдуешь совершенное исщѣленіе нрав-

спивеннаго недуга. Домашній воспиташель, будучи одинъ, одинъ на все обращае вниманіе, неизбѣжно разсѣвается; много не усматриваетъ, въ иночь оказываетъ припомцу своему снисхожденіе, опскладывая исправленіе до другаго времени; между шѣмъ пороки множатся, укореняются; пишомецъ, возрасшая, вдругъ сбрасываетъ съ себя бразды, слабо его удерживавшія; и тогда поздно его обуздываетъ!

Пишомецъ общественный не видишь около себя слугъ, ему работашесшующихъ; онъ окруженъ равными себѣ или высшими его: съ юныхъ лѣтъ приучается онъ однихъ любить и почишатъ, другимъ съ уваженіемъ повиноватся, и необходимо спановишеся крошокъ въ обхожденіи со всѣми и покорень власшамъ. Въ домъ родителескомъ, чѣмъ онъ богаше и знаменише, юноша шѣмъ болше имѣетъ угодниковъ, слѣныхъ исполнителей воли его, и непримѣнно для него самаго и для его родителей, содѣлывается гордъ, спропшивъ, презорчивъ, неперпѣливъ, непокорень всякой законной силъ, ограничивающей его желаніа.

Въ общественномъ заведеніи, юноша не знаетъ блеску и роскоши; его забавы просшы; его прихоти не выполняются; онъ приучень къ умѣренности. Въ домъ роди-

шельскомъ онъ видишь пышность, привыкаетъ къ ней, не шерпитъ лишений въ удовольствiяхъ, ищетъ забавъ многосиющихъ. — Нынь, никакъ не можешь увѣришь меня, чюобы, находясь ближе къ свѣту, сообщаясь съ людьми разныхъ возрастовъ, разныхъ соснояній, различно чувствующихъ и думающихъ, молодой человекъ имѣлъ менше случаевъ и поводовъ къ соблазну, чѣмъ пребывая между сверстниками близкими къ нему по сосноянiю, по мыслямъ и чувствованiямъ, къ одному спремяющимся подъ смотрѣнiемъ мужей, удостоенныхъ довѣренностью общою и Монаршею, почтенныхъ и по заслугамъ и по личнымъ достоинствамъ. Осмѣливаюсь думать, что если въ воспитанникъ того или другаго общесшвеннаго заведенiя оказывающа слаботи; то онъ сунъ несчастныя приважки свѣта, съ которыми сообщается онъ, выходя изъ дому воспитанiя для посщенiя своихъ ближнихъ.

Всякое Государственное званiе требуетъ дѣятельности онъ прѣходящаго оное. Юноша, воспитанный въ общесшвенномъ заведенiи, не боится труда; онъ, съ дѣтства, прiобрѣтъ провождать дни свои въ непрерывныхъ занятiяхъ; дѣлосш, праздносш и лѣжа были ему воспрещаемы. Сверхъ того, онъ прiобученъ исполнять все безъ отлага-

пельсшва, въ срочное время — выгода весьма важная, много содѣйствующая беспрепятственному ходу дѣлъ, поручаемыхъ ему въ служеніи.

Чѣмъ важнѣе постѣ, занимаемый гражданиномъ въ Государствѣ; тѣмъ болѣе потребны для него, при обширныхъ познаніяхъ, праводушіе и любовь къ истинѣ и справедливости. Воспитаннаго въ заведеніи общественномъ, рѣдко укоряющъ за недоспахокъ сихъ качествъ; напрошивъ, онъ часто обнаруживаетъ ихъ въ такой степени, что лица, приученныя къ лести и угожденію отъ своихъ свѣтскихъ, расчешливыхъ подчиненныхъ, вспрѣшивъ съ его стороны спрошивленіе воли своей, считающъ оное слѣдствіемъ дерзости и упрямства его, негодующъ на него, даже преслѣдующъ его. Онъ осмѣается швердъ; и лучше согласишься бытъ жершвою неправды, чѣмъ участвовашь въ неправдѣ, чѣмъ угодишь незаконному желанію сильнаго, въ прихѣсеніе согражданъ, или ко вреду опечесшва.

Опечесшво дороже для него всѣхъ собственныхъ выгодъ; ибо любовь къ нему, вмѣстѣ съ любовію къ Богу, Царю и родителямъ, ему внушаема была, и въ насшавленіяхъ и въ примѣрахъ, съ шого самаго времени, какъ онъ началъ мыслишь и чув-

сповашь. Мало говорили ему, или вовсе ничего не говорили, о выгодахъ личныхъ; своекорыстїе предсхавляли ему, какъ порокъ низкій, недоспойный гражданина. И шакъ, усердіе ко благу общему, любовь къ жшнїнѣ, безкорыстїе, душевную правопу, ошкровенность и чїсшосердечїе приносїшь онъ въ свѣшъ. Въ первые дни своего служенїя, онъ любїшь сокровїща сіи и спрашїишя ихъ ушрашїшь, по продолжающемуся дѣїшвїю на него насшавленїй, имъ полученныхъ. Слїчая свое поведенїе съ пошпунками людей, прошївно ему чувшвующїхъ и мыслящїхъ, находишь досшїоїншво и благородшво на своей споронѣ; худые примѣры ошпающя безсїльны; онъ возмужаль, съ шѣмъ вмѣстѣ возмужали его добродѣтели, обрашїились въ неизмѣнный характеръ его; и вопъ возникъ надежный оплошь Государшва. Тщешно низкія спрашїи враговъ Закона, Вѣры, чешїи поражающъ его; онъ спїоїшь неколебїмъ и съ швердосшїю ограждаешъ укывающееся за нимъ.

Если и бывающъ явленїя, прошїворѣчїя сказанному мною; шо все нельзя приписывашъ ихъ воспїшанїю; они сущъ порожденїя обширной и пагубной для молодыхъ людей школы свѣша и соблазшїшедныхъ

примѣровъ его, коихоримъ юное сердце, еще несовершенно утвердившееся въ добрыхъ дѣяніяхъ, не въ силахъ противиться. И сіе заспаиваетъ только желаніе, чѣмъ юноша не слишкомъ рано осмѣивалъ домъ своего образованія, чѣмъ добрыя сѣмена успѣли, съ лѣтами его, укоренились въ его душѣ, на мѣстѣ ихъ насажденія. Но явленія, о которыхъ, къ прискорбію, мы должны были упомянутьъ, рѣже оказываются въ воспитанникахъ общественныхъ, чѣмъ въ возросшихъ среди семействъ своихъ. Сіи послѣдніе, естественнѣе болѣе обращая вниманія на свои частныя выгоды, болѣе, шакъ сказать, осмѣиваютъ себя ошъ общества; и по сему и лицому своему нечувствительнѣе сообщаютъ болѣе своекорыстія и эгоизма. Частно родители, особенно матери, коихъ взоръ не всегда, къ сожалѣнію, простирается даде дверей ихъ дома, по нѣжности своей швердятъ сыну, даде и по всшунденіи въ свѣтъ; „сынъ мой, не изнуряй себя трудами, не вдавайся смѣло въ опасности, береги себя!“ — Слова любви материнскія, но неопредѣленно выражены; они бывають худо поняты; и ошсебъ — полгражданина, или, чшо еще гореснѣе, гражданинъ недостойный. Подобныя мысли не шакъ сообщаются въ заведеніи общественномъ.

Всѣ великія цѣли Государствъ, при мудромъ правленіи народовъ, преимущественно достигаются посредствомъ согласія и единодушія гражданъ. Никакое средство не бываетъ столь сильно къ водворенію въ обществѣ сего согласія, сего единодушія, какъ общественное воспитаніе, мудро устроенное, по единымъ благоразумнымъ и неизмѣннымъ законамъ совершаемое. Не возможно сообщить людямъ совершенно одинаковую волю, совершенно одинаковыя мысли; по природѣ своей, они необходимо должны различаться: однако, при всемъ разнообразіи, скажу болѣе, при всей, по видимому, несомнѣнной противоположности склонностей и дарованій людскихъ, они сближаются во всемъ и навсегда, ежели въ юныхъ лѣтахъ даешь имъ, по возможности, одно направленіе; а оны сего сближенія скрѣпляются и самыя связи гражданскія. Четыре вѣка непрерывно Спартанцы были непобѣдимы; ибо общественное воспитаніе приближало къ одной мѣшѣ умъ и волю каждаго гражданина. Новѣйшія знаменитыя поржества Россіянъ, надъ всею Европою, не суть ли также преимущественно слѣдствіе единодушія вождей и офицеровъ, единодушія, порожденнаго въ нихъ одинаковымъ наставленіемъ въ благородныхъ заведеніяхъ — разсадникахъ

нашихъ героевъ, и сообщеннаго ошъ ихъ самымъ прослымъ воинамъ ?

Такъ! узы дружества, связующія насъ въ дѣлствѣ при воспитаніи, неразрывны, какъ священныя для нѣжныхъ сердець узы крови и родства. Онѣ тѣмъ пверже, что ихъ начала благородны — любовь къ истинѣ, любовь къ изящному, любовь къ Богу, Царю и опечесиву. Посмотрите на сопишомцевъ, свидѣвшихся послѣ долговременной разлуки; какая нѣжность въ ихъ обращеніи! Какая взаимность участія въ ихъ обстоятельствахъ! Какъ сладостна и неиспощима ихъ бесѣда! Дѣйствуютъ ли они совокупно, по своему званію; шруды ихъ быстро и успѣшно приводятся къ окончанію, ибо совершаются по одинаковымъ правиламъ, безъ споровъ и прекословій, съ равнымъ усердіемъ.

И сіи выгоды проспираются не только на сошоварищѣй, но и на всѣхъ пишомцевъ одного и шого же заведенія, хопя и въ разное время получившихъ наставленіе. Юноша являешся къ своему начальнику по служенію; сей не знаешъ его, но шамъ же, гдѣ и онъ, одинаковое получилъ воспитаніе: для новаго гражданина не нужны ни какія одобренія и предшательства; его одобреніе — воспитанникъ шакого-шо заве-

денія; и начальникъ любить юнаго своего подчиненнаго, усердно руководствуешь имъ въ дѣлахъ ему несвѣдѣныхъ, снисходишь ему при первыхъ неудачахъ, ободряешь хвалою при первыхъ успѣхахъ. Для чести заведенія, въ кошоромъ самъ получилъ образованіе, доспавляешь ему случаи приспособишь теоретическія познанія къ дѣлу, и, какъ отецъ, веселишься счастливо совершенными отъ него дѣйствіями. Для чести того же заведенія, съ кропосію, но сильнымъ и внятнымъ языкомъ, оспановляешь неоспорожнаго при первомъ посползованіи его къ тому, что прошивно долгу. Они скоро поняли другъ друга; сей повинуется безпрекословно, шощъ съ любовію повелѣваетъ; и единодушно успремляющъ они силы свои къ умноженію блага общественнаго. Въ такомъ же отношеніи находящіяся между собою и всѣ наспавленные по однимъ правиламъ.

Очаровательную картину единства и гармоніи предспавляютъ всѣ части Государственнаго управленія; дружно движущія многосложныя пружины и колеса сей огромной машины, производящей благоденствіе народовъ; если движители одинаково мыслятъ, чувствующъ и дѣйствующъ, одноимѣющъ въ виду — благо согражданъ, славу Царя и ошечества, и не уничтожаютъ

взаимно силъ своихъ пагубными прошиво-
дѣйствіями — плодами разномыслія.

И такъ, нѣжные родители, кошорымъ не дано свыше средствъ къ образованію сыновъ своихъ, или возможности совершенно посвящитъ себя оному, — довѣренность къ мудрому Правительству, благодарность за его попеченія о вашихъ дѣтяхъ! Приугошворяя себя добрыхъ гражданъ и подданныхъ, оно приугошворяетъ и вамъ добрыхъ сыновъ: любящій опечесство не можетъ не любить отца и матери; сіи чувствованія нераздѣльны.

М. Т.

III.

К Р И Т И К А

Андромаха, Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ въ стихахъ. Сочиненіе П. Катенина.

(Окончаніе.)

Первымъ дѣйствующимъ лицомъ сей Трагедіи, какъ и самое заглавіе оной, показываетъ, — есть *Андромаха*. Характеръ сего лица — безпредѣльная вѣрность къ па-

мяши Гектора, ея супруга, убишаго Ахилломъ, любовь къ сыну своему Аспіанаксу и покорность воля боговъ. Въ ней не предполагается ни швердосши духа, ни спрашней героическихъ; она есть, какова должна быть по преданіямъ исторіи миеологической, игралнице горесныхъ случайностей жизни человеческой. Необходимо слѣдующее изъ сего положенія сего лица — бореніе между долгомъ ея къ умершему супругу и нѣжносшію къ сыну, кошораго не можешь она спасти иначе, какъ измѣнивъ вѣрности своей къ праху Гектора, обожаемаго ею и за гробомъ. — Второе по ней лице есть — Пирръ, младый сынь Ахилла и Царь Эпирскій; подобно отцу своему, онъ гордъ, своеправенъ и весь сложенъ изъ пылкихъ спрашней, кошорымъ произвольно отдаешь во власшь. Любовь къ Андромахъ, есть только слабая и почти вшороспешенная причина его дѣйствій; главная причина — желаніе прошивишься шягоспшой для него власши вождя Царей, Агамемнона, власши, раздражающей его гордосшь. Для сего онъ, вопреки общему приговору вождей Греческихъ, насшояшедльно шребуецъ, чшобы на долю его изъ всѣхъ Троянскихъ добычъ, даны были Андромаха съ сыномъ ея Аспіанаксомъ; для сего же онъ, уже и въ гнѣвъ своемъ на

Андромаху за отказъ ея, вырываетъ силою Асціанакса изъ рукъ Улисса, влекшаго сего младенца на убіеніе. Наконецъ, признавая одну шолько власшь боговъ, Пирръ оставяетъ сына Гекшорова въ рукахъ жреца Калхаса, залогомъ обвихъ враждующихъ споронъ, съ швмъ, чшобы послѣ единоборствомъ кончишь споръ свой съ Апридомъ. Только ниспосланная богами смерть Асціанаксу въ громовой спрѣль — положила конецъ раздору и укрошила буйный гнѣвъ Пирра, швмъ болѣе, что съ общаго согласія, Андромаха была присуждена на его часть. — Агамемнонъ, въ Трагедіи Г. Катенина, соблюдаетъ извѣстный, Гомерическій характеръ Апридовъ: надмень, властолюбивъ и презорливъ; Улисъ также: онъ лукавъ, витіеватъ и двуязыченъ. Поэтъ весьма удачно придалъ ему новую спрасшь: ненавившъ къ Пирру, основанную также на піишическомъ преданіи. Вошь какъ самъ Улисъ говоритъ о ней Агамемнону (*Д. II, Явл. 1.*):

„Повѣрь, не шолько Пирръ Апридовъ врагъ, какъ мой.
 Со дня, какъ Грековъ рать оружіе Ахилла,
 Не внемля словъ его, Улиссу присудила,
 Мы воспылали съ нимъ взаимною враждой;
 И если бъ ослѣпленъ, ей слѣдовалъ одной,
 Съ шобою бъ на него я въ гнѣвъ ополчился
 И смертью, можеть бышь, раздоръ бы нашъ рѣ-
 шился.“

Для сей-шо ненависши, онъ поджигаетъ злобу Аспридову на Пирра, и вооружаетъ ихъ другъ прошивъ друга, пріемля на себя притворную личину подашея благихъ совѣповъ и примиршеля. Изъ прочихъ лицъ, должно упомянутьъ объ Асшіанаксѣ, кошорый въ дѣпскомъ незлобіи, не предвидишь грозящей ему участи. Въ слѣдующемъ прогашельномъ явленіи (*2-мъ третьяго дѣйствія*), сама Андромаха, смященная ужасомъ, ошкрываетъ ему о томъ.

А н д р о м а х а .

Приди, любезный сынъ, къ тебѣ зываетъ мать.
Ушъши долгую съ тобою мнѣ разлуку.
Гдѣ ты, Асшіанаксѣ?

А с т і а н а к с ѣ .

О мать! подай мнѣ руку:

Пуши не вижу здѣсь.

А н д р о м а х а .

Безъ робости спупай
И ходъ на голосъ мой призывный направляй.
Мой сынъ! и пакъ еще я вижуся съ тобою,
Могу обнять тебя ласкашельной рукою!

А с т і а н а к с ѣ .

Скажи мнѣ, мать, почто одивъ въ гробницѣ сей
Я ныль заключенъ былъ волею твоей?
Почто я зрѣль въ тебѣ боязнь необычайну?
Ахъ! ради Гекшора, отерой сію мнѣ шайну.

А н д р о м а х а .

Что мнѣ сказашъ ему?

А С Т И А Н А К С Ъ.

Не въ гнѣвъ ль на меня,
Ты опърашила взоръ въ молчаніи, спяща?
Но что! лице швое слезами обронуло:
Повѣдай, машерь, мнѣ, иль горе намъ случилось?

А Н Д Р О М А Х А.

Такъ, сынъ мой, горе намъ!

А С Т И А Н А К С Ъ.

Не плачь, любезна машь;
Коль плачешь, не могу и я не возрыдашь.

А Н Д Р О М А Х А.

Ты ивъжностью своей мнѣ сердце раздрааешь.
Ахъ! если бъ вѣдалъ шы, о чемъ шы вопрошаешь,
Благословдддль бы шы незнаніе свое.
Но хочешь знашь, скажу; дай слово лишь швое,
Какими я швой слухъ ни поражу бѣдами,
Не возмущаешь меня ни врикомъ, ни слезами,
Вспомнивь, о мой сынъ, что храбрымъ спреха ивъшь,
И что ошъ Гекшора родилса шы на свѣшь.

А С Т И А Н А К С Ъ.

Скажи, я не боюсь.

А Н Д Р О М А Х А.

Чѣмъ мнѣ начашь несчастной?

А С Т И А Н А К С Ъ.

Ты воспрешила мнѣ и сшонъ и плачь напрасной,
А слезы льешь сама.

А Н Д Р О М А Х А.

Ты много разъ, мой сынъ,
Со мною видѣшь могъ, Троянскихъ сшвъ съ вер-
шинъ,
Въхъ Грековъ яроспныхъ, что десяшь льшь войною

Опягощая насъ, и осаждая Трою,
Къ опчиствъ наконецъ опплыли на судахъ?

А С Т И А Н А К С Ъ.

Ахъ! дайше боги имъ погибнуть всѣмъ въ волнахъ!

А Н Д Р О М А Х А.

Мольбами мы давно боговъ ожесточили.

А С Т И А Н А К С Ъ.

Какъ!

А Н Д Р О М А Х А.

Грековъ намъ они на гибель возвращамъ.

А С Т И А Н А К С Ъ.

И шакъ, намъ будетъ вновь сражаться десяшь лѣшъ.
Но ешо насъ защитишь, коль Гекшора ужъ нѣшъ?

А Н Д Р О М А Х А.

Надежды нѣшъ уже, защити, ни спасенья;
Вконецъ погибли мы враговъ опъ ухищренья,
Меча и пламени добычей спалъ Пергамъ.

А С Т И А Н А К С Ъ.

Что слышу, *Боже мой!* по гдѣ жъ мой дѣдъ Приамъ?

А Н Д Р О М А Х А.

Онъ мершвъ, сыны его подверглись шой же долъ,
Супруга, дочери осуждены къ неволь;
Я съ ними опплыву рабынею въ Эпиръ,
И шамъ власнишель мой, сей кровожадный Пирръ,
Кожораго опщемъ палъ лвой опецъ средь бою,
Кшо днесъ Приама самъ убилъ своей рукою,
Угошоваля верхъ несчастіямъ моимъ
Велишь, чшобъ все забывъ, я въ бракъ всупила
съ нимъ.

А С Т И А Н А К С Ъ.

Брегись, о мать, брегись, да бракъ сей не свершишся.

Спращуся: тѣвъ отца имъ въ гробъ раздражишя.
 Но какъ противишя возможеш ты судьбѣ?
 О если бы уже я могъ помочь тебѣ!
 Увы! я малъ еще и силы не имѣю,
 За слезы мстишь твои жестокому злодѣю:
 Пожди, о мать, пожди: какъ буду я великъ,
 Опшщу ему шогда.

А н д р о м а х а .

Отецъ въ тебѣ возникъ.

Синъ гордымъ мужествомъ, съ которымъ ты въ-
 щаешъ,
 Его въ очахъ моихъ, мой сынъ, ты воскрешаешъ.
 Но, мысль смертельная!... и доблестію сей
 Лишь ускоряешъ ннѣ часъ гибели своей.

А с т и а н а к с ъ .

Часъ гибели! о мать, ты мнѣ не все сказала.

А н д р о м а х а .

Не все, мой сынъ!

А с т и а н а к с ъ .

Почто жъ о семъ ты умолчала?
 Иль мнишь, что въ тайнѣ словъ твоихъ не собрегу?
 Молю, скажи мнѣ все.

А н д р о м а х а .

Скажу, коль возмогу.

Разспаться должно намъ: мнѣ несть одной служелье;
 Тебѣ жъ за легку казнь счнтають посрамленье,
 И мщеніе врати мнѣ дѣлае проспершь.

А с т и а н а к с ъ .

Скажи яснѣ, мать, что суждено мнѣ?

А н д р о м а х а .

Смерть.

А С Т І А Н А К С Ъ .

Смершь! Ахъ!

А Н Д Р О М А Х А .

Не въ силахъ бывъ испить Гекшору во гробъ,
Они хотять шебя принестъ на жертву злобъ;
Но бдящій о тебѣ отецъ, явившись мнѣ,
Опасность возвѣсшилъ въ noctномъ, предвѣщемъ снѣ.
Внушенна имъ, тебя убійць я скрыла взору,
И льщусь, хотя путей не зрю къ спасенью скору,
Что временемъ... Но шумъ; Клеона къ намъ бѣжишь...

Въ семь явленіи, Г. Капенинъ весьма счастливо преодолѣлъ одну изъ важнѣйшихъ трудностей въ Трагедіи: онъ заставилъ говорить малолѣтняго Астіанакса, говорить прилично его лѣтамъ, и не уклонился отъ тона, въ кошоромъ мы привыкли постигать древнюю Трагедію. Невинные вопросы младенца и отвѣты несчастной его матери, болѣзненно прогають душу зрителя. Отъ сей минушы, положеніе Андромахи болѣе и болѣе поселяеть въ насъ участія, кошорое еще усиливается жалоснымъ ея прощаніемъ съ Астіанаксомъ (д. III, явл. 5). Участіе сіе развлекаеть только иногда буйными порывами Пирра, волнуемаго различными спраспями: любовію, месшію, гордосшію и гнѣвомъ. Когда ошвергшая любовь его Андромаха приходишь просишь его о защитѣ сына ея (д. IV, явл. 4), Пирръ сна-

чала злобно издѣвается надъ ея горестію , пошомъ переходить къ жестокимъ упрекамъ, опъ упрековъ къ угрозамъ, и наконецъ, шакъ сказашъ, играя бѣдсвѣемъ ея, испоргаешъ изъ нея прошивувольную кляшву. Въ слѣдующемъ явленіи, новыя спрасши движущъ его душу: здѣсь онъ сосшязаетъ съ Агамемнономъ. Вотъ нѣсколько стиховъ изъ сего явленія, въ кошоромъ Герои Гомеровы, жестокими словами спужая другъ другу, напоминающъ намъ подобныя распри въ Иліадѣ:

А Г А М Е М Н О Н Ъ.

Какъ посмѣюся я, когда падешъ ты мершвой!

П и р р ъ.

Такъ, вѣрно обреченъ одинъ Аиду жершвой.

А Г А М Е М Н О Н Ъ.

И шло я швое ошдамъ на пищу нсамъ.

П и р р ъ.

Нѣшъ! прежде яспребовъ корыстью будешъ самъ.

Касашельно ошдѣлки стиховъ, должно сознашся, что это самая слабая спорона въ Трагедіи Г. Кашенина. Въ ней много стиховъ шяжелыхъ и неблагозвучныхъ; вспрѣчающся и шакіе, въ кошорыхъ нарушена чиспоша Русскаго языка. Таковы, напр. слѣдующіе стихи:

Желаетъ ли войти Изаекскому Царю?

..... Разгнѣванная рашъ

Всѣхъ хочешь плѣнниковъ на злую смерть предать.

Въ нѣкоторыхъ стихахъ, мысль Сочинителя выражена не ясно; напр.

Калхасъ, зря плѣнниковъ ведомыхъ на закланье,
Речь власную спѣшишь ко воинству простершь;
Безсмертныхъ именемъ ихъ воспрещаешь смерть,
Доколь въ чревахъ шельцевъ и агнцевъ принесенныхъ,
Не узряшь ясно ихъ благихъ или раздраженныхъ.

.
И новаго *тебя супруга* корабли
Съ нимъ понесушь къ брегамъ родной его земли.

Но сіи недоспашки исчезаютъ предъ достоинствомъ цѣлой Трагедіи: правильнымъ ходомъ ея, удовлетворительною развязкою, искусно обрисованными и хорошо выдержанными характерами; наконецъ, живою игрою сцены, которая выражена сильно въ словахъ и дѣйствіяхъ.

В. Л. съ.

Мая 20 дня 1827.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Взглядъ на состояніе Великобританіи
въ 1826 году.

Нынѣ, когда шревожимая смушными обстояшельствами Англія, находится по видимому въ опасности паспѣ подѣ шяжесію собсшвеннаго своего могущесіва, для экономисшовъ и публицисшовъ весьма важно узнать истинное положеніе Бришанской Имперіи, и разсмошрѣть, можешъ ли сей огромный колоссъ, касающійся всѣхъ частей Земнаго шара, выдержашъ ударъ, пошрясающій необьяшную его массу.

Объ Англіи писано много. Удивительное распространеніе ея промышленности, успѣхи въ торговлѣ, чрезвычайное множество ея колоній, обратили на нее взоры всѣхъ, возбудили всеобщее соревнованіе; и особенно въ послѣдніа десятиа лѣтъ, ее безпрерывно представляющъ въ образецъ всѣмъ Правительсштвамъ, въ примѣръ всѣмъ народамъ.

Но хорошо ли обсужено ея положеніе? Разсмошрѣны ли всѣ подробносши ея могу-

щества? Можно ли было, по огромности колосса, обозрѣвъ всѣ его части, повѣрить правила, по коимъ онъ образованъ, удословѣриться въ прочности его основаній?

Принимая на себя такое разсмотрѣніе, мы постараемся показать состояніе Англіи, какъ во внутреннемъ, такъ и во внешнемъ отношеніи, не столько разсужденіями, сколько фактами, за достоверность коихъ мы смѣло можемъ ручаться; мы покажемъ ея нужды и средства, которыя она имѣетъ для удовлетворенія онымъ.

Пространство Британскихъ острововъ составляетъ 71,281,907 акровъ или 111,377 квадратныхъ миль, которыя раздѣляются слѣдующимъ образомъ:

З е м л и :

	Пахатной земли.	Луговъ.	Необраб-тан- ной земли.	Всего.
Англія .	10,200,000	14,200,000	7,532,400	32,332,400
Валія .	900,000	2,600,000	1,252,000	4,752,000
Шотлан- дія .	2,500,000	2,550,000	17,204,507	22,254,507
Ирландія	—	—	—	11,943,000
				<hr/> 71,281,907.

По переписи 1821 года, на нихъ находилось:

	Главныхъ въ Грае- ствѣ городовъ.	Приходовъ.	Дожовъ.
Англія	40	9,860	2,036,317
Валлисъ	12	833	140,820
Шотландія	33	948	356,536
Ирландія	32	2,224	1,185,490
Всего	117	13,885	3,719,163

Народонаселенія въ 1821 году было, не считая морскихъ и сухопутныхъ войскъ 20,874,159 душъ (*), а именно:

	Двѣтй моложе 15 л.				Всего.
	мужчинъ.	женщинъ.	муж. п.	жен. п.	
Англія	3,262,780	3,510,899	2,220,899	2,266,859	11,261,437
Валлисъ	202,186	229,125	148,301	157,826	717,438
Шотландія	580,495	718,330	403,059	391,574	2,093,456
Ирландія	1,941,927	2,067,727	1,400,000	1,392,139	6,801,828
И того	5,987,386	6,526,116	4,172,259	4,188,398	20,874,159

что составляло 4,253,416 семействъ, распредѣленныхъ слѣдующимъ образомъ:

	Земледель- цствъ.	Мануфакту- ристствъ, ре- месленниковъ и торговцевъ.	Непроиз- водишель- ныхъ.	Всего.
Англія	773,732	1,118,295	454,690	2,346,717
Валлисъ	74,225	41,680	30,801	146,706
Шотландія	130,700	190,264	126,997	447,961
Ирландія	219,529	327,647	764,856	1,312,032
И того	1,198,186	1,677,886	1,377,344	4,253,416

(*) Перепись 1821 года. Прибавленіе къ Британской Энциклопедіи.

По сему, народонаселение Великобританни, просширавшееся въ 1791 году до 14,181,614 душъ, въ шридцать лѣтъ, прошедшихъ съ того времени до 1821, прибавилось 30 на 100, а нынѣ оно составляетъ 22 милліона жителей.

Торговля и промышленность сдѣлали не менѣе успѣховъ въ шеченіе послѣднихъ шридцати пяти лѣтъ.

Въ 1790 году привозилось въ Великобританнію товаровъ на 16,487,947 фуншовъ шерлинговъ (412,198,675 рублей), а вывозилось изъ оной на 17,732,804 ф. ш. (443,320,100 руб.).

Въ 1800 году ввезено товаровъ на 30,570,605 фун. шерл. (764,255,125 руб.), а вывезено на 38,120,120 фун. ш. (953,003,000 руб.). Распространеніе торговли увеличивалось и въ 1824 и 1825 годахъ.

В ъ 1 8 2 4 :

Ввезено на 35,937,936 ф. ш. (898,448,400 р.)

Вывезено на 57,845,459 — (1,446,136,475 р.)

В ъ 1 8 2 5 :

Ввезено на 44,137,482 ф. с. (1,103,437,050 р.)

Вывезено на 56,335,514 ф. — (1,408,387,850 р.)

Съ своей стороны Англійскіе фабрики, кошорые въ 1800 году упошребляли только около 32,000,000 фуншовъ хлопчатшой бумаги, 1,024,588 фуншовъ шелку и

8,609,380 фуншовъ шерсти и вывозили сихъ товаровъ шолько на 13,578,956 фуншовъ шерлинговъ (339,473,900 руб.), съ 10 Октябля 1824 до 10 Октябля слѣдующаго года употребили 222,457,616 фуншовъ хлопчатой бумаги, 30,703,682 фунша шерсти, 4,231,673 фунша шелку, а цѣна вывезенныхъ ими сихъ товаровъ составила около 40 милліоновъ фуншовъ шерлинговъ (1,000,000,000 руб.); для обрабошыванія оныхъ употреблены были 2,500,000 человекъ и нѣкоторое число паровыхъ машинъ, замѣнявшее 35 милліоновъ человекъ.

Въ началъ войны противъ Французской революціи, Англійская торговля употребляла шолько 16,079 судовъ въ 1,540,145 тоннъ. Въ 1825 употребила она 26,946 судовъ въ 3,471,236 тоннъ, изъ которыхъ шолько 5,160 въ 684,392 тонна принадлежали другимъ морскимъ Европейскимъ и Американскимъ Державамъ (*).

Въ концъ 1824 года торговый флотъ всѣхъ прехъ Королевствъ соснолъ (**):

(*) Рѣчь Г. Гускинсона въ Нижней Палатѣ, произнесенная въ засѣданіи 12 Мая 1826 года.

(**) Тродгольдъ. *Remarks on steam navigation.*

	Парусныхъ судовъ.	Паро- ходовъ.	Число тонновъ.	Число людей.
Англія . .	16,466		1,981,685	123,332
Шотландія .	2,961		266,975	19,631
Ирландія .	1,376		73,293	6,779
И всего	20,803	160	2,321,953	149,742

Съ распространеніемъ торговли, увеличились доходы Англии; а вмѣстѣ съ доходами сухопутная и морская сила ея. Въ началъ войны съ Франціею, бюджетъ ея простирался только до 18 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (450,000,000 руб.) и 200,000 солдатъ или матросовъ составляла всю военную ея силу. Въ 1825 году она имѣла дохода 49,552,493 фунта стерлинговъ; сухопутныхъ войскъ на лицѣ 320,000 человекъ; а дѣйствующая морская сила ея состояла изъ 375 кораблей разной величины, и 134 военныхъ бриговъ, на коихъ находилось около 30,000 морскихъ служившихъ всякаго званія и сшепени.

Таковы, во внутреннемъ отношеніи, главные начала могущества Англии. Въ Государствѣ, она имѣетъ обширныя владѣнія, содержація въ себѣ болѣе полутора милліона квадратныхъ миль и болѣе ста милліоновъ жителей. Главнѣйшія изъ оныхъ суть :

В ъ Е в р о п ѣ .

Народонаселеніе.

Острова Жерсей, Гернезей, Менъ	92,000
Гибралтаръ	
Мальша	160,000
Ионійскіе острова	150,000
Ганноверское Королевство	

В ъ А з і и .

Индіа	{	Индійцевъ	50,000,000
		Англичанъ	40,000
Иль-де-Франсъ	{	Свободныхъ	23,900
		Невольниковъ	63,700

В ъ А ф р и к ѣ .

Мысь Доброй Надежды {	Свободныхъ	60,000
	Невольниковъ	30,000
Сіерра-Леона		16,600
Мадагаскаръ		

В ъ А м е р и к ѣ .

Канада (верхняя)		76,000	
Канада (нижняя)		160,000	
Новый Брауншвейгъ		70,000	
Новая Шотландія		86,000	
Островъ Принца Эдуарда		24,000	
Ньюфундлендъ			
Западная Индіа	{	Свободныхъ	
		Невольниковъ	723,500

В ъ А в с т р а л і и .

Новый Южный Валлисъ		37,000
Земля Фанъ-Дименова		7,200

Ко всѣмъ материкамъ присоединяется она передовыми постами, кошорые, говоря словами одного иностраннаго Писателя, бывающъ попеременно, по мѣсцомъ, ошъ кошораго идушъ къ новымъ завоеваніямъ, по мѣсцомъ убѣжища въ случаѣ ошсшуленія, и всегда центромъ предпріяшій торговли, кошорая не спрашится никакихъ опасностей и не знаетъ ошдохновенія. Ошровъ Сокошора покоряешъ ей проливъ Бабель-Мандельскій; Гибралтаръ и Мальша, Средиземное море; Корфу — море Адриатическое; Иль-де-Франсъ, Мысъ Доброй Надежды, ошровъ Св. Елены. служатъ перепущемъ на дорогѣ въ Индію; Мадрасъ владычествуетъ надъ берегами Коромандельскими; Бомбей надъ берегами Малабарскими, а Мизоръ, опняшый у Типо-Саиба, соединяешъ сіи два владѣнія, коихъ полуденная оконечность защищается ошровомъ Цейланомъ.

Изъ предъидущаго явствуетъ, что съ 1790 года народонаселеніе Англій увеличилось цѣлою третью, что бдльшая часть произведеній мануфактуръ ея умножились въ шесперо, что вывозная и привозная ея торговля распространилась вшрое, что Государственный доходъ увеличился слишкомъ вдвое, и что колоніальныя владѣнія ея, кошорыя еще до Французской революціи

были болѣе всѣхъ принадлежавшихъ въ то время другимъ Европейскимъ Государствамъ, приумножались еще разными землями, завоеванными у Франціи, Испаніи, Португаліи, Голландіи и проч.

Теперь спрашивается: всѣ эти завоеванія Англійской промышленности или политики, увеличили ли истинное могущество метрополія и народное благоденствіе? Уменьшилось ли число нищихъ, содержащихся на щель трудолюбивыхъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, уменьшилось ли число преступленій, къ несчастію, неразлучныхъ съ нищетою? Уплатило ли Правительство Государственный долгъ? Обогащали ли Правительство и частныхъ людей, 256 милліоновъ, полученные въ тридцать пять лѣтъ отъ превосходства цѣны вывезенныхъ товаровъ надъ цѣною привезенныхъ (*)?

(*) Въ концѣ минувшаго столѣтія, Англія среднимъ числомъ получала ежегодно барыша 168 милліоновъ франковъ. Миръ 1802 года возвысилъ его до 240 мил. продолжительная война снова понизила, отъ 120 до 150 мил.; во время континентальной блокады, отны, не смотря на изысканіе, упалъ до 96 мил.; съ 1814 по 1822 годъ возросъ до 300,000.

Сборъ въ пользу бѣдныхъ въ Англіи и землѣ Валлисской, въ концѣ минувшаго столѣтія, простирался только до 2 милліоновъ стерлинговъ (50,000,000 руб.). Въ 1812 году 971,913 семействъ, составляющихъ $\frac{1}{3}$ народонаселенія, содержались на счетъ приходовъ, которые платили имъ ежегодно 6,656,106 фунтовъ стерлинговъ (166,402,626 руб.), что соотвѣствуетъ 1,061,438 квартерамъ хлѣба. Въ 1824 году въ *поперизитъ*, и. е. въ списокъ нищихъ, считалось около полутора милліона семействъ, которыя стоили Государству суммы, равняющейся цѣнѣ 1,860,000 квартеровъ хлѣба.

Въ 1812 году, число присужденныхъ за преступленія къ разнымъ наказаніямъ, простиралось въ Англіи и Валлисской землѣ до 6,576; въ 1824 до 14,056.

Состояніе массы народа, въ теченіе тридцати пяти лѣтъ, не улучшилось; ибо хотя число пошребителей умножилось 30 и 40 на сто, и количество вывозимыхъ товаровъ утроилось противъ того, что было въ то время и удвоилось съ 1800 года; но количество чаю, сахару, вина и проч. ввозимаго въ Англію, осталось почти такое же. Такимъ образомъ, въ 1800 году, во всѣхъ префектурахъ Королевства пошреблено было 20,358,703 фунта чаю, а въ 1822 23,912,044

фуинша. Въ 1807 году сахару привезено было 364,130,900 фуншовъ, а въ 1822 только 362,312,200 фуншовъ. Въ 1810 году получено было 9,801,120 галлоновъ вина (392,000 гекшоплишровъ), а въ 1812 меньше, именно, 6,918,559 галлоновъ (276,700 гекшоплишровъ). Наконецъ на одномъ Смишфильдскомъ рынкѣ въ Лондонѣ, принимая въ соображеніе увеличеніе народонаселенія города, съ 1818 по 1822 годъ продано 36,561 шшуками рогатого скоша и 52,664 овцами меньше, нежели въ чешыре года, прошекшіе съ 1798 по 1802 годъ.

Увеличеніе *поперизма* въ Англіи доказываетъ, что состояніе бѣднаго класса народа не улучшилось.

Жалкое положеніе рабочаго класса, употребляемаго на мануфактурахъ, возмущеніе его въ Линкольнширѣ, многочисленныя подписки, открытыя въ пользу его во всѣхъ частяхъ Англіи и проспирающіяся по сіе время до 150,000 фуншовъ стерлинговъ (3,750,000 руб.) доказываютъ, что увеличеніе дѣятельности Англійской промышленности не послужило въ пользу производительному классу.

Уменьшеніе или совершенное прекращеніе работы на фабрикахъ Блекборнскихъ, Манчестерскихъ, Спичальфильдскихъ, Глас-

говскихъ и проч., ужасное множество банкротствъ въ торговлѣ, случившихся въ послѣдніе восемь мѣсяцевъ, показываетъ, что мануфактурный и торговый классъ, также не воспользовались огромными барышами, которые они добыли шпудами своими.

Долгъ Англійскаго Правительсва, составляющій 893,783,282 фунта шерлинговъ (22,000,000,000 руб.) (*), можетъ служить доказательствомъ того, что и оно съ своей стороны не обогатило въ послѣдніе тридцать пять лѣтъ (**).

Наконецъ выпускъ банковыхъ билетовъ, на сумму около 50 милліоновъ фунтовъ шерлинговъ, очевидно доказываетъ, что суммы, полученные отъ превосходства вывозовъ предъ привозами, въ Англии не оспались.

(*) Извлечено изъ официальныхъ документовъ Департамента Государственнаго долга; состояніе долга по 5 Января 1826.

(**) Исчислено, что пріиспа человекъ не могли бы снести Государственный долгъ Англии банковыми билетами, въ десять фунтовъ шерлинговъ (250 руб.), коихъ въ фунтѣ заключается 512: полагая, что долгъ простирается только до 726 милліоновъ ф. с. (18,150,000,000 руб.), оный всилъ бы 142,650 фунтовъ; если бы раздѣлили ихъ на пріиспа человекъ, то пришлось бы на каждаго по 476 фунтовъ.

Въ концѣ 1825 года было въ обращеніи бумажныхъ :

Англійскаго банка 18,200,000 (455,000,000 р.)

Провинціалн. банк. 30,000,000 (750,000,000 р.)

Шестъ тысячъ пятьсотъ милліоновъ, полученныхъ Англійскою шорговлею съ 1790 года до нашего времени, издержаны были на двадцатипятилѣтнюю войну, которую Пиппъ и Кастелре завели съ Франціею, единственно для выгоды аристокраціи, а не съ коммерческими видами, какъ многіе и доселѣ на швердой землѣ думаютъ. Такимъ-же образомъ Англія была въ состояніи доставить союзникамъ, въ видѣ вспоможенія, 80 милліоновъ фунт. стерл. (2,000,000,000), плативши проценты своего долга и давши жалованье агеншамъ, которыхъ содержавъ она во всѣхъ частяхъ Земнаго шара. Сн 6500 милліоновъ, доставленныхъ народу шорговлею, перешли, посредствомъ чрезвычайныхъ налоговъ, въ руки Правительшва, а опшуда въ чужіе край.

Можно однако же полагать, что если бы Англія удержалась въ томъ положеніи, въ какомъ находилась въ 1824 и 1825 годахъ; то она поддержала бы кредитъ свой, уменьшила бы мало по малу огромный, лежащій на ней долгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличила бы существенную важность своей шоргов-

ли приведемъ въ исполненіе мудрыхъ поспановленій, предложенныхъ Г. Гускинсомъ. Но рано или поздно надобно будетъ подвергнуться слѣдствіямъ ложнаго начала, если бы уже и начали признавать свое заблужденіе. Такимъ образомъ народъ сей, который во время войны лишился своего золота, посредствомъ вспомогательныхъ денегъ, посланныхъ къ союзникамъ; который съ мира 1815 года, снова выпустилъ оное изъ рукъ своими спекуляціями и ошдачею около 310,000,000 ф. с. (5,250,000,000 руб.) въ долгъ въ Европѣ и Америкѣ; народъ сей, говоримъ мы, принужденнымъ нашелся продавать выпускъ бумажной монеты, и количество сей бумажной монеты, вышедшее изъ всякой соразмѣрности съ количествомъ капитала, опредѣленнаго на выкупъ оной, не мало способствовало къ поспрашенію довѣренности и было одною изъ самыхъ сильнѣйшихъ причинъ затруднительнаго положенія, въ которомъ Англія нынѣ находится; положенія, которое уже причинило уменьшеніе Государственныхъ доходовъ въ печеніе первой прещи 1826 года, 682,799 ф. штерлинговъ.

Не въ Великобританіи можно описать способы избавившяся отъ опасности; которая Англіи угрожаетъ. Положеніе мно-

гочисленныхъ ея заморскихъ владѣній еще ненадежныѣ, нежели ея собственное. Колоніи Мыса Доброй Надежды, Сіерра Леона, Южнаго Новаго Валлиса, земли Фанъ-Дименовой, верхней и нижней Канады и проч. досель были въ нягосѣ мепрополіи. Западная Индія бѣдна и находится въ дурномъ положеніи, и если правда, что она приносить казнѣ мепрополіи 5 милл. ф. ст. ежегоднаго дохода (125,000,000 руб.); то не иначе, какъ извлекая ихъ предварительно изъ кармана Англійскаго народа, кошорый, по причинѣ двойной пошлины, наложенной на сахаръ Восточной Индіи и другихъ иностранныхъ колоній, принужденъ покупать его на Аншильскихъ островахъ, шакъ сказать, по цѣнѣ, положенной колонисшами. Наконецъ, Индія, обремененная долгомъ въ 1500 милліоновъ франковъ, могла обогатить частныхъ людей, но она въ нягосѣ большому числу Англійской націи, кошорая, въ слѣдствіе монополіи Остъ-Индской Компаніи, принуждена платить за сахаръ, опиумъ и проч. шрешьюю частію дороже жишелей другихъ Государствъ Европы.

Посему Англія не должна ожидать никакого двѣшвительнаго пособія отъ своихъ колоній. Колоніи обѣднили Испанію, ослабили Португалію и нынѣ еще стѣблѣтъ Фран-

ціи ежегодно 16 мил. франковъ. При помощи Англійскія колоніи могутъ оплодотвориться отъ мексиканскія, отъ Канады опойши къ Соединеннымъ Штатамъ, невольники Западной Индіи получатъ свободу, въ которой опказываютъ имъ господа ихъ. Самые Индійцы, приученные къ войнѣ многочисленными своими пошерями, образованные своими побѣдами, можешь бышь, получаешь сознание собственной своей силы, и знамя Великобританское престанешь развѣваться надъ сею прекрасною частью свѣта. Правда, тогда Кабинетъ Сен-Джемскій не въ состояніи уже будешь раздавать богатымъ Губернаторамъ своей аристократіи, предлагать безчисленныхъ sinecurae празднои части своего народа, ни раздавать множеству мѣстъ гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ, которые роятся въ его колоніяхъ. Но такая пошеря, не только не будешь истиннымъ несчастьемъ для Англій, но сделается для нее благодѣяніемъ; и опдѣленіе Западной Индіи умножить благосостояніе Англійской торговли, точно также, какъ умножило его опшорженіе Америки.

Но оппаденіе сіе, какъ бы оно близко ни было, все еще слишкомъ далеко для того, чтобы избавить Великобританію отъ перелома, ей угрожающаго.

Врачевства отъ спрдацій своихъ должна она искать ближе отъ себя. Пустьъ возвращишь она Ирландію промышленности торговой и земледѣльческой, уравненіемъ Капшоликовъ въ правахъ съ Протестантами; пустьъ снова водворишь довѣренность въ торговлю, посредствомъ благоразумнаго ограниченія выпуска бумажной монеты, и, что всего важнѣе, пустьъ она возвращишь производимымъ мануфактуръ своихъ прежнее ихъ превосходство, посредствомъ уменьшенія пошлинъ съ предметовъ первой потребности и уничтоженія законовъ, воспрепятствующихъ ввозу иностраннаго хлѣба. Сія послѣдняя мѣра, въ имѣнникъ общенародныхъ, самая важнѣйшая, даетъ возможность народу жить дешевле; хозяевамъ уменьшеніе вѣсау рабочихимъ, и Англійскимъ торговцамъ выдерживать совѣстнически и иностранныхъ товаровъ на рынкахъ Стараго и Новаго свѣта. Тогда увеличится дѣятельность торговли и промышленности Великобританіи; тогда откроются для нея новые источники благоденствія и ежегодная сумма 25 мил. ф. ст. (725,000,000 руб.) процентовъ долга будетъ вѣрною.

Къ несчастію кажется, что Англія не расположена къ симъ переменамъ. Уравненіе Капшоликовъ въ правахъ съ Протестантами

имѣешь сильныхъ непріятелей; Банкъ владѣешь привилегіями, къ коимъ, можешь бышь, прикасаешься шрудно; а уничтоженіе законовъ, воспрещающихъ ввозъ иностраннаго хлѣба, дабы не разорить многочисленнаго класса земледѣльцевъ, пошребовало бы, върояшно, немедленнаго и совершеннаго уничтоженія десятиннаго сбора, въ пользу церкви, со всѣхъ поземельныхъ владѣній въ шрехъ Государствѣхъ.

Всякій человекъ, непричастный національнымъ предубѣжденіямъ и коего виды не ограничиваются событіями одного насшоящаго времени, долженъ желать, чтобы Великобританія предупредила поспѣшными и мудрыми мѣрами переломъ, ей угрожающій. Но чтобы ни ожидало Великобританію, опвшшвенность по всей справедливости не должно возлагать на Министровъ, коимъ нынѣ управляють ея судьбами. Видѣ большей части изъ нихъ весьма здравы, и политика ихъ согласна съ выгодами народа. Къ несчастію, имъ дошались въ удѣлъ все затрудненія, накопленныя Министрствами Пинча и Каспельре.

Пер. — нѣ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЪ ПАМЯТЬ КРАСАВИЦЪ.

Съ ея могилы позабышой
 На память сорвалъ я цвѣшокъ,
 Осеннимъ холодомъ убишой.
 Какъ сходенъ нхъ печальный рокъ!
 Родясь подъ бурей и грозюю,
 Игрушка спрасши, жертва зла,
 Какъ сей цвѣшокъ, она красюю
 Подъ солнцемъ мигъ одинъ цвѣла.
 Опъ раннихъ дней она помилась
 Желанья тайнаго шоской;
 Въ слезахъ Творцу она молилась:
 „Пошли душъ моей покой!“
 Досшигнушый ея моленьемъ,
 Онъ дѣвъ виашъ благоволилъ —
 И Ангелъ смерши съ умиленьемъ
 Крылами дѣву осѣнилъ. . . .
 Никто слезю безопрадной
 Не оросилъ забышый прахъ. . . .
 Такъ вянешъ цвѣшъ въ пустынь хладной,
 Такъ гаснешъ исбра въ небесахъ!

А. Брюковъ.

Оренбургъ, Янв. 1827.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 7.

П у т е ш е с т в і я.

33. *Письма о Восточной Сибири, Алексья Мартоса.* М. въ Универс. шип. 1827. 291 стр. въ 8.

(Въ сихъ письмахъ, Г. Мартось переносишь насъ въ *новый свѣтъ*, въ сѣрану, хотья Русскую, но столь еще мало намъ извѣспную, что всякія подробности о ней, особливо для насъ, Русскихъ, чрезвычайно любопыспны и занимашельны. Сочинишель *Писемъ о Восточной Сибири* прожилъ нѣскольکو лѣтъ въ шамошнемъ краю, и самъ занималь шамъ должностъ, кошорая доспавляла ему возможность и средспва самому обзрѣшь замѣчашельную сѣрану сію и собрашь о ней самыя полныя свѣдѣнія. Въ письмахъ его видѣнь наблюдашельный духъ, ошъ кошораго ничто не ускользало, что тольکو могло заслужишь вниманіе читашелей. Мно-

гіе предметы поражають своєю новоспшою, швмъ болѣе, чшо ихъ никакъ нельзя было надвѣяться найши въ Сибири. Упомянемъ, для примѣра, о богашомъ сшаровѣрческомъ селеніи Тарбагашаѣ, въ 45 версшахъ ошъ Верхнеудинска. Тамъ, переселенные изъ Сшародуба, Гомеля и Добрянки сшарообрядцы, шрудолобіемъ и досужесшвомъ своимъ, нашли возможное на землѣ сшасшіе. „Кресшьяне доволно зажиточные въ домашнемъ обиходѣ,“ говоришь Г. Маршось, „держашъ по сошнѣ рогашаго скоша, ошъ шрехъ до пшши сошъ овецъ, по сошнѣ лошадей, коими обрабошывають землю. Эшо ошносшсь къ доволно зажиточнымъ людямъ, но въ сравненіи ихъ, ешъ еще и богаче.“ Кресшьянинъ Федошъ Ивановъ Заиграевъ, у коего ошпанавливался Г. Маршось, являешъ собою въ Сибири образчикъ богашыхъ поселянь какой-либо изъ образованнѣйшихъ сшранъ Европы. Въ домѣ его, кромѣ порядка, чшшошъ, доволншва и даже нѣкошорой позволштельной по его сосшоянію роскоши въ домашнихъ уборахъ и пищѣ, пушешесшвенникъ нашъ нашелъ даже роскошь просвѣщенія — Журналы. „Я снова удивился,“ говоришь онъ, „увидя передъ собою, въ домѣ кресшьянина, за 6500 версшъ ошъ сшолшцы, Пешербургскія полишическія и лише-

„рашурныя періодическія изданія. — Хозяинъ давно выписываетъ ихъ, — говоришь хозяйка, — и газетны поже мы исправно получаемъ.“ Колонія Англійскихъ Миссіонеровъ, близъ Селенгинска, не менѣе заслуживаетъ вниманія. Колонія сія состоить изъ трехъ семействъ; глава перваго изъ нихъ — Англичанинъ, оба другіе Шотландцы изъ Глазгова. Они поселились между Буряшами, и проповѣдуютъ имъ вѣру Христіанскую; но, къ сожалѣнію, кажется, безъ значительнаго успѣха. Описаніе кумиренъ Буряшскихъ на Гусиномъ озерѣ, верховнаго жреца сихъ язычниковъ Ламайскаго исповѣданія и духовныхъ ихъ обрядовъ, до Г. Маршоса ни къмъ, еще не было сдѣлано въ такой подробности. Чипашели конечно съ любопытствомъ прочтутъ также и Кишайское угощеніе, сдѣланное нашему путешественнику Джаргучею сей націи въ Маймачинѣ, Кишайскомъ городкѣ на Кяхтѣ. Подробности сей Кишайской пирушки доказываютъ, что въ *среднемъ царствѣ* (какъ Кишайцы называютъ свое опеченство), были также свои Бовиле и Вашели, копорые не были бы отвергнуты и избалованнымъ вкусомъ ушонченнаго Европейскаго гаспронома. — Желательно, чшобъ и Западная Сибирь была къмъ-либо описана

столь же подробно и занимательно; еще больше должно желать, чтобы Г. Маршось подарилъ насъ Исторіею сего любопытнаго края. Жаль, что Письма о Воспочнои Сибири напечатаны не очень исправно, а приложенныя къ нимъ карпинки выгравированы весьма посредственно и описаны на дурной бумагѣ. Карпинки сіи представляють: Кишайскаго Чжаргучея въ Маймачинѣ, именемъ Бо-лое; видъ Англійской колоніи на Селенгѣ; Бурятскій кумиръ и видъ Тельминской фабрики въ 62 верстахъ отъ Иркутска. Кроме сего, при Письмахъ о Воспочнои Сибири находишь планъ города Иркутска и карта дороги отъ Иркутска на Кяхту кругомъ Байкала, чрезъ хребетъ Хамарь-Дабань.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XV.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ДРУЖБА НА СЪВЕРЬ.

(Окончаніе.)

Наконецъ, въ то время, когда весна уже была въ полномъ ея цвѣтѣ, пришелъ приказъ отъ главнаго Командира. Три печати на пакетѣ показывали важность и поспѣшность депеши. Джонъ распечаталъ ее и пробѣжавъ, какъ бы невольно воскликнулъ: „Чортъ возьми, опасности много, а награды въ виду никакой!“ Потомъ бросилъ ее съ досадою Гольгеру.

„Награда вездѣ, куда зовушь честь и долгъ!“ — отвѣчалъ сей покойно и спалъ чиншашъ приказъ. Въ немъ заключалось дѣйствительно очень шрудное порученіе: развесши по многимъ береговымъ мѣстамъ запечатанные приказы. Трудность состояла въ томъ, что на морѣ въ недалекомъ разстояніи явилась непріятельская эскадра, хотя и не весьма значительная, но все пре-

вышавшая силу пригошовленныхъ къ защищѣ способовъ. Надлежало не только увериваться опъ внимательности и преслѣдованій непріятели, но можешь бышь, и сражашься съ его превосходнѣйшими, хотя и разсыянными силами. Вся надежда была только на скорый ходъ шкуны. Между шѣмъ береговья скалы заславляли опасашься, что или на быспромъ бѣгъ разобьешься корабль, или набѣжишь нечаянно на непріятели: въ семъ послѣднемъ случаѣ, весьма вѣроятномъ, предписывалось, если шкуна не будеть въ сосояніи уклониться, всшупишь въ бой и защищашься до послѣдней крайности, чтообъ только депеши не попались въ руки непріятели; испребишь же ихъ позволялось въ самомъ уже крайнемъ случаѣ. Съ шѣмъ вмѣстѣ вѣдно было опправиться непременно въ ночь на слѣдующіе сушики, для полученія въ извѣстномъ мѣстѣ депешей, по условленному сигналу. Ночи были въ то время самыя ясныя.

Въ глазахъ Гольгера заблещала радость по проченіи приказа, но на лицѣ Джона встрѣшили они угрюмость и досаду. Грубымъ, повелишельнымъ тономъ сказалъ послѣдній: „гошовься же къ опъѣзду!“ и опправился на берегъ.

Сей шонь, давшій замѣшивъ, что съ нѣхъ норъ не будущъ шерпимы никакія возраженія, вдругъ распроилъ въ Гольгеръ всю радость его и заснавилъ забытъ пламенное стремленіе въ бой и въ опасности. Слѣдуя глазами за Джономъ, кошорый сошелъ на берегъ въ шомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда чужимъ оружіемъ выручалась честь его, онъ вообразилъ себѣ всю эту сцену, съ дополненіями, какія узналъ послѣ изъ просщодушнаго сказа Мадса. Съ шѣмъ вмѣстѣ невольно пришли ему на умъ всѣ качества шеперешняго его начальника: заносчивость, криводушіе, кошорыя угрожали флагу, и можешъ бытъ, ему самому новою бѣдою; и при шомъ нѣкошораго рода опщѣшшвенность въ его поведеніи, возложенная начальствомъ — все это возбудило горькія чувства въ душѣ Гольгера и привело его въ шакое безпокойство, кошораго не въ силахъ онъ былъ превозмочь. Въ семъ расподоженіи духа провелъ онъ весь день, всю ночь и все слѣдующее утро. Тоска его испомила. Онъ, вздумалъ еще разъ увидѣшсья съ другомъ своимъ и сказалъ о шомъ начальнику шкуны. Между шѣмъ, работы еще за нѣсколько дней приведены были къ концу, и машрозы, можешъ бытъ, въ предчувствіи близкаго опщѣзда, желали побывашъ на берегу; по-

чему Гольгеръ распустилъ многихъ изъ нихъ. Эпо, по видимому, не нравилось Джо-ну; онъ замѣшилъ, что мало людей ошпаненся на корабль; а какъ въ то же время просился на берегъ еще одинъ изъ младшихъ офицеровъ, то онъ и сказалъ Гольгеру, что можешь уволить его только на самый короткій срокъ, въ продолженіе кошораго самъ побудешь на борту, а потомъ обращаясь къ младшему офицеру, прибавилъ: „прошу не опаздывать. Съ захожденіемъ солнца всѣ должны явиться; ни одной уже шляпки не должно подпускать къ кораблю, и кто бъ на ней ни былъ, не принимаешь его. — Вамъ надобно позаботиться, Лейтенантъ Ан....“ — продолжалъ онъ нѣсколько шпше, такъ что только офицеры могли его слышать: „чтобъ непременно собрался всѣ во время, ровно въ двѣнадцать часовъ поднимаешь якорь и паруса; не ждешь ни минушы, говорю я, хотя бъ и самого меня еще не было.“

Гольгеръ, вмѣстѣ съ молодымъ офицеромъ, отправился на берегъ и поспѣшилъ къ Вольдемару, кошорому тотчасъ сообщилъ приказъ, съ успрямленнымъ на него испытующимъ взоромъ, какъ будто въ его глазахъ желая найти себѣ утѣшеніе.

„Наконецъ тебѣ открышь пушъ дѣшельносши!“ воскликнулъ Вольдемаръ съ жаромъ: „а я все долженъ сидѣшь здѣсь на якорѣ. Сюда вѣрно и не заглянешъ неприяшель. Вошъ, если бѣ ты былъ начальникомъ шкуны, шо я позавидоваль бы послѣднему швоему машрозу, а шеперь — но увидимся ли мы съ шобою? — ты вѣрно не переживешь сшыда нашего флага.“

— „Нѣшь!“ ошвѣчалъ Гольгеръ: „но предошвращу его.“

„Какъ эшо? развѣ онъ не начальникъ швой! бѣдный мой другъ! и ты помѣнялся со мною!“

Гольгеръ едва слушалъ; душа его погрузилась въ мрачное, смущенное чувштво. Онъ явился ошшь на боршъ, прежде, чѣмъ воображалъ.

„Какъ ты долго таскался!“ эшими словами встрѣшилъ его Джонъ. „Мнѣ еще надобно о многомъ похлопошашъ въ городкѣ; при шомъ же я пойду на вечеринку къ одному знакомому, ошкуда ворочусь передъ самую полуночь; я нарочно хочу эшо сдѣлать, чшобъ никшо и не думаль, чшо мы сегодня же шихохонько уберемся; почему знашь, можешь бышь неприяшель имѣешь шущъ своихъ шпіоновъ. Пущъ думаешь, чшо я ошправляюсь завшра. Шлюпки за

мною не присылай — только, чтобы она спояла на гоповъ у корабля: какъ скоро услышишь нисполешный выпрѣвъ, то пошли ее за мною.“

Гольгеръ кивнулъ молча головою, а между шѣмъ ворчалъ про себя: *тихохонько уберемся*. Эти слова, прусливая предосторожность въ невѣроятной измѣнѣ, какія-то опасенія, вовсе несвойственныя обыкновенному легкомыслию Джона — все это, и въ такое время, когда Гольгеръ охотно бы рассказывалъ всякому радость свою, что наконецъ пойдешь и онъ сражашься, — упало, какъ расплавленный свинецъ, на грудь его. Темное предчувствіе, котораго не умѣлъ онъ располоковать себѣ, такъ сильно имъ овладѣло, что онъ забылъ все вокругъ себя. Вдругъ услышалъ онъ голосъ Мадса, напѣвающего воинственную пѣсню — голосъ, повѣдавшій ему нѣкогда гнусное предательство, ему оказанное. Тогда дерзкая мысль, какъ молнія, блеснула въ головѣ его. Онъ подумалъ — планъ его созрѣлъ — онъ скоро рѣшился: „пусти же“ пробормоталъ Гольгеръ: „пусти же онъ самъ опоздаешь!“

Съ этого мгновенія сдѣлался онъ опять покоенъ. Опять проснулась въ немъ дѣятельность духа, заботливость, разговорчи-

вость: только на лицѣ его выразалось что-то суровое.

Въ назначенное время явились на корабль всѣ опущенные люди, съ ними и офицеръ. Начальникъ же, кошораго шайное приказаніе извѣстно было только Гольгеру, все еще былъ въ опсущспвіи. Всѣ удивлялись; офицеры спали безпокоишься. Въ одиннадцать часовъ Гольгеръ сказалъ: „я лучше самъ съѣзжу на берегъ“ и взявъ маленькую шляпку, онъ велѣлъ причалишь нѣсколько даље обыкновенной приспани, а попомъ сказавъ мапрозамъ, чѣобъ они спокойно его дожидались, пошелъ вдоль по берегу. Тушь въ самомъ уединенномъ мѣстѣ, близъ городка, спадъ онъ расхаживашъ взадъ и впередъ, пока не услышалъ шороха. Вскорѣ явился Джонъ и съ удивленіемъ опсупилъ назадъ, когда предсаль ему Гольгеръ въ полномъ мундирѣ, между шѣмъ, какъ онъ, даже и на корабль, всегда ходилъ въ плашѣ часнаго человекъ.

„Что это?“ вскричалъ испуганный Джонъ: „зачѣмъ шы здѣсь? какъ могъ опсавишь корабль?“

— „Въ этомъ дамъ я опвѣшь главному Начальнику“ — возразилъ Гольгеръ. „Тамъ не могъ бы я говоришь свободно съ шобою,

Джонъ Формеръ — хочу говорить здѣсь. Ты еще не просилъ себя опсшавки?”

„Что вамъ вздумалось, г. Лейшенаншъ? я вашъ начальникъ!“

— „Къ сожалѣнію, памъ на корабль и передъ свидѣтелями: испорченный рисунокъ тебя имъ сдѣлалъ; но здѣсь между нами, вдали отъ людей, подъ опкрытымъ небомъ, негодяй не можешь бышь начальникомъ честнаго человѣка.“

„Опомнись!“ вскричалъ Джонъ, взбѣсясь: какое швое намѣреніе?”

— „Напомнишь о томъ обѣщаніи, какое ты далъ мнѣ въ самую рѣшишельную для тебя минушу.“

„Но теперь не то время, чшобъ я могъ его исполнить.“

— „Такъ оно кажется, но я нахожу это возможнымъ; тебѣ спдишь только опоздашь.“

„Развѣ не видишь ты, что это будетъ еще предосудительнѣе для моей чести?“

— „Чтобъ поддержишь се, ты можешь лгать, сколько тебѣ вздумается — я не помѣшаю; но здѣсь дѣло важнѣе швоей чести, важнѣе благороднаго желанія, чшобъ никшо изъ носящихъ мундиръ не замаралъ его. Здѣсь дѣло идеть о славѣ опечешва, о чести флага, о храбросши поклявшихся

ему, еще досель неподверженной сомнѣнію. — Не испугаешься ли ты смерти и шамъ, на нашемъ влажномъ пуши, какъ по было здѣсь, на сухомъ? но шамъ ты не за себя одного оправдываешь. Я взялъ порукою въ швоемъ поведеніи; но лучше хочу быть порукою въ непрепешности нашего флага. Видишь ли: я могъ пропустить мимо ушей швой сигналъ, мнѣ одному извѣстный, и по собственному швоему приказу поднять паруса и отправиться въ полночь; но тогда бы поступилъ я вѣроломно, а я не хочу, даже и передъ шобою, не хочу казаться вѣроломнымъ. Ты долженъ опоздать. Ты найдешь для себя много извиненій. Рѣшайся скорѣе; время не шерпишь.“

„Нѣтъ, я этого не сдѣлаю!“ сказалъ Джонъ рѣшительно: „и ты не принудишь меня.“ Съ этими словами онъ вдругъ подбѣжалъ къ нему, выхватилъ единственное его оружіе — коршикъ, и мгновенно бросилъ его въ море.

„Гнусный человекъ!“ вскричалъ Гольгеръ: „ты все еще лукавишь!“ Онъ схватилъ его за воротъ, и рука его нечаянно попала на пистолетъ, спрятаанный у Джона за пазухой. Онъ въ мигъ его выхватилъ. — „Ты вооруженъ, защищайся же!“

— „У меня только и был один эшопъ писшолешъ“ — опшвѣчалъ Джонъ: „и шопъ съ холосшымъ зарядомъ, чшобъ дашь сигналъ. Я не ожидалъ здѣсь нападенія. Лейтенантъ Ан—, въ память прошедшаго я забуду эшу сцену, но не раздражайте меня.“

„Съ холосшымъ зарядомъ!“ повшорилъ Гольгеръ, и хошя внушри его кипѣло, но съ видомъ хладнокровія опшснулиль онъ нѣсколько назадъ, все не осшавляя однако свободнаго пуши для Джона, кошорый спшоялъ въ большомъ смущеніи. „Эшо шебъ не можешъ!“ продолжалъ Гольгеръ. „Твоя рука, опшполкнувши меня, съ болью напомнила мнѣ объ одной вещи. Знаешъ ли шы эшопъ перспень?“ спросилъ онъ вынувъ подарокъ Вольдемара, кошорый, хошя не былъ уже въ прежнемъ видѣ, но все еще не снимался съ груди его. „Эшо золото шакже напоминаешъ объ одномъ изъ швоихъ гнусныхъ дѣлъ. Хочешъ ли, чшобъ оно само за себя опшмшило?“ — Съ сими словами смялъ онъ кольцо въ зубахъ и сдѣлавъ изъ него комокъ, бросилъ его въ дуло писшолеша. „Теперь заряжено!“ сказалъ онъ. — Ну же! ворописъ назадъ или умрешъ! я знаю, чшо жизнь шебъ очень мила.“

Сказанное о перспнѣ еще болѣе поразило Джона. Онъ спшоялъ нѣмъ, какъ ули-

ченный преступникъ, съ мученіемъ заѣвшихъ воспоминаній въ груди.

„Дай же опвѣсть!“ вскричалъ Гольгеръ, помолчавъ: „время не шерпишь. Выбирай!“

— „Эшо все равно, что кошелекъ или жизнь!“ опвѣчалъ Джонъ съ пожираемымъ бышенствомъ: „шакъ дѣлаюшь одни разбойники.“

Тутъ кончилась разсудительность Гольгера. „Негодяй!“ вскричалъ онъ, спустилъ курокъ и перстень погрузился въ грудь Джона. Онъ упалъ мершвъ на землю. Гольгеръ, выпусня невольню посполешъ изъ руки своей, окинулъ поверженнаго мрачнымъ взглядомъ, испустилъ тяжелый вздохъ и скорыми шагами пошелъ къ шлюпкѣ, напѣвая свою любимую арію. „Все еще нѣшь?“ закричалъ онъ машрозамъ. „Ну шакъ съ Богомъ! опвѣливайше, намъ нельзя мѣшкашь.“ Лишь шолько вошелъ онъ на корабль, ударило двѣнадцать часовъ. На всѣ вопросы офицеровъ качалъ онъ шолько головою, напомнилъ имъ приказъ и собстввенныя слова начальника, а пошомъ, съ ихъ согласія, велѣлъ поднимать якорь. „Онъ самъ хошѣлъ шого!“ повторялъ Гольгеръ въ самомъ себѣ, расхаживая взадъ и впередъ на палубѣ. „Теперь я начальникъ; правда, что шакимъ образомъ, лучше бы не желалъ имъ быць ни-

когда, но за то не боюсь уже я за честь своего флага.“

Въ назначенномъ мѣсѣ плохая рыбацья лодка привезла на корабль весьма важныя приказанія, копорыхъ исполненіе требовало крайней разсудительности, отважности и присущствія духа. Съ эпохою лодкою послалъ онъ крашкій рапортъ о неявкѣ Джона, а пошомъ поднялъ опять паруса, горя нестерпимемъ оказавъ пользу опечесству. Всѣ молодые офицеры одушевлены были тѣмъ же. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль переходилъ онъ изъ опасности въ опасность и на каждомъ шагу дразня непріателя, превозмогалъ всѣ счастливо. Его дѣятельность помѣшала исполненію многихъ плановъ непріателя, копорый наконецъ спавъ принимавъ всевозможныя мѣры, чшобы погубить его. Однажды вдругъ очутился онъ среди столь великихъ непріательскихъ¹ силъ, чшо, казалось, не было спасенія и надлежало спустить флагъ, не выспрѣливъ ни разу. „Нѣтъ!“ вскричалъ Гольгеръ: „лучше пусть будетъ онъ весь изсцрѣленъ, но не спущенъ; никакъ изъ Дашчанъ не рѣшишь отрубить священнаго канаша.“

Четыре часа продолжалось упорнѣйшее сраженіе; хотя удалось Гольгеру два непріательскія судна привести въ бездѣйствіе,

но шкуна его была вся пробиша ядрами и не много оставалось уже рукъ, чшобъ управлять ею, какъ вдругъ къ вечеру, порывистый вѣспрь чуднымъ образомъ опнесъ ее въ заливъ между двухъ скаль. Корабль, гнавшійся за нею, при входѣ въ заливъ, спалъ на мель и сдѣлалъ собою оплошь прошивъ нападенія на нее другихъ. Этимъ счасшiemъ, непоняшнымъ даже и для шѣхъ, кшо былъ на шкунѣ, пригнало ее въ самую шу гавань, опкуда она выспушила. Но уже шо были почти только оставшки и корабля и экипажа. Немногіе спашіеся машрозы и офицеры, болѣе или менѣе раненые (въ числѣ послѣднихъ и самъ Гольгеръ) явились въ городкъ, упоенные кровью, счасшiemъ и побѣдою, ибо шакъ должно назвашъ ихъ избавленіе. Тамъ приняли ихъ съ живѣйшимъ удивленіемъ и усерднѣйшими поздравленіями, ибо вѣдѣма многіе изъ жипелей вызжали на рыбачьихъ лодкахъ спомпръшъ издали на послѣднее сраженіе, бывшее въ виду города.

Гольгеръ, съ подвязанною рукою, опспѣшилъ на свиданіе съ Вольдемаромъ. Радость наполняла его душу, и хоща опшывалось въ ней случившееся предъ опшѣздомъ, но онъ надѣялся испребить мучительное опшомъ воспоминаніе, переливъ въ душу вѣрнаго друга все, чшо его шревожило; надѣя-

ся опъ самага друга получишь удосповѣреніе, что нельзя было иначе дѣйствовать.

Вольдемаръ принялъ его съ шумнымъ, непришворнымъ воспоргомъ. Гольгеръ долженъ былъ рассказать ему всѣ малѣйшія подробности сраженія. Когда же наконецъ, вшомъ разговоръ сшалъ исшощаешь, Гольгеръ спросилъ вдругъ шоскаиво: „а Джонъ, что слышно о немъ?“

Не опшѣчая, взялъ Вольдемаръ между бумагами лиспокъ газетъ и подалъ ему, Гольгеръ прочилалъ:

„По опплышіи шкуны, кошорая, согласно полученному приказанію, опправилаь въ назначенный часъ, на другой день пошпру найденъ начальникъ ея на берегу мершвыи. Убишь ли онъ измѣнически, или палъ жершвою собственнаго сумашествія, въ чемъ ешь поводъ подозрѣвать, шого рѣбишь не легко.“

„Измѣнически!“ вскричалъ Гольгеръ въ движеніи.

— „Нъшь, навѣрное нъшь!“ сказала Вольдемаръ уныло и угрюмо: „пошому что онъ убишь, какъ я не сомнѣваюсь, швоею рукою.“

„Возможно ли, шы уже знаешь?“ вскричалъ изумленный Гольгеръ.

— „Я не сомнѣвался въ шомъ ни минушы. Твои послѣднія слова при разлукѣ со мною, а еще болѣе скомканное золотое кольцо, кошорое найдено въ его сердць, меня вполнѣ удосповѣрили. Не смопри на меня шакъ!“ продолжалъ Вольдемаръ, смягчая голосоъ: „мнѣ удалось отвратишь всякое на тебѣ подозрѣнїе. Какъ я оставался здѣсь главнымъ командиромъ, шо мнѣ первому привесли извѣстїе о найденномъ шрупѣ; я засшавилъ, по приняшому обычаю, осмошрѣшь рану, шолько самъ я и хирургъ, нашъ прїатель, были при шомъ. Съ большимъ удивленїемъ подалъ онъ мнѣ роковое золото и удивился еще болѣе, когда увидѣль, какъ эшо вдругъ меня поразило. Онъ не могъ не предпологашь шущь шайны, но уважилъ мое безмолвїе и оставилъ мнѣ пулю. Въ своемъ свидѣтельствѣ не означилъ онъ, какого мешадла была она, и предосшавилъ мнѣ написашь рапоршъ, какъ я захочу. Черезъ него не можешъ бышь узнано шо, что я опкрыль. Поединокъ, не правда ли? Объясни мнѣ непоняшное!“

— „Ну, поединкомъ назвашь нельзя“ — опшвѣчалъ Гольгеръ нешвердымъ голосомъ. „Я убїйца его, если хочешь, но выслушай!“ И шущь расказалъ онъ все происходившее, съ самага зародыша огорченїй, произведен-

ныхъ въ немъ Джономъ, со всѣми мелочами, неизвѣспными его другу и, не взирая на свою незначишельность, повлекшими за собою кровавое окончаніе дѣла, къ кошорому впрочемъ онъ никогда не готовился. Поспудиль ли бы ты иначе на моемъ мѣспѣ?“ Симиъ заключиль онъ свой расказъ.

„Не знаю, другъ мой!“ отвѣчалъ Вольдемаръ въ мрачномъ размышленіи. „Но мнѣ кажешся едва вѣрояшнымъ, какъ все эшо могло случисься. Впрочемъ я себя не считаю ни шверже, ни лучше себя.“

— „Лучше!“ повшориль Гольгеръ просяжно, успремя на него глаза свои. „Гм! да — точно! лучше и чище!“ прибавиль онъ поспѣшно. „Послушай, ты вѣрно изьяснишь мнѣ мое недоумѣніе, мою внуспреннюю борьбу, мнѣ самому непоняшную. Хошя въ эшомъ дѣлѣ, забота о флагѣ руководила мною; но не смощря на шо, не смощря на явную подлость, прошивъ кошорой поднялась рука моя, все таки возбуждаешся во мнѣ непреодолимое безпокойство. Только громъ пальбы и пороховой дымъ доспавляли мнѣ удовольствіе; пошому, что ими заглушались мои чувства. Но вошь, когда пришлось бышь ошянь на покоѣ, — шеперь, — неужели же я въ самомъ дѣлѣ незаслуживаю прощенія?“

„Гольгеръ!“ сказалъ Вольдемаръ: „я не могу лгать; мнѣ кажешся, ты бы долженъ былъ избѣжать этого поступка, и по человечеству, и какъ носящій такую мундиръ и подвергающійся его законамъ.“

— „Мундиръ былъ на мнѣ!“ сказалъ Гольгеръ мрачно.

„Но услышься, другъ мой!“ продолжалъ Вольдемаръ, возвыся голосъ.

— „Ничто не услышишь меня!“ отвѣчалъ Гольгеръ, блѣдный, какъ смерть. „Ты выговорилъ то, чего не умѣлъ и не смѣлъ я назвать словами. Прощай!“

„Ты хочешь уже меня оставить?“ спросилъ Вольдемаръ, пораженный внезапною перемѣною друга.

— „Мнѣ надобно навѣстить больныхъ и написать рапортъ. Ахъ, если бы онъ былъ ужъ написанъ! Но еще одно, дай мнѣ пожалуйста смятое золотое кольцо....“

„Не оставишь ли ты его у меня?“ спросилъ Вольдемаръ, устремля на него проницательный взоръ.

— „Нѣтъ, я не хочу оставить у тебя вещь, которая будетъ напоминать тебѣ о винѣ моей.“

Гольгеръ ушелъ. Вольдемаръ нѣсколько дней не видалъ его; слышалъ однако, что онъ часто посѣщаетъ лазаретъ и городъ-

скія присущенныя мѣста; оспальное же время проводишь, запершись въ своей комнатѣ и занимаешься письменными дѣлами, Зная, что собственнымъ своимъ безпокойствомъ лишь только расстроилъ бы онъ друга, безъ того снѣдаемаго внутреннею борьбою, Вольдемаръ не захотѣлъ мѣшати ему.

Однажды вечеромъ вошелъ однако Гольгеръ, совсѣмъ неожиданно, къ невѣстѣ Вольдемара, съ кошорою сей въ это время дня любилъ бытъ вмѣстѣ. Онъ былъ угрюмъ, но вмѣстѣ какое-то необыкновенное унылое спокойствіе замѣтно было во всемъ сославъ его.

„Извинише, сударыня“ — сказалъ онъ съ истиннымъ просердечіемъ: „что я ушащу у васъ сегодня моего друга. Вечерь шакъ хорошъ, и мнѣ шакъ хоченся поговорить съ шобою на свободу, Вольдемаръ — мнѣ надобно много съ шобою говорить.“

Вольдемаръ откланялся невѣстѣ и пошловалъ за другомъ. Рука объ руку пошли они пушемъ, освѣщаемымъ луною, вдоль по берегу. Весьма не много словъ передано было сначала. Вольдемаръ замѣчалъ что-то необыкновенное въ своемъ другѣ. Онъ все давалъ короткіе только отвѣты. Наконецъ Гольгеръ ошановился въ одномъ мѣстѣ, по-

чши совсѣмъ замкнушомъ скалою. — „Все ли еще ты меня любишь?“ спросилъ онъ робко.

— „Что за вопросъ! Какъ можешь спрашивать, люблю ли я себя?“

„Но вѣрно не такъ, какъ прежде. Мы какъ-то поспешенно опдалались. Твоя невѣста похитила у меня опчаспи швое сердце — мое принадлежишь тебѣ вполнѣ.“

— „Ахъ, Гольгеръ! мнѣ хотѣлось бы, чшобъ и ты узналъ Ангела истинной любви; онъ совсѣмъ другаго рода, нежели Ангель дружества, однако они и не враждуютъ между собою — напрошивъ поддерживающъ, возвышающъ другъ друга.“

„И такъ“ — продолжалъ Гольгеръ съ горячностію: „все ли еще любишь ты меня, какъ въ шощъ вечеръ, въ шощъ истинно священный часъ, когда мы заключали союзъ брашства?“

— „Конечно; вшощъ часъ споль же святъ и для меня.“

„Помнишь ли ты, что мы дали клятву другъ другу блюсти честь нашего флага, блюсти собственную свою честь; что мы клялись, чшобъ шого изъ насъ, кто окажется ея недостоинъ, другой наказалъ смертію? Помнишь ли ты вшо?“

— „Да!“ ошвѣчалъ Вольдемаръ въ полголоса, поднявъ превожный взоръ на друга.

„И шакъ, Вольдемаръ, я недоспоинъ ея; я — шебъ извѣстно все дѣло, какъ мнѣ самому — я совершилъ двоякое прошивъ нея пресшупленіе: я убилъ своего начальника, я сдѣлалъ ночное убійство. Не говори, что свѣшь не узнаешь о шомъ. Не говори мнѣ ничего. Мы знаемъ, я знаю — шого довольно. Могу ли я, кошорый, послѣ Бога, всего выше сшавляю свое почешное званіе, я, кошорый всегда первый провозглашалъ о шомъ, и смѣло пошелъ на защиту своего флага, могу ли переносить чувштво шого, что вшайнѣ дѣйшвовалъ недосшойнымъ его образомъ? Тогда шолько почувшвовалъ я весь ужась своего посшупка, когда писалъ свой рапоршнъ, въ кошоромъ, какъ ни вершѣлся, а долженъ былъ изрѣчь свою славу. Нѣшъ, я заслужилъ наказаніе, наказаніе примиряешь и очищаешь. Однако, что совершилъ я вшайнѣ, въ шомъ шайно же могу и покаяться. Сшрѣлай, Вольдемаръ! засшрѣлай меня!“ вскричалъ онъ, вынувъ писшодешъ.

„Помилуй, что ты?“ сказала Вольдемаръ въ ужась.

„Какъ?“ воскликнулъ Гольгеръ: „шты ошсшупаешь? Возьми. Я осквернилъ драгоценный даръ швоей дружбы; — ахъ! не са-

на ли Немезида успроила ему такую судьбу! — но пусть же омоешь онъ въ крови моей. Писшолешъ заряденъ кольцомъ. Пусть оно, сподъ долго покоившись прежде на груди моей, найдешъ себя съ ней покой вѣчный.“

— „Нышь, я этого не сдѣлаю!“ возразилъ другъ.

„Вольдемаръ!“ продолжалъ Гольгеръ уныло: „помнишь ли, съ какимъ равнодушіемъ, какъ будшо бы шебъ ничего не стоило, для исполненія шолько опромешчиваго слова, выпрыгнулъ ты въ окно и пріобрѣлъ ты на вѣкъ мое сердце; а теперь хочешь нарушишь прежній обѣщъ!“

— „Тогда было совсѣмъ другое дѣло — я опѣвчалъ шолько за себя. Теперь ты хочешь меня сдѣлать убійцею.“

„Не ты мой убійца, а мой просшупокъ, кошорый ты своимъ отказомъ дѣлаешь для меня еще шяжелѣе. Неужели я недосшопишь шого, чшобъ умерешь опъ вѣрной руки швоей? Неужели ты способенъ выдашь меня и свое званіе на публичное посрамленіе? Да, я клянусь....“

— „Не клянись!“ прервалъ его Вольдемаръ.

„Не буду!“ продолжалъ онъ покойно: „пошому, чшо я уже клялся, а ты знаешь,

я умрю держашь слово; если нын опровергнешь мою просьбу, завтра же ожидаю я военному суду. Захочешь ли ты подвергнуть друга плахъ палача, честь своего флага посмѣянію зависши? На колынахъ умоляю тебя, Вольдемаръ, доспавъ мнѣ утѣшеніе, въ своихъ дружескихъ объясненіяхъ испребишь вину свою вмѣстѣ съ жизнью. Вѣдь и нын клялся же.“

„Бышь такъ!“ вскричалъ Вольдемаръ рѣшиительно: „я долженъ все раздѣлять съ побою, даже и неправое дѣло.“ Тушъ обхватилъ онъ лѣвою рукою своего друга и въ первый разъ напечаталъ продолжительный и жаркій поцѣлуй на усахъ его; правою рукою наложилъ онъ пистолетъ на грудь его и спустилъ курокъ. Гольгеръ, не испутивъ и вдоха, упалъ мертвый въ его объясненія.

Окинувъ мрачнымъ взоромъ уединенную дорогу, Вольдемаръ опресь шрупъ къ самому почши городку; тушъ положилъ его въ кустъ, накрылъ плащемъ и пошелъ въ квартиру Гольгера, гдѣ позвалъ къ себѣ Мадса.

„Твой господинъ“ — шепнулъ онъ ему: „внезапно умеръ. Тише! не надѣлай шуму!“

— „Вошь, не ожидалъ ли я?“ сказалъ Мадсъ, всплеснувъ руками.

„Какъ эшо?“

— „Съ шѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ на берегъ, все не пересцавала жаловаться. И же мудро, онъ совсѣмъ о себѣ не заболѣлъ; все говорилъ, что онъ долженъ изойти кровью; и духовную свою ондалъ уже въ Судъ. Гдѣ жъ онъ умеръ?“

„На морскомъ берегу“ — ошвѣчала Вольдемаръ, кошорому слова Мадса прилились очень ксшапи; — „что онъ предвидѣлъ, что и случилось, хотя кровь его пролипа не шакимъ образомъ, какъ ты думаешь. Но если ты дошпидишь, какъ я полагаю, нашей довѣренности; то тебѣ довольно, когда я скажу, что онъ скончался въ объятіяхъ моихъ, въ объятіяхъ своего друга: не ломай головы надъ раною, кошорую шодько ты и я увидимъ на груди его. Въ избѣжаніе шолковъ, принесемъ его ночью, черезъ садъ, въ его комнату.“

Такъ и было сдѣлано; сама луна сокрыла свѣтлое лице свое при семь печальномъ шеешвик. Обгорѣлое плащье шопчасъ сняли и шрупъ положили въ пошпель. Когда Мадсъ ошпался одинъ, онъ шопрѣлъ на мершваго и глаза его все болѣе и болѣе наполнялись слезами. „Эдакъ, на берегу!“ сказалъ онъ наконецъ сквозь зубы: „Слава Богу, что думаешь не мое дѣло, а что бы мнѣ пришлось съ ума сойти. Тунъ что-то неспросиша;

однако, что сказала Лейпенапшъ, я шѣмъ доволенъ, и въ самомъ аду не вырвущу у меня ни словечка.“ На другой день разнеслось вездѣ, что Лейпенапша Ан— нашли мертваго въ постели отъ изверженія крови; что шакъ объявилъ призванный врачъ. Вольдемару надлежало распорядишься объ его наследствѣ и похоронахъ. Изъ Суда сообщили ему Гольгерову духовную, по которой умершій завѣщалъ все свое, довольно значительное имѣнiе невѣстѣ друга.

Въ шощъ же вечеръ явился къ ней Вольдемаръ, блѣденъ какъ смерть, будшо бм сошарясь вдругъ десятиью годами. До нее достигла уже печальная вѣсшь и сильно ее поразила. Гольгеръ и самъ по себѣ всегда ей нравился, но еще болѣе по дружбѣ его съ женихомъ. Она въ слезахъ бросилась къ нему въ объятія, но когда увидѣла споль необыкновенную въ немъ перемѣну, шо невольно испугалась и поблѣднѣла.

„Чего ты пугаешься?“ спросилъ онъ.

— „Твоей печали!“ сказала она съ шрепешомъ. „Ты самъ смотришь, какъ умирающій или желающій смерти.“

„Да!“ ошвѣчалъ Вольдемаръ угрюмо, но спокойно: „не скрою, смерть его засшавляетъ меня думать и о своей. Пока онъ жилъ, и нервдо въ швоемъ присушствіи

забывалъ о немъ; но съ шѣхъ поръ, какъ его не стало, образъ его преслѣдуетъ меня, и гонишь даже изъ своихъ объятий. — Возьми эти бумаги: онъ упрочивающъ тебѣ его наследство. Признаюсь, что онъ шѣмъ очень, очень успокоилъ меня на швоей счепь. Онъ былъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и здоровья, и вошь — кто знаешь, что и со мной случишься можешь?”

— „Съ шобой? — Избави Богъ!”

„Марія! невѣсна война должна бытъ гошова ко всему; а время не оставишь успокоишь чистаго сердца. Мы были друзья, мы были братья! Мнѣ должно опимснить за смерть его; я узналъ, что ея причиною, скршная сердечная рана. Къ шому жъ, не все мнѣ оставалось здѣсь въ бездѣйствіи; надобно шшши прошивъ непріателя.”

Марія, нервѣдко слышавшая, какъ онъ, любитель дѣятельности и жаждущій сражений, завидовалъ счастливой участи своего друга, не могла опвѣчать на слова сіи, — она лишь проливала слезы; но когда онъ, начавъ прощаться съ нею, не могъ разлучиться, опходилъ и возвращался, чтобъ еще разъ напечатлѣть прощальный поцѣлуй свой, пока наконецъ не вырвался отъ нея съ видимою борьбою — шогда показа-

лось ей, что она никогда уже его не увидитъ.

Однако онъ пришелъ и на другой день, и ходилъ еще нѣсколько вечеровъ сряду. Казалось даже, будто оспрадное мужество прясняешь угрюмое чело его. Невѣсна узнала, что дни проводитъ онъ въ величайшей дѣятельности, что не только занимается своей башареей, но и починкою поврежденной шкуны, коюрая, или можешь быть другая подобная, долженствовала вскорѣ перейти подъ команду его. О раненыхъ спутникахъ Гольгера, заботился онъ также съ большимъ усердіемъ; казалось, будто онъ принялъ на себя всѣ заботы его и обязанности, и вездѣ посѣввалъ онъ, гдѣ только могъ выискашь какой-либо предметъ для своихъ попеченій. Но къ вечеру, въ покойные часы, коюры проводилъ онъ съ невѣсною, какъ будто вдругъ снова обрушалось на немъ все бремя его пошери. Невѣсна старалась его развлечь, но едва удавалось ей только измѣнить угрюмость его на жалобное, въ немъ вовсе необыкновенное умише.

Между тѣмъ приближался день Гольгерова погребенія, для коюраго гошовилась большая шоржественность. Наканунѣ, сообразно съ мѣстнымъ обычаемъ, выспав-

лень былъ гробъ, въ кошорокъ лежалъ онъ въ полномъ мундирѣ, въ особой залѣ его же кварширы, для того, чинобъ всѣ могли его видѣшь. Почши весь городъ сбѣжался посмо- шрѣшь на героя, кошорого послѣдней по- бѣды былъ онъ свидѣтелемъ. Одинъ Вольде- маръ не приходилъ шуда. Онъ даже не ви- далъ шрупа съ самой роковой ночи. Въ сей же вечеръ былъ онъ, какъ обыкновенно, у своей невѣсны и въ шомъ же расположеніи духа. Онъ сидѣлъ долѣ прежняго; на баша- реѣ было объявлено, чшо въ эту ночь онъ не придетъ. Около полуночи сжалъ онъ Марію крѣпко въ своихъ объятіяхъ и хо- шѣлъ удалиться молча.

„Бѣдный Вольдемаръ!“ сказала она: „какой шяжелый день шебя ожидаешь! Въ силахъ ли ты будешь провожать къ моги- лѣ швоего друга?“

— „Я долженъ!“ отвѣчалъ онъ: „Про- щай, Марія! я шеперь пойду къ его гробу; хочю послѣдній видѣшь чершы его.“

Съ крѣпкимъ ножашіемъ руки разсшал- ся онъ шспѣшно съ нею и шшправился въ кварширу Гольгера, съ заднихъ дверей, ко- шорыя вели черезъ садъ къ морскому бере- гу; гдѣ шшюла небольшая шлюпка. Толпа давно ужъ разбералась; Мадсъ погасилъ и свѣчи вокругъ гроба. Только одна горѣла у

изголовья. Онъ шихонько оплошелъ въ спору, когда явился Вольдемаръ. Долго въ безмолвіи разсмащривалъ сей послѣдній, со сложенными на-крестъ руками, своего бездыханнаго друга; попомъ сказалъ шихо: „Да, залогъ нашего дружества, погребенный мною въ груди швоей, сильно меня прищягиваетъ. И ты вѣрно не сомнѣвался, Гольгеръ? Я вижу еще, какъ ты слѣдовалъ за мною по пящамъ; но ты ушелъ впередъ. — Хочешь ли, Мадсъ, оказашъ вмѣстѣ со мною послѣднюю услугу швоему Лейшенаншу?“ спросилъ онъ громко.

— „Что прикажете?“

„Принеси мнѣ пару щяжелыхъ камней.“

Мадсъ посмощрѣлъ на него съ изумленіемъ, однако повиновался. Но еще болѣе изумился онъ, когда, возвращаясь, нашелъ гробъ пущымъ, и увидѣлъ, что Вольдемаръ, въ боковой комнащѣ, завернулъ шрупъ друга своего въ плащъ и положилъ его на кровашъ.

„Положи камни въ гробъ“ — сказалъ Вольдемаръ, входя щеспѣшно: „и пособи мнѣ заколошишь его наглухо. Пускай они завщра опускающъ ихъ въ землю съ пущою щыщнощю и обычными щочесщями, и пущъ благодарашъ Небо, что ощпались живы и щдоровы, щмощра издали на его кровашую

бипву. — Мы, Мадсъ, найдемъ лучшую для него могилу. Сухая, душная земля всегда была ему пропивна. Я завернулъ его во флагъ, кошорый взяшь-быль шобою со шкунны и положень ему подъ голову; въ эпомъ флагъ погрузимъ мы его въ море, въ шо море, кошорое онъ шакъ любиль, и кошорое радосшно восплещешъ, принимая къ себѣ храбрѣйшаго своего сына. — Хочешъ ли ты идиши со мною — ты одинъ? Маленькая шляпка гошова на берегу въ концѣ сада.“

— „Браво! браво!“ вскричалъ Мадсъ. „Вы угадали желаніе покойника. Пускай же спихія моряка будешъ ему и могилою!“

Недолго продолжалась задѣлка гроба. Вольдемаръ, бывшій шупъ въ полномъ мундирѣ, снялъ свою саблю и положилъ ее на гробъ. Пошомъ надвинулъ онъ шляпу Гольгера на голову лрупа его, и спдя, какъ бы онъ былъ еще живъ, опнесли его, Мадсъ и Вольдемаръ, въ ожидающую у берега шляпку, въ кошорой послѣдній поставилъ бездыханнаго своего друга на носу, обрашя сомкнушыми глазами къ морю, и обнялъ крѣпко, шакъ крѣпко, какъ въ шо давнишнее время, когда шопъ прибѣжалъ спасти его. Между шѣмъ Мадсъ, прежде нежели принялся за весло, спшалъ укрѣпляшь на дrevкѣ шайкомъ припасенный имъ флагъ.

„Что ты делаешь, Мадсъ?“ вскричалъ Вольдемаръ: „вѣдь солнце еще не взошло.“

Мадсъ указалъ на полнолуиe, кошорое выглядывало изъ-за пучь, довольно бурливо носившихся въ эту ночь по всему небу. „Мѣсяць естъ солнце мершвыхъ“ — сказалъ онъ, вздохнувши. „Господинь мой былъ славный морякъ: надобно, чшобъ при его погребеніи флагъ развѣвался хошь на маленькомъ древкѣ.“

Шлюпка пустилась по сердшпымъ, клубящимся волнамъ, разсѣкая ихъ оспрымъ килемъ своимъ, и все далѣе, далѣе мчалась въ ошкрышое море. Вольдемаръ споялъ покойно на носу, обхвапая крѣпко шрунь своего друга, и какъ нѣкогда звучный голосъ Вольдемара, на балу, среди шума гремящей музыки, ошзывался въ ухахъ прислушивавшихся дѣвиць, шакъ шеперь, среди визга вѣшровъ и плесканія волнь, раздавался онъ въ ухахъ Мадса; кошорый и самъ глухимъ припѣвомъ сопровождалъ извѣспныя, слегка измѣненныя слова:

Для Дашчанъ въ чеспи, славъ пушь,
 Ты мрачное, грозное море!
 Вошь другъ! его покойна грудь!
 Ему могилой вѣчной будь
 Ты мрачное, грозное море!
 Онъ смерти радъ: конецъ бѣдамъ!

Онъ швой — шебъ его ошдакъ,
Ты мрачное, грозное море!

Не успѣли еще послѣдніе звуки умереть въ воздухъ, какъ Вольдемаръ, не разнимая рукъ, объявшихъ бездушнаго друга, съ нимъ вмѣстѣ бросился въ зыбкую пучину; валы расплеснулись и въ пошъ же мигъ взгромоздились вновь надъ ними. Мадсъ вскочилъ въ испугъ, выпустя изъ рукъ свои весла. Долго смолрѣвъ онъ приспально на бурливья волны. Наконецъ, не замѣчая и слѣда повергнувшихся въ нихъ молодыхъ людей, ошеръ онъ слезы на глазахъ своихъ, ворча сквозь зубы: „Не мнѣ разсуждашь — какая жъ мнѣ до шого нужда! Но молчашъ я буду, пошому что я не глупъ.“

Съ большимъ усиліемъ спалъ онъ грешпи назадъ. Никшо не замѣшилъ непродолжительнаго его ошсушшвія и онъ молчалъ. Погребеніе было совершено. Всѣ удивлялись и спрашивали, куда дѣвался другъ покойника; но Мадсъ молчалъ. Долго надѣялись на возвращеніе Вольдемара, шолько не невѣсша его. „Онъ умеръ“ — говорила она съ неколебимою швердосшію: „умеръ еще въ шу ночь, когда въ послѣдній разъ со мною видѣлся, но какъ умеръ, я не знаю.“

Спустя много лѣшъ, когда время исцѣлило ея раны, принудила она Мадса пре-

рвашь молчаніе; пошому, что ей сообщены уже были тогда другомъ Вольдемара, хирургомъ, нѣкоторыя бумаги, изъ коихъ она и небольшой кругъ искреннихъ друзей узнали о семъ, дошолъ никому неизвѣстномъ происшествіи.

2.

О нынѣшнемъ состояніи Нѣмецкаго Театра и Драматической Литературы.

(Изъ Драматургическихъ листовъ Л. Тика.)

Уже нѣсколько лѣтъ, какъ наша (Нѣмецкая) сцена взяла такое направленіе, которое не одобряется не только любителями и знашоками, но и всѣми, кто только можешь возвышашь голосъ; всѣ шого мнѣнія, что нашъ Театръ приближается къ совершенному упадку. Если это правда, то неизлишне будешь показашь, что причиною зла, — намекнушь, чѣмъ возможно его исправишь; ибо заведеніе общественное, которое, собирая многочисленную шолпу, предполагаетъ заняшь ее пріятнымъ развлеченіемъ или усладишь искусствомъ, для котораго спрашашь огромныя суммы и воздвиг-

гаются величественныя зданія, о кошоромъ говорашь во всѣхъ собраніяхъ, и кошорое, въ сіи дни мира, едва ли не считаешся одною изъ важнѣйшихъ пошребностей націи; заслуживаешь конечно, чшобъ любители искусства не опвергали его, какъ нѣчто недоспойное, а обрашили на него полное вниманіе.

Однако, если должно войши въ изслѣдованіе, опъ чего шеашрь (по ещѣ искусство драматическое и актерское) шакъ явно испортился, и если продолжашь шакое изслѣдованіе до самой глубины; по знашоку опкроюшся шоль многоразличныя причины, чшо онъ едва ли не упомишся въ исканіи пошерянныхъ нишей, и не бросишъ съ досадою перепушанной шкаи.

Когда образовывался нашъ Нѣмецкій шеашрь, онъ шѣмъ наиболѣе пріобрѣлъ свою силу, чшо предоставлень былъ самому себѣ. Покровителей было не много, число любителей шакже не велико, и актеры довольствовались шѣмъ, чшо могли существовать, и чшо изрѣдка ободряли ихъ знашоки. Такъ, почти въ уединеніи, образовались таланты великіе, и произошла Нѣмецкая школа, кошорая Лекеню, Превилю и Гаррику могла прошивопоставишъ, можешь бышъ, шоль же совершенныхъ арти-

сновъ. Когда мало по малу толпа приняла въ шомъ участіе, когда актеры болѣе почувствовали самихъ себя, тогда зрители принимали благосклонно все, что было для нихъ понятно, а хвалу и хулу предославляли кришикъ знапоковъ.

Вмѣсто Комедіи и Трагедіи, вскорѣ полюбился Нѣмцамъ особый родъ, кошорый, носясь между обѣими, спарается изображать жишейскій бытъ со всѣми его случайностями, и, безъ генія въ смѣшномъ или высокомъ, приводитъ въ легко прибрѣщаемое умиленіе, картинами, выславленными почши безъ всякихъ искусственныхъ рамъ. Прѣжняя школа не могла предсавить много превосходнаго, но она имѣла иное стремленіе, да и не нужно, чтобы школа, какая бы она ни была; въ самомъ основаніи своемъ производила всѣ масперскія произведенія; уже и того довольно, если ученики знаютъ совершенно пушь, по кошорому надлежитъ имъ слѣдовать. Но спросить къ умиленію, кошорая споль разишельно харакшеризируетъ Нѣмца, сильно овладѣла Театромъ, и множество мелочныхъ картинъ, съ ложною чувствительностію и вяло изображающихъ всю нищету, всю жалкую нравственную низость человѣчества, наполнило наши сцены. Такое нововведеніе вышѣснило и самое

основаніе Нѣмецкой школы, такъ что ея надлежало называть сіи самыя мелочныя картины, ибо долгое время онѣ господствовали почти исключительно. Въ нихъ были еще пошлы недоспашокъ, что взявши, такъ сказать, въ сыромъ видѣ изъ жишейшва, онѣ дѣлали актерское искусство почти излишнимъ, и пріучали зрителя довольствоваться самыми обыкновенными, незначительными предметами, безъ всякой ихъ связи съ искусствомъ, и принималъ грубое обольщеніе за истинное. Тогда-то сдѣлалось легко для шолпы, по минушнымъ впечатлѣніямъ, сославлять свой приговоръ, и вышла странная кришика, которая шѣмъ болѣе находила достойнаго похвалы, чѣмъ болѣе эти вялые выродки отдавались отъ всякаго искусства, пренебрегали гениемъ и предъ самою напурою держали шоль худо шлифованное зеркало, что въ немъ являлись шолько чудовища и уроды.

Всякій артистъ хочеть, чтобы его узнали, желаетъ слышать голоса, которые оправдывали бы его саранія или открывали бы ему лучшіе пути. Многообразная кришика стала усиливаться, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, къ удовлетворенію сихъ требованій. Особые листки именно для сего сославлялись, ихъ читали шоль-

ко актеры и любители шеатра. Но съ возрастаніемъ охоты къ предшавленіямъ, въ кошорыхъ конечно болѣе и болѣе спали искашь развлеченія шолько, или наполненія времени, умножились и журналы въ каждомъ городѣ, въ шой мѣрѣ, въ какой мучились жаждою чшенія люди, кошорые, при недоспашочной образованности для изученія швореній важныхъ, желающъ однако знашъ о событіяхъ и явленіяхъ свѣша и возбуждашъ въ себѣ что-шо похоее на спремленіе къ благородному и прекрасному.

Послѣ многихъ покушеній лучшихъ нашихъ Писателей, заманишъ публику въ изслѣдованія объ искусствѣ, послѣ недолговѣчнаго усилія націи одушевишъя Философіей и науками, вмѣсто шакото, можешъ бышъ, односпоронняго рвенія, наспушила почти всеобщая сонливоспъ. Всѣми овладѣлъ какой-шо вядый скепшицизмъ, кошорый робко усшраняшъ ошъ каждой испины, какъ и ошъ каждого изслѣдованія, съ дерзкою рѣшительностію проповѣдуешъ объ эффектѣ, все объ одномъ шолько эффектѣ, и не внимаешъ никакому увѣщавію, какъ будшо образованноспъ и испинное поняшіе объ искусствѣ не опшвергающъ именно шѣхъ впечатлѣній, кошорыми шакъ часто восшмщаетсѣ грубая шолца.

Такія мнѣнія полпы, ея хваленія, ея
 ложныя хулы и поэщическіе вздорцы, въ
 наше время, находящъ себѣ мѣсто въ нѣхъ
 безчисленныхъ журналахъ. Не говорю, чшобъ
 не нашлось въ нѣкошорыхъ изъ нихъ весьма
 похвальныхъ произведеній опличивѣйшихъ
 Писателей, или чшобъ иные не спремидись
 сами къ лучшей цѣли; однако большее чи-
 сло, не погрѣша, можно отнести къ сору
 и дразгу нашей Литературы. Сюда пробра-
 лись голоса, кошорые прежде нигдѣ не осмѣ-
 лились бы появишсь во услышаніе; здѣсь
 находящъ мѣсто самыя бессольныя повѣсти,
 самыя жадкія шушки, самыя сбивчивыя мнѣ-
 нія, принимающія на себя видъ крипики.
 Чшашели пріучающся болѣе и болѣе къ
 эному болшанью, и дѣлающся все болѣе не-
 способными понимать какую нибудь книгу.
 Слабѣйшее въ эной массѣ, ешь безъ сомнѣ-
 нія все то, чшо говоримся о разныхъ Нѣ-
 мецкихъ шеатрахъ. Но чшо скажашъ о шакъ
 называемыхъ крипикахъ игры акперовъ?
 Большая часшь, при первомъ взглядѣ, обна-
 руживаешъ невѣжешво и приспращіе. Иные
 кошашъ выказашъ ѣдкую желчь, но большее
 число разспилаешся въ похвалахъ на всѣ
 шоны. Горе несчастнымъ акперамъ опъ
 шакихъ похвалъ и опъ шакой хулы! Но бо-
 лѣ жалко акпрись! Чшо имъ дѣлашъ съ

эпими печашными объясненіями въ любви, копорья шакъ часо появляющся въ шонѣ какого нибудь изнывающаго слаешолюбца? Сшыдишься должно бѣ было по крайней мѣрѣ шакого публичнаго волокишсшва. Замѣчашельна разишельная прошивоположностъ въ шомѣ, что наша скромностъ шакъ легко оскорбляешся въ шеапрѣ какою нибудь шушкою спараго Сочинишеля, и даже акприсы ошказывающся ошъ шой или другой роли, въ кошорой прежде не находили ничего неприличнаго, а между шѣмъ наши шонкія чувсшва шерпяшъ эшо гласное обожаніе, кошорое нерѣдко просшираешся до нахальсшва. Удивишельно, что всѣ голоса шакъ громко и шакъ безусловно шребуюшъ юношеской предесши, очаровашельныхъ формъ и ш. д., и всякой забываешъ пришомѣ, кажешся, что какаяд нибудь Унцельманъ-Бешманъ въ пожилыхъ лѣшахъ превосходно играла роли молодыхъ женщинъ, а г-жѣ Сиддонсъ, даже въ спаросши ея, удивлялись, когда она являлась дѣвою въ Трагедіи.

И шакъ чувсшвеннаго возбужденія ищешъ большая частъ зришелей мужескаго пола въ шеапрѣ, и они не скрывающъ своихъ желаній. Должно ли послѣ шого удивляшся, что акприсы, въ угожденіе намъ, предупреждающъ шакое желаніе? Многія по крайней

мѣръ, даже нѣкоторыя изъ прославляемыхъ, представляющъ природу и такъ называемую *наивность* въ такомъ видѣ, что прежде назвали бы это неумѣреннымъ кокетствомъ. Сами даже зрители знаютъ и понимаютъ это, но они доводны, если только взволнованы.

Можно ли послѣ того говорить о наслажденіи искусствомъ? По истинѣ, съ этой стороны шеатры и ихъ владѣльцы представляютъ Зелошамъ, которыхъ голосъ пробуждается снова, совершенную нагошу.

Когда Александрійскій спихъ, особенно спараніями Лессинга, вышѣсненъ былъ съ шеатра; но мудрейшія головы полагали, что много пріобрѣшено въ пользу свободы. Онѣ конечно не могли предусмотрѣть, что чрезъ нѣсколько времени мелочное, подъ шпудомъ природы, совершенно овладѣетъ шеатромъ. Но въ Лессингово время и скорѣ послѣ него образовались всѣ наши, истинно великіе актеры. На возспановленной прозѣ основывалось ихъ величайшее достиженіе; и какъ они умѣли обращаться съ нею, какъ они говорили, какую имѣли пошупъ и осанку, о томъ конечно молодые актеры и зрители не могутъ составить себѣ никакого понятія. *Время семейственныхъ картинъ,*

существенно повредило ихъ искусству, но еще болѣе шопъ плодовишый пѣшатель, кошорый какъ будшо взялся нарочно искажашъ природу во всѣхъ ея явленіяхъ. Если вымыслу совершенно недоспаешъ природы и истины, шо акшеръ хошя и можешъ прикрывашъ и принаряжашъ, чшобъ каррикашуру снова преобразишъ въ каршину; однако при долгомъ принужденіи себя къ шакому сомнишельному преобразованію, онъ наконецъ совсѣмъ усыпишъ себя, не будешъ бояшся ни самыхъ рѣзкихъ переходовъ, влюбишся въ преувеличенія и въ самыя грубыя выходки; а избалованный зришель спашешъ поспешенно убѣждашся, будшо бы эшо пришворное лице, ешъ истинное явленіе природы, и неудачною похвалою еще вѣрнѣе испортишъ предшавишеля, можешъ бышъ навсегда.

Но и сіе время уже миновалось. Одинъ великій Поэщъ призрѣлъ упадающую сцену, ввелъ на ней снова стихи, и подарилъ насъ опшличными швореніями, кошорыя шеперь гораздо болѣе принадлежашъ цѣлой націи, нежели всѣ другія Нѣмецкія произведенія. Старыя акшеры прошивились, болѣе или менѣе, ошкрышо или вшайнѣ, вновь появившимся стихамъ не пошому, чшобъ не умѣли произносишъ ихъ — едва ли будешъ

ктонибудь такъ читашь ихъ, какъ читашь Шредеръ, Флекъ или Брокманъ — но имъ казалось, что эшимъ ограничшсь свобода дѣйствія, что существенное предсшавленіе получилъ ложное направленіе.

Послѣдствія оправдали ихъ опасенія. Несправедливо было бы утверждать, что Шиллеръ нашъ прежде всѣхъ подалъ къ тому поводъ. Хотя въ нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ замѣшно приспрасшіе къ лирическимъ или эпическимъ украшеніямъ, копорья игру и декламацию разобщающъ (пробующъ отдѣльно шой или другой), и почти принуждающъ акшера вырывать мѣста изъ общей связи; но драматическая стихія такъ вездѣ у него господшвуешъ, что это не могло бы сдѣлать вреднаго вліянія на предсшавленіе, если бъ онъ не имѣлъ подрашателей. Сіи, сосшавляя между собою нѣкоторымъ образомъ, особую школу, нарочно напрягающъ въ сказанномъ недосшанкѣ лучшія свои силы. Акшеры, особенно молодые, замѣчая такое усиліе и обманываясь имъ, перѣдко дѣлающъ шеперь изъ многихъ прагедій не что иное, какъ декламаторскій концертъ, а слушатель, привыкшій уже къ сему совершенному искаженію природы, шѣмъ болѣе восхищается, чѣмъ болѣе молодой человекъ или какаянибудь красавица

спарашся выхвашишь изъ цѣлаго и ошдѣлишь какое-либо мѣсто, чшобы шолько, со спранными кривляньями, прокричашь его паршеру, не забопясь ни мало о прочихъ, играющихъ въ шже время акшерахъ. Въ слѣдъ за шѣмъ высшупаешь другой, кошорый дѣлаешь шже самое, и шакъ продолжашься всѣми, до шго, чшо вовсе забывашь о шеашрѣ и піесѣ, а слышишь шолько выучку крикливыхъ голосовъ, какъ нѣкогда бывало въ школахъ или у начинающихъ учишься декламаціи.

Долго жаловались въ Германіи, чшо шакъ мало успроено шеашровъ, и чшо имъ не покровишельсшвуютъ. Теперь эшо естъ, и каждый значишельный городъ имѣешь свой собшвенный шеашръ, а иные и по нѣскольку. Но самый избышокъ, въ какой приведены мы шеперь, нельзя, можешь бышь, назвашь настоящимъ выигрышемъ. Если не было предусмошрѣно, шо можно видѣшь изъ опыша, чшо слишкомъ огромныя и великолѣпныя залы, особливо при большемъ освѣщеніи, совершенно уничшожаютъ предшавленіе. Когда не видно людей и лицъ, когда непоняшны шонкіе переходы въ разговоръ, шо игра ошпаешь незамѣчною и нельзя найши никакого удовольсшвія. Можешь бышь, для оперы выгодны шакіе большіе шеашры; за

но гдѣ они есшъ, шамъ рано или поздно, опера вышѣсншъ предсшавленіе прагедіи или комедіи.

Для ббольшаго блеска зрѣлища, рисуиошъ декорации, кошорыя шакже выходяшъ шеперь за соошвѣсшвенный имъ предѣль, ибо изъ нихъ хошашъ дѣлашъ ошдѣльныя масцерскія произведенія. Пускай бы пользовалась шѣмъ опера, лишь бы другія предсшавленія пощажены были. Но чшобъ заманишъ зришелей и какимъ нибудъ чувсшвеннымъ возбужденіемъ замѣнишъ ушраченное досшоиисшво шеапра, дѣлаюшъ весьма дорогія зрѣлища; лошади — чѣмъ ихъ болѣе, шѣмъ лучше — заглашаюшъ говорящихъ; фейерверки производяшъ духошу и пугаюшъ; необыкновенное освѣщеніе ослѣпляешъ; канашчики и балешы наполняюшъ промежушки, и косшюмы всѣхъ ешолѣшій высшавляюшся на показъ съ дѣшскою ученосшію, чшобъ шолько на всѣ манеры подкуишъ шолпу, и сколько возможно ошдалишъ ее ошъ благороднаго умсшвеннаго наслажденія: какъ будшо бы не разумѣешся само по себѣ, чшо въ шеапральномъ искусшвѣ, какъ въ живописи и ваянціи, одежда и косшюмъ должны служишъ шолько пособіемъ высшнимъ цѣлямъ, и для взыокашельнаго знашюка, могушъ бышъ совершенно неправиль-

ны, лишь были бы приличны и соотвѣтственны искусству.

Новѣйшіе стихотворцы, своими произведеніями, очень много способствуютъ такой сумятицѣ. Можешь ли, и должна ли существовать лирическая драма (если она не въ видѣ оперы): это предметъ, неисчерпаемый для спора. Нѣкоторые піесы Кальдерона приближающіяся можешь быть, къ разрѣшенію этой трудной задачи; но ободренные Орлеанскою дѣвою и Мессинскою невѣстою, Вернеръ, Мюльнеръ, Гримальцеръ, Гувальдъ, Раупахъ и другіе, надавали намъ стихотвореній подѣ такими спранными формами, что о большей части можно сказать: въ нихъ во все нѣтъ формы. Самыми гнусными положеніями, такими, въ которыхъ человекъ униженъ передъ звѣремъ, желаютъ многіе возбудить и поколебать испомненное чувство, и это въ такое время, когда всѣ еще гоняются за идеаломъ нѣжности. Другія подобныя стихотворенія составлены такъ ученически, какъ будто при началѣ драматическаго искусства; когда только еще открыта была *разговорная* форма. Нѣкоторые сочинители нисколько не стыдясь устроивать свои піесы для декораций, пустаго шума и бесполезной пышности; а между тѣмъ съ Французскихъ театровъ

ровъ низшаго разбора, переселяющся къ намъ безпрестанно всякаго рода люди, представлениемъ кошорыхъ, лишь болѣе возмущаешь чувство.

А наши новыя комедіи! Долго мучили насъ эпиграмматическими пьесками однихъ или трехъ дѣйствующихъ лицахъ, безъ всякаго дѣйствія въ сущности. Теперь одинъ пресловутый авторъ, опять снабжаетъ насъ представленіями, въ кошорыхъ мы слушаемъ самыя площадныя рѣчи и шушки, и при кошорыхъ конечно должны снова желать самыхъ слабѣйшихъ произведеній Коцебу и Гуфланда.

Короче, трагики и актеры, комедіи, балетъ и декорации, костюмъ и гнусныя исторіи объ убійствахъ, все въ заговорѣ съ поэтами, шанцовщицами и актрисами, и все стремится только къ возбужденію грубой чувственности, какимъ бы то ни было образомъ; а искусство, критика, благонамѣренная сатира, шушка и насмѣшка не только прошивъ того безмолствуютъ, но еще другъ друга перемогая въ слабости, оправдывая все это безумство своею желчью или хвалою, стихами или прозою.

II.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Письмо изъ Севастополя.

Юня 18-дня 1827.

Опрышіе развалинь древняго Херсона производихся съ большею дѣяшельноспію. На сихъ дняхъ мы посѣщили опья, но къ сожалѣнію не нашли ничего замѣчательнаго. Гробницъ новыхъ покуда еще не ошкрывали. Рабочіе сказали намъ, что они нашли нѣсколько камней съ цифрами, кои однако уже ошосланы были къ Г. Крузе, завѣдывающему ошрышіемъ.

Ксшаши, сказашъ шеперь нѣсколько словъ объ изданіи пушешествія Г. де Гамбы по Южной Россіи, о появленіи кошораго извѣщающъ насъ нынѣ наши Журналы. Сочиненіе сіе конечно весьма пріятный для насъ подарокъ. Оно ознакомишъ Французскую, читающую Публику съ нашими ошдаленными Южными Провинціями, на кои нынѣ, по случаю войны нашей съ Персією, и шакъ обращены взоры публики. Г. де Гамба не принадлежишъ къ числу шѣхъ обыкновенныхъ пушешественниковъ, кои, не имѣя ничего въ виду, кромѣ своего шщеславія, мало забо-

пяща о справедливости описываемаго ими. Однако и въ его путешествіе, кошорое впрочемъ, имѣешь въ виду собственно только торговлю, вкрались, судя по нѣкошорымъ опривкамъ, чишаннымъ мною въ Журналахъ, небольшія невѣрности. О Севаспополѣ онъ говоритъ, что небольшая часть домовъ онаго построена изъ развалинъ древняго Херсона, и что въ стѣнахъ домовъ, есть многіе камни съ надписями. Первое справедливо, если прибавимъ, что при основаніи Севаспополя, построено нѣсколько домовъ изъ развалинъ Херсона; но послѣднее вовсе ложно. Я нигдѣ не видалъ, и даже не слышалъ о шаковыхъ камняхъ. Если бы они существовали, то Гг. флорскіе Офицеры, кои суть почти единственныя владѣльцы здѣшнихъ домовъ, конечно дали бы имъ мѣсто болѣе приличное ихъ достоинству. Г. де Гамба вѣроятно видѣлъ въ нѣкошорыхъ здѣшнихъ домахъ Херсонскіе мраморы съ барельефами, части карнизовъ, колонъ и п. п., и изъ сего заключилъ, что между сими ошашками, должны быть и камни съ надписями. Къ сожалѣнію этого нѣтъ.

Г. де Гамба Французскій Шевалье. Въ 1817 и 1818 годахъ путешествовалъ онъ въ первый разъ по Россіи. Я его видѣлъ на пути изъ Аспрахани. Онъ человекъ весьма уже

пожилой, однако сохранилъ еще всю живость характера, какъ и весь его соопечественни-ки. Беседа его и поучительна и пріятна. Его сопровождали одинъ Марсельскій Негоціантъ, человекъ также весьма шарый и ученый, и живописецъ. Я видѣлъ многіе занимательные предметы, снятые послѣднимъ. И теперь еще помню изображеніе Черноморскаго усахаго часоваго на высокой каначѣ, каковыя находяшся на военныхъ постахъ, занимаемыхъ Черноморскими казаками по Кубани, для открытія предпріятій Черкесовъ издали. Въ послѣдствіи, видѣлъ Г. де Гамбу въ Тифлисъ, гдѣ шарикъ Негоціантъ и скончался. Мнѣ доспались даже съ публичнаго шорга прекрасные зеленые очки послѣдняго. Г. де Гамба былъ тогда Французскимъ Консуломъ въ Грузіи. Сказываютъ, что онъ между прочимъ, выписывалъ и Тибетскихъ козь для фабрикъ своего опечества. При немъ находился и сынъ его, опсавной Кавалерійскій офицеръ, который скупалъ лошадей для Французскихъ военноконскихъ заводовъ. Къмъ нынѣ издано путешесствіе по Южной Россіи, опцемъ или сыномъ, мнѣ неизвѣстно.

Тщешно мы разрывали пепель древняго Херсона. Труды наши не увѣчались никакою любопытною находкою. На берегу моря

видны еще ошпашки бывшей площади. Они проспираюшся вдоль берега по прямой линіи. Перпендикулярно къ оной проспираюшся въ море шаковые же ошпашки бывшихъ площадей. Судя по сему, гавань сего древняго города находилась на Сѣверо-Западной споронѣ онаго. Площины складены изъ камня на цементѣ. За набережною насыпана земля, смѣшанная съ черепками, спеклышками, костями и проч.: сѣдовашельно она не самаго древняго построения. Не на семь ли мѣсцѣ находился дворець знаменитой Гикіи, коей геройскіе подвиги передалъ намъ Констаншинъ Порфирородный въ письмахъ своихъ? Мы нашли тамъ множество обгорѣлыхъ камней, окалинъ, уголья. Ничего не недоспавало, чпобы предспашишь себѣ и дворець ея, объашиый пламенемъ. Когда выглядывали изъ обрышаго моремъ берега, ошверспія водопочныхъ шрубъ. Ошъ проводили върояшно изъ города всю нечистоту въ море. Обломки разноцвѣсныхъ мраморовъ, камней, кирпичей и черныхъ окалинъ, округленныхъ водою, образовали въ нѣкошорыхъ мѣсцахъ на днѣ моря совершенный мозаикъ. Искусшво, безъ сомнѣнія, и сіе украшеніе зодчеспва заимспвовало ошъ природы! Множеспво найденныхъ нами шамъ кусочковъ бѣлаго и цвѣшнаго мрамор-

ра, конечно также свидѣтельствующую о великолѣпнѣи пѣхъ зданій, кои здѣсь нѣкогда гордо возвышались къ небу. Кажется, глядя на прорубы нѣкогда славныхъ городовъ и людей, нельзя не чувствовашь всей ничтожности славы и величія! На надгробномъ камнѣ безсмертнаго Героспрапа Европы нѣтъ даже надписи! Можешь бышь, и ша сажень земли, копорую онъ шеперь занимаешь на маленькой скалѣ Св. Елены, будешь перерыша! Тщепно мы переворачивали кости умершаго Херсона. Добыча наша на сей разъ ограничивалась одними черепками. Собранныя нами спеклышки, большею частью прекраснаго темноголубаго и зеленоголубаго (аqua-marina) цвѣшовъ; рѣдко бѣлаго. На иныхъ видны слѣды бывшей амальгамы. Разсмащривая уже дома кусочикъ разбишаго сосуда, мною найденнаго, замѣшилъ я что-то походящее на Ташарскую надпись. Спекло, изъ кошораго сосшоялъ сосудъ, самое бѣлое, и чистшой ошдѣлки. Почши вся поверхность онаго покрытия снушри и снаружи амальгамою, красками и позолошою. На сужающейсѣ шейкѣ онаго, между двумя красными полосками, на голубомъ полѣ, увидѣлъ я письма. Они начертаны золошомъ, но едва примѣшны. Я принялъ фигуры сіи сначала за Ташарскую надпись,

однако никто из здѣшнихъ Ташарскихъ
 грамошѣвъ, коихъ впрочемъ весьма здѣсь
 мало, и пѣ даже весьма не грамошны, не
 нашли въ нихъ ничего пушнаго. Но мнѣ ни
 какъ не хочешся разстаться съ мыслию,
 что это почто надпись и даже предлюбо-
 пышная. Это для глазъ непріятное маранье,
 не можешь бышь обыкновеннымъ только
 украшеніемъ; пошому, что прочія украше-
 нія на семь сосудовъ имѣють пріятныя фор-
 мы. Покуда увѣряю себя, что надпись эша
 Арабская, а самый сосудъ присланъ изъ
 Мекки. Если же ученые наши Арабы и съ
 эшимъ не согласяшся, то осшаешся мнѣ
 только сказашь, что это Египетскіе іеро-
 глифы, что сосудъ хранился прежде въ пи-
 рамидахъ, украденъ ошшуда Пизагоромъ и
 послѣ по наслѣдству достался Героинѣ раз-
 валинѣ, Гикіи, кошорая хранила въ немъ
 свои благовонія, и спасла его по преданіи
 своего дворца и съ мужемъ пламени. Я имѣю
 еще другую досшовѣрную догадку въ запасѣ,
 именно, что эшотъ сосудъ Финикійской ра-
 боты и, подобно Индѣйской шали Г. Жуи,
 шоъ съ знаменишою надписью, наконецъ,
 перешедъ огни и воды, принадлежишь мнѣ.

Найденные нами черепки глиняныхъ со-
 судовъ, большею часнію грубой работы.
 Лучшіе, покрышы темно-сизою глазуροю,
 *

Мы нашли одинъ только черепокъ весьма нѣжной работы. Онъ покрытъ оранжевою, весьма яркою глазуροю. Мнѣ хошлось бы признать его за кусочекъ Эрпрусской вазы. Надобно сказать, что крайне затруднительно ходишь по симъ развалинамъ. Онѣ заросли высокою травою и покрыты камнями, кои острыми своими ребрами обращены къверху. На каждомъ шагу спотыкаешься и находишься въ опасности сломишь ногу и даже шею. Кое-гдѣ проложены пропинки; но искатели не должны ходишь по нимъ, если хошашъ найти что-либо любопытное, или по крайней мѣрѣ пишашся надеждою на такую находку. Монеты находятъ обыкновенно послѣ дождя. Онѣ, смывъ съ нихъ пыль, выставляешъ ихъ наружу. Зимою, покуда еще не выросла трава, поиски также болѣе благопріятны.

Нѣкто, нашедъ въ маскарадѣ маншалью, выфилософовывалъ по ней всѣ физическія и душевныя качества той дамы, которая потеряла оную. Послѣ такого сильного примѣра, почему же по камешкамъ и черепкамъ не вывести, въ какомъ состояніи находился прежде Херсонъ? И такъ, судя по развалинамъ его, кои простираются въ длину вершъ на 8, можно побожиться, что онъ былъ весьма обширный, а следовательно,

и многолюдный городъ. О швердосши стѣнъ его можно судить по остаткамъ оныхъ. По направленію развалинъ видно, что улицы были въ немъ широкія, прямыя. Мраморы свидѣтельствуютъ о великолѣпнѣ зданій онаго; остатки площади о безопасности его гавани, торговлѣ, судоходствѣ, флотахъ, могуществѣ. По черепкамъ видно, что въ позднѣйшія времена уже не было у Херсонцевъ изящныхъ Эрпрусскихъ сосудовъ, какъ въ первыя времена существованія онаго, должно предполагать основываясь на одномъ изящномъ черепкѣ, найденномъ въ насыпи за площадью; и что, слѣдовательно, въ послѣдствіи времени у нихъ водворились, вмѣстѣ съ глиняными горшками, вкусъ грубый и варварскій; и, слѣдовательно, пали искусства и науки, коими славилась некогда древняя Элада, хотя впрочемъ и нѣтъ сомнѣнія, что Херсонскіе торговцы никогда не были Афинянами. Что они имѣли пестрый вкусъ и были непостоянны, явствуетъ изъ цвѣстныхъ и узорчатыхъ спеклышекъ; а изъ Арабской надписи видно, что и Ташареджи некошорое время въ Херсонѣ. Справедливостъ всѣхъ сихъ математическихъ выводовъ подтверждаютъ и лѣтописцы. Могущество Херсона явствуетъ изъ особеннаго уваженія, кошорое имѣли къ нему

Римляне и Восточные Императоры. И въ исходѣ прошедшаго тысячелѣтія былъ онъ еще важнымъ городомъ, ибо обратилъ на себя особенное вниманіе Владиміра. О мужествѣ жителей его и твердости городскихъ стѣнъ, можете судить пошому, что Владиміръ послѣ продолжительной и безплодной осады города, овладѣвъ имъ только по пресѣченіи воды, въ кошорой нуждался городъ и получалъ оную издали, судя по оспашкамъ водопроводовъ и водохранилищъ. Лѣтописцы вѣщаютъ, что монахъ, посредствомъ предательской снѣлки, повергъ согражданъ своихъ къ стопамъ Владиміра. Но какъ зла нѣшь безъ добра, и обратно; шо видимъ, что предатель опечесхва дѣлается сопричиною озаренія Св. Вѣрою безчисленнаго Русскаго народа. Херсонъ имѣлъ правленіе республиканское, или лучше сказашъ аристократическое, ибо совершеннаго равенства не было еще опъ сотворенія міра и у всѣхъ народовъ были всегда касты, кои пользовались исключительными правами; слѣдовательно на площадяхъ его было много шумиль, кривосудовъ, мѣщанъ-полишниковъ и прочей республиканской черни и — невольниковъ.

Камни, кои видѣлъ я у Г. Крузе, дѣйствительно имѣющъ надписи, но онѣ шакъ

изгладилась, что ихъ вовсе нельзя разобрать. Пошеря сія кажешся не важна; пошому, что камни сіи не мраморные, но просые известковые и мягкаго свойства, шакже обдѣланы весьма грубо, и безъ сомнѣнія принадлежатъ къ временамъ самымъ послѣднимъ существованія Херсона. Кажешся даже, что на одномъ камнѣ, судя по сохранившимся литерамъ **Θ. Д.**, надпись Русская. На другомъ камнѣ начертаны многіе круги, какъ бы означающіе солнечную систему; на другихъ цифры, кресты и другіе таинственныя знаки. — Вчера вечеромъ принесли мнѣ надпись съ камня, тогда шолько найденнаго. Мѣстами, кажешся, употреблены шишла. Найденныя монеты, хранящіяся, какъ и все прочее, у Г. Круза, еще не очищены, кромѣ одной. Что онѣ всѣ мѣдныя, я уже имѣлъ честь васъ увѣдомишь. На очищенной монетѣ изображены, съ одной стороны: Свяшій, судя по сіянію, окружающему главу его, и лишера **Н**; на другой стороне: двое Свяшыхъ, шожъ съ сіяніями, и сверху, по краямъ монеты, надпись, кошорую однако не могли разобрать.

28 Мая, у насъ въ Севаспополѣ была ужаснѣйшая гроза. Молнія ударила въ шрубу одной машросской казармы, убила музыканша, кошорый сидѣлъ воздѣ печи и чи-

спила живую шпубу свою, и оглушила другаго. Три удара, судя по ихъ чрезвычайной силѣ, разразились надъ самимъ городомъ, однако не причинили, кромѣ вышесказаннаго, никакого вреда. Сказываютъ, что это первый случай, что человекъ убитъ здѣсь грозою; кромѣ однако несчастія, постигшаго городъ въ 1820 при проходѣ чрезъ него шифона, котораго на пуши своемъ причинилъ ужаснѣйшее разрушеніе. 8 числа сего Іюня небо разгнѣвалось опять на Севасполь. Около обѣда показались на горизонтѣ, съ сѣверо-востока, многія черныя шучи. Въперъ была маленькій; но атмосфера была насыщена электричествомъ; еще накануне упала значительно барометръ; морскія птицы разсѣкали воздухъ съ безпокойствомъ; все предвѣщало грозу, грозу сильную; но природа еще безмолвствовала, какъ бы готовая къ сильному перелому. Вдругъ поднялся ужаснѣйшій вихрь; ошъ пыли и черныхъ шучъ совсѣмъ пошемило. Дождь не падалъ, но лился съ неба и послѣдовало нѣсколько слабыхъ ударовъ грома. Судя по шакому ужасному началу, я ожидалъ новаго шифона и опустошенія; но вдругъ все исчезло и наступила самая прекраснѣйшая погода. Сильныя бури, какъ сильныя страши, только порывисты, но не продолжи-

пельны. Прекрасная погода послѣ ужасной бури, предшала какъ непорочная дѣва. По-ушру съ 10 на 11 число была у насъ небольшая гроза, но въ то же время постигло Бакчисарай, находящійся въ 32 верстахъ отъ насъ, ужаснѣйшее опустошеніе. Дождь, сопровождаемый сильными ударами грома, лилъ нѣсколько часовъ съ неба. Рѣчка, извивающаяся по срединѣ узкаго ущелья, въ коемъ лежишь городъ, вдругъ выпустила изъ своихъ береговъ. Съ окружающихъ высотъ стремились почти споль же быстрые потоки, кои увлекали камни и разрушали все на пути встрѣчавшееся. Много ушлахъ Ташарскихъ домиковъ разрушено и снесено. Огороды и сады всѣ попорчены. 17 возовъ съ клажею, но безъ воловъ, унесло; также шрое малолѣтнихъ дѣшей. Больше всего пошерпѣли кожевенные заводы, коихъ весьма много въ городѣ. Безчисленное множество сафьяновъ и машинъ унесло водою. Всѣ пошери еще не исчислены (*). Поплачу на гробницѣ несчастной соперни-

(*) Не знаю, извѣстно ли вамъ, что Ханскій дворець, пришедшій нѣсколько въ вѣхость, исправляется по волѣ покойнаго Императора, однако, такимъ образомъ, что все сохраняется въ прежнемъ видѣ.

цы Заремы и послушаю журчаніе фонтана, когда буду въ Бакчисараѣ.

Когда природа безмолвствуетъ, смотрю на огромнаго и сѣдоглаваго своего сосѣда Чашырдага. Сколь часшо былъ онъ нѣмымъ свидѣтелемъ ужасовъ природы! Сколько различныхъ народовъ, даже историческихъ, суешились у подножія его, рѣзали другъ друга, и исчезли въ безднѣ времянь, какъ искра въ воздухѣ! Самые слѣды разрушенія исчезли вмѣстѣ съ именемъ ихъ! Сколько пролило крови человѣческой на цвѣшущихъ его окресностяхъ! сколько учинено злодѣяній! Но здѣсь соспязались въ дружбѣ и Пиладъ и Орешъ. Однако ни что не нарушило глубокаго его покоя! Гордо взираешь онъ на суешу, злодѣянія и добродѣтели смертныхъ! Все около его многократно измѣнилось, онъ одинъ осмался все шощъ же самый, чѣмъ былъ и прежде! Великаны природы, подобно великимъ смертнымъ, не обуреваются спрасками большой массы. Они спокойно вспрѣчаютъ удары рока, а если иногда и низвергаются, шо и въ самомъ своемъ паденіи велики.

Изъ міра идеальнаго спустимся нечувствительно, какъ и всегда съ нами смертными бываешь, въ міръ физическій, ближайшій слабому нашему естеству. Отъ чего,

спросилъ я себя, на Чашырдагъ и высокихъ горахъ вообще лежишь снѣгъ и воздухъ холоднѣе, и ошъ чего, по мѣрѣ ошдаленія ошъ поверхности земли, воздухъ спановишся вообще суровѣе, какъ воздухоплаватели утверждають? Ошъ шого, ошвѣчаютъ Физики, что лучи солнечные не ошражаются шамъ уже споль сильно, какъ на шаровидной поверхности земли. Въ справедливости сего я всегда сомнѣвался, хошя и не имѣлъ въ виду лучшаго объясненія. Но вдругъ пришла мнѣ слѣдующая мысль: земля ошдѣляется ошъ солнца атмосферою; лучи, исходящїе изъ солнца, принявъ ее впрочемъ за что угодно, переломляющся на пути своемъ чрезъ атмосферу къ землѣ; лучи солнца, по мѣрѣ приближенія къ поверхности земли, гдѣ густоша атмосферы посшепенно увеличивается, сближающся все болѣе и болѣе, и именно, сполько, сколько природа за нужное нашла для прозябенія шѣль всѣхъ шрехъ царствъ своихъ; и ошъ шого-шо на предмешахъ, превышающихъ значительню шаровидную поверхность земли, гдѣ лучи сїм еще не сблизились надлежащимъ образомъ, воздухъ суровѣе. Словомъ, атмосфера зажигапельное шекло, коего фокусъ поверхность земли. Предосшавляю людямъ, кои далѣе меня видяшь въ обласши ешшественныхъ наукъ,

рѣшишь: на кашоприкѣ ли, или на діоприкѣ основано сіе свойство атмосферы.

Изъ Евпашоріи пишушь, что шамъ на берегу моря посшавлено уже нѣсколько палашокъ для посѣщителей, кои льшомъ берушь шамъ морскія ванны. Плоскій песчаный берегъ весьма благопріятствуетъ шамъ купанью. Въ Севастополь почши нѣтъ мѣста на берегу моря, гдѣ бы можно было купаться. Берега обрывисты, дно неровное, каменистое, заросшее густою травою, въ кошорой бывають кошы морскіе, кои наносятъ весьма опасныя раны людямъ. Приходящіе на Турецкихъ судахъ въ Евпашорійскій карантинъ, мореходцы, съ щеславіемъ выказываютъ успѣхи свои въ Европейской шакшикѣ. Сказываютъ, что они весьма порядочно выправлены.

Пріѣхавшіе изъ Симферополя сказываютъ, что шамъ продолжается опрышіе древностей подъ наблюденіемъ ученаго Г. Бларемберга, кошорый, какъ извѣстно, назначень ошъ покойнаго Императора, Начальникомъ Одесскаго и Керченскаго Музеевъ. Онъ довольно часто радуешь ошечешвенную публику своими учеными результатами. Его неушомимыми шрудами, древняя Исторія Южной, классической Россіи, все болѣе и болѣе раскрывается. Всю ее, особенно же

Таврию, можно назвать обширными развалинами древней Греческой Америки. Ольвиополь, Одесса, Симферополь, Севастополь, Судакъ, Феодосія, Керчь, Еникаде, Фанагорія сославляють длинный рядъ Греческихъ колоній. Многое уже извлечено изъ земли, но еще несравненно больше оспалось сокрытымъ и ожидаешь руки ученой. Я уже имѣлъ честь увѣдомишь васъ о найденныхъ недавно въ Симферополь развалинахъ и монетахъ. Но Г. Лангъ бросилъ первый философическій взглядъ на сей погребенный временемъ городъ. Онъ сообщилъ мысли свои Губернатору, Г. Нарышкину, а сей опнесся къ Г. Бларембергу. Кромѣ монетъ, нашли тамъ слѣды весьма обширныхъ развалинъ, и между прочимъ, плиту съ изображеніемъ всадника, по кошорому, не знаю почему, заключають, что это развалины Генуэзскаго города, или что сіи воины-купцы жили тамъ; по крайней мѣрѣ, въ которое время. Вскорѣ прибылъ и Г. Бларембергъ и опрышіе началось методически. Сказываютъ, что уже опрыта какая-то колосальная статуя и съ пѣдесталомъ. Покуда о семь новомъ безыменномъ Геркуланъ выйдеть учное изслѣдованіе Г. Бларемберга, сообщаю вамъ то, что шеперь о немъ рассказываютъ; не ручаюсь впрочемъ за истину, ибо

знаю все только по наслышкѣ. Весьма прудно изъ множесва слуховъ, одинъ другому прошиворѣчащихъ, сосставишь нѣчто правдоподобное. Одни говорятъ, что какой-то Ташаринъ, ломая камень на горѣ, за госпиталемъ, нашелъ развалины, и 140 серебряныхъ монетъ, довольно древнихъ, ибо онымъ болѣе 1000 лѣтъ, и что продалъ ихъ одному члену Библейскаго Общесва, извѣснаго шамъ подъ пшломъ Сушана. Другіе увѣличиваютъ древность монетъ до 2 и 3 тысячъ лѣтъ, или оспариваютъ у нихъ и 1000 лѣтъ, а развалины помѣщаютъ за загороднымъ домомъ Губернашора, ш. е. отсюда пошу сторону Салгира. Въ первомъ случаѣ, можно ихъ признашь за пропавшій безъ вѣсти городъ Гаргазъ, въ послѣднемъ же случаѣ, онѣ оспаются покуда безъ наименованія. Какъ бы что ни было, но сказки мои приносятъ по крайней мѣрѣ шу пользу, что возбуждаютъ читающую публику къ шой развязкѣ, кошую дасъ намъ Г. Бларембергъ. Т. е., я пишу драму безъ послѣдняго дѣйствія, шоль пруднаго для всѣхъ писателей. Да и что можешь быть легче, какъ перепушавъ дѣло елико возможно, предоставишь другимъ ломать голову свою надъ прудною развязкою. Эшо духъ нашего немашемашическаго вѣка. Мы живемъ нынѣ

на скоро; желаемъ знать лучше что нибудь, да поскорѣе, нежели ничего; ошъ сего въ головѣ нашихъ свѣшскихъ людей и собрано несравненно болѣе многообразныхъ знаній, нежели было ихъ въ библиошкѣ велемудраго Аристопела.

Х. III.

III;

К Р И Т И К А

ОТВѢТЪ Г. ТОЛМАЧЕВУ НА ВТОРОЙ ПОДАРОКЪ КРИТИКУ ЗА СТАТЬЮ, ПОМѢЩЕННУЮ ВЪ 6 НО ЖУРНАЛА: СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА, 1827 ГОДА, НА КНИГУ: ВОЕННОЕ КРАСНОРЪЧІЕ.

Во вшоромъ вашемъ письмѣ ко мнѣ, Г. Сочинишель Подарковъ, вы не соизволили, какъ и въ первомъ, упошребить шонъ болѣе умѣренный: по вашему ошзыву, и обществу, посѣщаемыя мною, худы, и самья слѣпъ, ничего не вижу, безъ вкуса, безъ головы. А сколько анекдотовъ, для показанія моихъ несовершенствъ! На шакіе ваши ошзывы, я даль слово хранишь молчаніе и пропускаю ихъ безъ вниманія. Но вы указываете на многія главы *Военнаго Красноръчія* и смѣ-

ло утверждаете, что ихъ содержаніе есть новость, вамъ однимъ принадлежащая, которой, отъ *Аристотеля* до *Талызина*, никто не сообщалъ въ Рипорикахъ учащимся. Оставить безъ вниманія такія заслуги, было бы несправедливо; многіе, при моемъ молчаніи, положась на ваши слова и не имѣя досугу повѣришь *Подарки ваши съ моими замѣчаніями*, а сіи послѣднія съ *Военнымъ Краснорѣчiemъ*, дѣйствительно почли бы меня завистникомъ, отнимающимъ у генія славу за его опкрытія; и пошому принужденнымъ нахожусь отвѣчать и на *второй* вашъ *Подарокъ*.

Вы начинаете письмо увѣреніемъ о томъ, что *долго томили голову* свою разными догадками, почему замѣчанія мои (мои *отрадные вопли*, по вашему выраженію), не были напечатаны вполне въ 5 No Ж. С. Опечесства. Пришворство! будшо вамъ не извѣстно, что въ Журналахъ продолжительныхъ спашьи раздѣляются на нѣсколько номеровъ? Г. Издатель С. Опечесства засвидѣтельствуетъ вамъ, что замѣчанія мои, за годъ до напечатанія, были сообщены ему въ цѣлости, и что онъ, а не я, раздѣлил ихъ на двое.

Но вы объ этомъ помяненіи головы, со всѣмъ небываломъ, изволили распроспра-

справдѣшься рѣчію для того только, чтобы сказать: „по прочтеніи шестого номера Журнала: Сынъ Отечества, я увидѣлъ, что продолжать Кришику воспрещается вамъ собраніе.“ (Спр. 4 вшор. Подарка). И здѣсь то (спр. 5, 6 и 7) вы цѣните моихъ собесѣдниковъ, глумясь надъ и мой снѣжь способами, извѣстными чипашелямъ по первому Подарку и предостерегая меня отъ худой бесѣды. Напрасный съ вашей стороны трудъ: собесѣдники мои, неодобріаніе названія книги вашей — *Военное Красноурѣчье*, смѣло увѣряю васъ, М. Г. — сущь люди свѣдущіе и въ Красноурѣчьи и во многихъ Наукахъ; я увѣренъ даже, что всякой изъ нихъ многимъ превосходитъ Французовъ, со-скалавлявшихъ собраніе, кошорому взбрело на мысль безъ нужды выдумать новую науку, безъ нужды вами примашую, какъ нѣчто драгоценное. Изъ того, что кѣмъ либо сказано шушка на счепъ дѣла спранныго, нельзя еще заключать, что онъ худъ и ничего не знаетъ. Но у васъ своя Логика: я не угодила вамъ замѣнаніями; а вы изъ того вывели, что я посѣщаю худыя обществя!

Спр. 5. вшор. Под. Подражанъ Рускимъ сказочникамъ, въ снау вашего совѣща, севсѣмъ не годнаось бы, по той причинѣ, что слово *одинъ*, въ значеніи слова *никото-*

рый, нинѣ вообще всѣми употребляется; и ваша придирка къ словамъ моимъ — въ одномъ собраніи — кажешся, сдѣлана вами ошъ нечего сказать.

Спр. 7. вш. Под. Учтивостей въ моихъ замѣчаніяхъ, (спр. 171 и 172, 6 № С. О.), на кошорыя вы жалуешесь, вовсе нѣтъ. Выспавляясь всѣ ваши погрѣшности въ Военномъ Краснорѣчїи я не брался: для сего надлежало бы написать многіе помы; но кто бы спалъ ихъ чишашъ? Для разбора книги довольно, ежели доказаны совершенства или недоспашки плана и связи цѣлаго творенія и нѣкошорыхъ болѣе сущесшвенныхъ мѣспъ его; а это исполнено мною, ошносительнo къ Военному Краснорѣчїю. Не моя вина, что въ книгѣ нашлось мало доспойнаго одобренія. Сказавъ, что въ вашемъ сочиненіи, новомъ по заглавію, содержится *все старое, все общее* другимъ Рншорикамъ, я сказалъ правду и докажу ее, по вашему желанію.

Спр. 8, 9, 10 и 11 вш. Под. Доводы ваши, кошорыми и здѣсь ушверждаете сущесшвованіе Военнаго Краснорѣчїя, ни мало не убѣждаютъ. Изъ шого, что Краснорѣчїе Церковное, Гражданское, Судебное и пр. сущъ въшви общей Словесности, не славдуешь, что для нихъ нужны особыя на-

уки. Напрошивъ это самое, что въвши сіи отъ одного дерева, отъ одного начала происходятъ, доказываешь ненужность для нихъ особой науки. Опдѣльная въвши сущесшвовашъ не можешъ; спѣшише снова привишь ее къ дереву, пока жива. Въ опвѣшъ моемъ на первый Подарокъ я замѣшилъ уже, что для показанія особенностей того или другаго вида Краснорѣчя не нужно сосшавляшь опдѣльныя сисшемы, довольно нѣсколькихъ словъ. Вы сердитесь на раздѣленія (спр. 17 вш. Под.), когда они всѣми приняшы, и когда необходимость ихъ явешвуешъ изъ самой сущности дѣла; а гдѣ не надобно, шамъ насшоише, что они нужны, ссылаясь въ разсужденіи надобности В. Краснорѣчя только на два, и шо не совсѣмъ удавшіеся опыша.

Особенный характеръ Ораторовъ, принадлежащихъ къ разнымъ сословіямъ (спр. 8 вш. Под.), особенное свойство предметовъ, сосшавляющихъ содержание рѣчей, и особенная цѣль, для которой пишушся или произносяшся рѣчи, не могушъ бытъ подвержены подъ правила: сихъ особенностей весьма много, и всѣхъ ихъ предусмошрѣшь невозможно. Нужно, чтобы общія правила были вразумительны, полны и основательны:

примѣненіе ихъ къ особеннымъ случаямъ сочинилъ самъ легко сдѣлаешь. Пропивоположность характеровъ Проповѣдника и Полководца, вами приводимая (на той же стр. вш. Под.), можешь бышь и на оборотъ, иже ешь: Служилъ Вѣры можешь говоришь *воспламененно*, даже грозно, какъ бы съ ожесточеніемъ, вопія прошивъ гибельныхъ пороковъ и побуждая къ поражению сихъ *оразовъ* нашего совершенства. Въ оправданіе сказаннаго мною, служатъ нѣкоторые слова *Святаго Іоанна Златоуста, Святаго Амвросія Медиоланскаго, Массимиона, Гедеона* и многихъ другихъ знаменитыхъ провозвѣсниковъ Слова Божія. Вождь не рѣдко осмѣиваешь свой суровый характеръ, употребляетъ слово ласковое, привѣтливое, *умилленно*; напр. увѣщавая своихъ воиновъ щадишь врага побѣжденнаго, онъ не живешь надобно еши выходишь изъ себя; крошесни учаешь съ крошеснію. После сего, позволеше не опшѣчаешь на свидѣтельствѣ, взятыхъ вами изъ вышнѣванныхъ, но необдуманыхъ доводовъ общесства ученыхъ ванныхъ Французовъ (стр. 9 и 10 Вш. Под.). — Бѣдный Ж. Ж. Руссо! и любъ за меня погонка! — Очень видно, Г. Сочинилъ Подарковъ, что вы много читали и все, что можно сказаешь къ оскорбленію

другаго, твердо берегаеше въ памяти; дабы внесши это въ рѣчь свою, хотя бы и не копали.

Спр. 11 и до 15 Вш. Под. — Въ противность усилямъ вашимъ просвѣщенью меня въ слѣношѣ, кошорую вамъ угодно приписывашь мнѣ, и кошорая, какъ вы убѣждены, препяшпшвуешь мнѣ видѣшь *новое* въ В. Краснорѣчїи, — я все еще не вижу въ немъ ничего, кромѣ *старого*, *общаго* другимъ Рипорикамъ, шолько несчастно передѣшаго.

Ваша первая новость — *теорїя* (спр. 12) *сложныхъ періодовъ*, *необходимая для логической правильности сочиненїй*, съ *Аристотеля до Гальвина*, преподаешя всякимъ знающимъ свое дѣло насшавникомъ, и находишя во многихъ книгахъ. Вашъ трудъ показался вамъ новымъ пошому, что вы, смѣшавъ нѣсколько наукъ въ одну, шакъ называемую вами, сшешему, перевели чешвероякую связь мыслей, на кошорой основали происхождение періодовъ, изъ *Логики* въ *Рипорику*. Сшшворилъ ли ефрейшоръ новаго солдаша, переведя его безъ нужды съ одного пришина на другой? — Эшого я не вижу.

Вшорая новость (шаже спр. Вш. Под.) — *теорїя происхожденїя троповъ*, — ежели нѣсколько словъ (см. Гл. II В. Кр.) мо-

жно почишишь симъ именемъ, — также не ваше изобрѣшеніе; не ходя вдаль, вы найдете ее въ Крашкѣ Рипорикъ, изданной Г. Мерзляковымъ, или, въ Рипорикъ Эшенбурга, который писалъ прежде появленія въ свѣтъ *Правилъ Словесности* и В. Краснорльчя, а по сему не могъ заимствовать ошь васъ ни одного слова.

Третья новость (снр. 13 Вш. Под.) — *теорія Лада* (rythmus) была въ Словесности также до васъ, какъ вы и сами пишете; слѣдовательно не есть новость, а старое. Во всѣхъ Рипорикахъ пишушь о *плавности слога*, ошь которой вашъ ладъ ничѣмъ не отличаетсѣ, развѣ — качествомъ. Вы почишаете новостію то, что основали вашъ ладъ на законъ *соразмѣрности*; но у кого есть ладъ безъ *соразмѣрности*? — И такъ, и сія ваша теорія — старое. Между многими Писателями, Герардъ I. Воссій объясняетъ ладъ въ Рипорикъ своей (*), изданной, въ прешій разъ, въ 1640 году. Въ слѣпоствѣ моей, мнѣ кажется, что вашъ ладъ походитъ на его rythmus или numerus, съ

(*) См. его Rhetorices contractae, sive partitionum oratoriarum libri quinti, Capita I, II et III, — editio tertia recognita et avcta — Lugd. Batav. СІЮСХЛ, ex officina Joannis Mairi.

разноспію въ порядкѣ изложенія, равно и того, что у него объ этомъ три главы подъ разными наименованіями, и что онъ указываетъ, въ какой часпн періода лучше ставишь спопы: Хорей, Ямбъ, Спондей, Пиррихій, Пеаны, Дакпиль, Молоссъ и пр. Позвольте при семъ замѣтитъ, что не *соразмѣрность* естъ явленіе гармоніи, а что гармонія происпикаетъ ошь *соразмѣрности*.

Четвертую (спр. 13 Вп. Под.) и пятую (спр. 14) изъ вашихъ новостей — начало раздѣленія прозаическихъ сочиненій и размѣщеніе встѣхъ военныхъ сочиненій въ систематическій порядокъ, — я не опуспилъ изъ виду, и объ нихъ было уже довольно рассужденій.

Не укорайте меня, М. Г., что я не видалъ шестой вашей новости (спр. 15) — теории слога, шакже довольно старой, но искаженной вами. Въ замѣчаніяхъ моихъ, (спр. 170, 6 Но С. О.) мною сказано: „разборъ послѣднихъ главъ: *общихъ началъ Словесности*, (составляющихъ первую часть В. Краснорѣчія) предспавилъ бы многія важныя погрѣшности; но онъ шакого свойшва, что сами бросающа въ глаза чпшателя.“ — Въ этомъ числѣ я разумѣлъ и шестую вашу новость. Ея достоинштво дѣйствитель-

но всякій можетъ оцѣнить; ибо легко усмотрѣть, какую пользу принесутъ, напримеръ, выводимыя вами изъ разныхъ началъ и здѣсь (Часть I В. Кр. стр. 133, 134, 135 и 186) поименованныя — семьдесятъ два слога, къ числу которыхъ присовокупляете вы еще неизвѣстное количество неназванныхъ слоговъ, сказавъ, при исчисленіи названныхъ, *дѣнадцать разъ слово: и проч.!!* — Ни одинъ изъ сихъ слоговъ не опредѣленъ; къ чему же они годятся? Объ этой новостѣ мнѣ не разсудилось и упоминашь.

Ваши предположенія (стр. 14 Вш. Под.) о происхожденіи часшей рѣчи (Гл. III В. Кр. Ч. I), я также видѣлъ и осмѣлился въ замѣчаніяхъ моихъ назвать ихъ неумѣстными, каковы они суть дѣйствительно; ибо помѣщены въ Рипорикъ, между пѣмъ, какъ имъ должно быть въ общей Грамматикѣ. Они не новы; вы заимствовали ихъ отъ другаго. Новаго въ нихъ по одно, что вы не кстапцъ вводите въ нихъ при предположеніи вашемъ, ошибающагося къ часшной Рссійской Грамматикѣ; новость недостоинная похвалы! Начавъ говорить вообще, какъ младенецъ (стр. 16 и слѣд. I Части В. Кр.) вводить въ языкъ свой сперва междометія, потомъ имена существительныя, за нѣмъ

имена принадлежностей, под которыми разумеете вы и прилагательныя и глаголы, сказавши — какъ человекъ (взрослой, какъ младенецъ?) сопоставляешь прилагательныя, глаголы, союзы и предлоги, вы переходите къ сопоставленію причастій и нарѣчій, и здѣсь смѣшиваеете съ общими сужденіями особенными происхожденія причастій и нарѣчій, количества и времени въ Россійскомъ языкѣ. — Общія предположенія ваши ни мало не согласуются ни съ опыномъ, ни съ разумомъ. Во-первыхъ, младенецъ учится произносить слова не въ томъ порядкѣ, коимъ вы представляете, а въ какомъ позволяете ему сдѣлать сіе его органъ слова. Части сего органа не у всѣхъ дѣтей одинаково развиваются и спановиются способными къ произношенію звуковъ: но у одного прежде укрѣпились уша, и онъ прежде, безъ всякаго впрочемъ познанія, произнеситъ существительное — *мама*, или *папа*. буквы губныя; другой ранѣе, еще рано прорѣзывающихся зубовъ, крѣпко сжимая десны и упиралъ въ нихъ языкомъ; и поэтому прежде выучился произносить слова изъ буквъ свиспавшихъ, напр. *сиси*, равносильное глаголу — *пить*, и такъ далѣе. Во вторыхъ, это много зависитъ еще наснавленія окружающихъ ребенка, коимъ про-

изводился, извѣстно, безъ всякой системы. И вы дѣла случая, дѣла развитія органовъ, различно бывающаго, дѣла слѣпаго необдуманнаго наспавленія нянюшекъ, хопите подвешти подъ общіе законы? Напрасный и во все бесполезный шрудъ, особенно въ Ришорикъ.

Предположенія ваши о происхожденіи Русскихъ причасній и пр. довольно правдоподобны (*); но, какъ сказано выше, не умѣша. Пусшь будешь все шамъ, гдѣ ему

(*) Нельзя сказать сего о вашихъ вѣроятностяхъ, помѣщенныхъ на стр. 9, I Части В. Краснорѣчія. — 1) Изъ словъ, оканчивающихся на *тель*, есть много именъ женскаго рода, напр. *добродѣтель*, *обитель*, *мятель*, *постель* и проч.; слѣдовательно слова, имѣющія сіе окончаніе не всегда означаютъ лица мужскаго пола, что у васъ сказано утвердительно и безъ ограниченія. — 2) Слова на *ость* не всѣ показываютъ *внутреннее существенное качество*; весьма многія изъ нихъ означаютъ *наружное случайное качество*; напр. *жесткость*, *шероховатость*, *гладкость*, *ровность*, *влажность* и проч. Многія существительныя, означающія предметъ, также кончатся на *ость*, напр. *гость*, *трость*, *кость*, *жмолость* и проч. Бога ради не прибѣгайте къ производству сихъ словъ отъ Греческаго и Латинскаго; я смошрю только на означаемыя ими понятія. Если присовокупите къ тому кончающіяся на *ость*, то ихъ наберется и множество къ опроверженію вашей вѣ-

должно бышь; почшо распушанное другими снова запушывашь.

Спр. 15 Вп. Под. — Главы VIII и XXIII В. Красноярчія шакже не содержатъ ничего особеннаго, новаго: все, предлагаемое вами въ нихъ, говорится и въ другихъ Рипорикахъ, хошя не съ шакою распушанношю, можешь бышь, безъ раздѣленія подобнаго вашему. Не смощрише на эшошъ разь шолько въ Рипорику Талызина, кошорая писана для верхнихъ классовъ, гдѣ спашь о *періодахъ*, *устройствѣ ихъ* и *хріяхъ*, бывъ пройдены въ нисшихъ классахъ, уже не преподаюшя.

Глава XIII В. Красноярчія ни сколько не нова по содержанию: ибо разсужденія о фигурахъ *ума*, или *разсудка*, о фигурахъ *воображенія*, или *фантазіи* и *страстей*, — разсужденія, составляющія предметъ вашихъ XIII, XIV и XV Главъ, между прочими, находяшя у Эшенбурга. Чшо вы ошлично ошъ другихъ Писателей излагаете мысли одинаковыя съ ихъ мыслями, — эшо не но-

рояшности; и шакъ помедлишь бы помѣщеніемъ ея въ Учебной книгѣ.

О вѣрояшности происхожденія словъ на *тель*, *еніе*, *остъ* и *ство* не берусь здѣсь ничего рѣшишь; эшо слишкомъ далеко увлекло бы насъ.

воспѣть. Профессоръ скажетъ что нибудь; ученикъ, перепушавъ, повторяетъ сказанное; неужели пошному-называвъ его швордемъ новаго? У всякаго въ сообщеніи мыслей своя воля; а при *самонадѣлности* (ваши слова изъ '1 Подарка), *подстрепанной самолюбіе* Сочинителя, кромѣ своей воли, онъ не знаетъ иного закона.

Такъ, М. Г. на страницѣ 15 Второго Подарка, вы распроспраиваетесь рѣчью о моей слѣпоствѣ; а сами не видите закона, шоль часто вами же самими предлагаемаго мнѣ, — что чужихъ мыслей искажаетъ и даже перемѣняетъ не должно. Въ замѣчаніяхъ моихъ написано: „*формы дѣловыхъ бумагъ можно найсти во всѣхъ Письмовникахъ*“ — (смол. 176 стр. 6 Но С. О.); вы увѣряете, что я говорю, будто *ваши примѣчанія о сношеніяхъ военныхъ и ихъ формахъ* можно найсти во всѣхъ Письмовникахъ! И шакъ, позвольте мнѣ вѣршиъ болѣе моему собственному зрѣнію, нежели вашему. Позвольте замѣшинъ, что прорицаиій я не дѣлалъ; а пошому на *Кассандру* (стр. 16) шочно шакже, какъ и на рѣзвую *Аглаю* (Под. перв.) ни волосомъ, не шолько мыслями не похожъ. Вы, напрощивъ, предрекали мнѣ жалкую неизвѣстность. Но я не шираюсь ея,

лишь бы не умереть бесполезнымъ ирруп-
тентъ.

Слр. 16 Вш. Под. — Обращаясь къ на-
чалу моихъ замечаній въ 6 номеръ С. О, и
послѣ выходки противъ Сѣверной Пчелы,
вы еще разъ своевольно искажете слова
мои. Я говорю (слр. 156, 6 № С. О.), что
ясное понятіе, не представляя (или не со-
держа въ себѣ) опланимительныхъ знаковъ
предмета, составляетъ самую высшую сущ-
ность въ познаніи и что поному, оставаясь
при ономъ, не можно съ точностію избра-
жать мысли и чувствованія, которыми при
ономъ понятіи бываемъ еще скудны. Вы же
утверждаете, что мнѣ не нравятся ясныя
понятія о предметахъ; укоряете меня свое-
нравіемъ вкуса и шѣмъ, что мнѣ не нра-
вятся также ясное солнце, ясное небо и
прочіе ясныя предметы. Сказавъ дажѣ, что
вся природа радуется свѣтлости и ясности,
выключая нѣкоторыхъ живописныхъ,
любящихъ мракъ ночи, вы рассказываете
анекдотъ изъ Квинтилиана объ одномъ на-
ставникѣ, кривою Греческою выраженіе се-
го наставника — *σκότισον, σκότισον!*

Отъ всего сердца желаю вамъ заслу-
жить за сей удачный оборотъ одобреніе
отъ всякаго умнаго и прозорливаго чело-
вѣка!

На 17 страницъ вѣснораго Подарка, вы еще разъ искажаете мои слова; и основавшись на семъ, утверждаете, что накопленіемъ многихъ *раздробленій* пошешняющъ описываемый предметъ. Объ этомъ накопленіи въ моихъ замѣчаніяхъ нѣтъ ни слова. Тамъ сказано: „богатство мыслей соспоишь въ обильномъ, раздѣльномъ и *подробномъ* (не *дробномъ*, какъ вы говорите) *синтетическомъ* представленіи знаковъ предмета;“ и далѣе „не представляя доспашочнаго, по цѣли, числа опличительныхъ знаковъ предмета, не можемъ исполняться къ нему или противъ него должныхъ чувствованій“ (см. 6 No. С. О. стр. 156). Гдѣ же рѣчь о раздробленіяхъ, охудаемыхъ Блеромъ? Съ вашей стороны *поддѣлка!*

Не защитивъ опредѣленій вашихъ (стр. 22 и 23 I Ч. В. Кр.) словамъ *древнимъ, новымъ, обыкновеннымъ* и *повсемѣстнымъ*, вы совѣшуете мнѣ и Тамызину, раздѣляя, по вашему обычаю, мое лице на два, выбросишь изъ моей Риторики спашью о Кашегоріяхъ. Ее шамъ и нѣтъ. Вамъ замѣчено мною о Кашегоріяхъ; пошому, что вы въ своемъ В. Краснорѣчіи, пошѣшили предметъ Логики, разсмошрѣніе поняшій, предложеній, сужденій и умшвованій, кошорыя

обыкновенно, для вѣрнаго разсмотрѣнія подводящагося подъ Категоріи.

Не знаю, М. Г. — пошъ ли, кто самъ, и согласно съ новѣйшими великими мужами, разсуждаешь, похожъ болѣе на слѣдороднаго, вами упоминаемаго (спр. 18 и 19 вш. Под), или пошъ, кто обращается къ писателямъ древнимъ, и безъ разбору вѣришь всему ими написанному, если пошъко не по наслышкѣ знаемъ ихъ. Опъ Аристотеля до нашихъ дней протекло болѣе двухъ тысячъ лѣтъ; въ продолженіе сего времени, Философія, испытавъ многія перемѣны, наконецъ въ наши дни сдѣлала очень замѣтный шагъ впередъ. Честъ и слава изобрѣшателей никогда не померкають; но принимають ихъ изобрѣшенія въ томъ видѣ, въ какомъ они вышли изъ ихъ рукъ и опвергаютъ усовершенствованія, сдѣланныя гениями временъ позднѣйшихъ, едва ли не значить что-то неуростительнѣйшее *видѣнія слона за клыкъ*, которое вы шакъ остроумно приводите. Сверхъ того, я думаю, что не читая позднѣйшихъ Философовъ, едва ли можно понять надлежаще Аристотеля. Напрасно вы ссылаетесь на него.

Спр. 20 и 21 вш. Под. Опредѣленія предметовъ опъ имени ихъ всегда бывають недоспащочны, часшо ведутъ и къ нецпо-

смыслъ; надежныя мочислывъ въ нихъ оплани-
 чительные сущесственыя знаки определяе-
 маго; впо оказано мною и въ замѣчаніяхъ.
 Оправдывая опредѣленія ваши *птицы* и *пре-*
смывающагося производствомъ словъ *пти-*
ца отъ Греческаго *πετ-ων* и *πετ-ωνοι*, а
пресмыкающагося отъ *сѣмыкаюся* и проч.,
 вы сибшше знающихъ *Логику*; ибо имъ
 извѣстно, что, кончая, означаемыя сими
 словами, должны быти опредѣлены не насп-
 шо для одного народа, а для всѣхъ; *Логика*
 и *Риторика* суть науки общія по предме-
 тамъ ихъ и по отношенію ихъ къ лицамъ.
 По вашему, *avis, d'oiseau, der Vogel* и проч. не
 будутъ значить того же, что и *птица*,
 послѣку ихъ корень не тошъ же глаголь
пет-ωνοι? Кроме того, если птицы, ко-
 торыя не летаютъ вовсе, или по крайней
 мѣрѣ не летаютъ *во преимуществу*; ку-
 да же вы ихъ однесете? Онъ — не птицы?
 Изъ вашихъ сужденій о *пресмыкающемся*
 произошелъ бы подобныя сему странности.

Можешь ли быти истемапическое раз-
 вѣщеніе примѣровъ, ежели въ самой наукѣ
 нѣтъ системы? Больше ничего не смѣю ска-
 зать въ отвѣтъ на 23. страницу вѣщор. По-
 дарка.

Рѣчи Амурапа III и Мамая не надле-
 жало бы приводить въ образецъ, по той

причинъ; „что ихъ произносящъ предводи-
тели ордъ, въ поощреніе соучастниковъ
ихъ звѣрства къ грабежамъ и убійствамъ;
что сіи предводители не знали Военнаго
Краснорѣчія, требующаго благородныхъ чув-
ствованій и возвышенныхъ мыслей, и что
рѣчи ихъ доказываютъ звѣрское ихъ неис-
повство“ (см. В. Красн. Частъ III, стр.
7). Надѣюсь, что послѣ сего желаннаго объ-
ясненія, вы поняли причину, по которой не
одобрено помѣщеніе сихъ рѣчей въ Воен-
номъ Краснорѣчій. Испорикъ и Учитель —
два разныхъ лица; что хорошо у Карамзи-
зна, что не всегда годится въ Учебной
книгѣ.

Рѣчи Дюка Гиза также не слѣдовало бы
приводить въ примѣръ пошому, что слова
и поступки сего вождя, коими усмирять онъ
войска свои, хотя сославляющъ небыкно-
венное, однако не образцовое, не достойное
подражанія, средство дѣйствовало въ по-
добныхъ случаяхъ. Слово: *рѣчи*, я принялъ
не въ качествѣ извѣснаго прозаическаго
рода сочиненій; иначе, я началъ бы его про-
писною буквою Р; и шакъ, вы напрасно об-
виняете Талызина въ неумѣннѣ оплечить
рѣчь ошъ анекдота.

Позвольте надѣяться, что вы прекра-
шите ваши Подарки, спующіе вамъ, какъ

видно изъ множества Писемелей, призываемыхъ вами на помощь, великихъ усилій; оставяше вашу щедрость ко мнѣ, сказавъ про себя въ послѣдній разъ Лашинокое изреченіе: *satis pro nostris recessatis!*

М. Т.

Юля 20 дня.

IV.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ПРОГУЛКА ВАТЕРТОНА ПО НѢКОТОРЫМЪ ОБЛАСТЯМЪ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ И СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ (*).

Въ одно прекрасное утро, въ началѣ 1812 года, Карль Вапернонь, родомъ изъ Вальшоень-Галля, не подалеку отъ Вакфильда, весьма богатый дворянинъ Капюдическаго исповѣданія, соскучившись нашими модными

(*) Wanderings in South America, the north-west of the United-States, in the years 1812, 1816, 1820 and 1824. With original instructions for the perfect preservation of birds, etc. for cabinets of natural history. By Charles Waterton, esq. London. 1825.

обществами и ничтожными наблюдениями о погодах, соснавяющими обыкновенно главный предметъ разговоровъ, оставилъ свое жительство и всѣ пріятности, коими можешь наслаждаться помѣщикъ Йоркширскій, не знающій радости семейственной жизни, оставилъ для того, „чтобы странствовать, какъ говоришь онъ, въ пустыняхъ обласей *Демерари* и *Эссеквебо* до границъ Португальской Гвіаны, собрать извѣстное количество самаго сильнаго лду, называемаго *вуралл* (*vougal*), наловишь красивыхъ птицъ, коими изобилуешь сія часть Южной Америки и надѣлать изъ нихъ чучель.“ Разныя предположенія свои, онъ исполнилъ безъ всякихъ неудобствъ и послѣдствій, кромя перемежающейся придневной лихорадки, на которую, по видимому, онъ обращалъ мало вниманія, хотя она продолжалась еще три года, по прибытіи его въ Англію.

Въ доказательство, что болѣзнь сія не совсѣмъ расстроила его здоровье, мы видимъ, что онъ весною, въ 1816 году, предпринялъ новое путешествіе въ славные лѣса Гвіанскіе. Проведя тамъ шесть мѣсяцевъ, онъ возвратился на свою родину „съ запасомъ, болѣе двухъ сотъ красивѣйшихъ птицъ разнаго рода, и съ довольно подробными свѣ-

двѣями о ихъ свойствахъ и дѣйствіяхъ.“
 Сія вторая поѣздка была еще счастливѣе
 первой, ибо здоровье путешественника, ни-
 сколько не поспрадало, если исключишь
 чешырдневную лихорадку, прекратившуюся
 почти непосредственно послѣ своего появ-
 ленія.

Но Г. Вапершонъ не могъ ужиться до-
 ма. Гвіана, говоря его выраженіемъ, непре-
 станно жужжала въ его ушахъ; онъ оп-
 правился въ прешій разъ въ Демерари, въ
 началѣ 1820 года. Спусти нѣсколько мѣся-
 цевъ, онъ возвратился здоровъ и невредимъ,
 и привезъ драгоценное собраніе отличнѣй-
 шихъ произведеній прехъ царствъ природы,
 и много пшичьихъ яицъ, щашельно сохра-
 нивъ свѣжестъ ихъ, чшобы можно было вы-
 весить изъ нихъ пшенцовъ въ Великобританіи,
 къ обогащенію его *Орнитологій* новыми
 видами. Къ несчастью, шаможенный чинов-
 никъ остановилъ всю коллекцію и продер-
 жалъ яйца шакъ долго, чшо наконецъ всѣ
 испортились. Г. Вапершонъ употребилъ
 много времени на хожденіе по шаможнѣ, и
 послѣ напрасныхъ шрудовъ, ему наконецъ
 дозволено было провести безъ пошлинъ шѣ
 шолько предметы, которы назначалъ для
 публичныхъ заведеній; но онъ обязанъ былъ
 плашншъ за оставленные для себя.

Съе не ожиданное огорченіе охладило его горячность до того, что онъ равнодушно сморщивъ на кукушку и ласпочку, улетавшихъ къ сшранамъ знойнымъ, не обращая даже глазъ своихъ къ Югу. „Три года, говоришь онъ, провелъ я въ сумрачномъ нашемъ климатѣ, нисколько не думая о новой повздки.“ Къ счастью для него и для любительей Естественной Исторіи, превосходное твореніе Вильсона, *объ Орнитологии Соединенныхъ Штатовъ*, твореніе, съ копорымъ ни одно изъ сочиненій сего рода въ древнемъ мірѣ не можетъ сравниться въ точности и великолѣпн, воспламенило попухающій жаръ Г. Вапертона, и онъ, въ 1824 году, отправился въ Нью-Йоркъ.

Цѣль путешествія его въ Соединенные Штаты, состояла въ томъ, чтобы занявшись изслѣдованіями о шамоннихъ клопахъ, медвѣдяхъ и буйволахъ. Чувствитель, конечно, раздѣливъ поразившее его прискорбіе, когда онъ, вмѣсто сихъ для него дорогихъ животнохъ, встрѣчилъ и шамъ мушкетерскихъ и женщинъ прекрасныхъ. И такъ, онъ успѣшилъ оставивъ сшрану споль мало занимательную и отправился въ четвертый разъ въ свои любимые Демарарскіе лѣса. Онъ снова возвратился въ

доброемъ здоровьѣ, съ большимъ и весьма важнымъ приращеніемъ для своего Музея. Не извѣстно еще, пусшишься ли въ путь передешная сія пшница въ пятый разъ, но послѣдняя фраза книги его, кажешся, въ томъ удосшовѣряетъ :

„And who knows how soon, complaining,
Of a cold and wifeless home
He may leave it, and a gain in
Equinoxial regions goim? (*)“

Чишашель, судя о поспѣшности, съ каковою Г. Вашершонъ оставилъ общество, встрѣченное имъ въ Сѣверной Америкѣ, не долженъ выводиться заключенія, что онъ недобрымъ и угрюмаго нрава. Напрошивъ, всякая страница книги его показываетъ крошечность и доброму, шихость характера и простоту сердца, съ коимъ можешь сравниться одно лишь сочиненіе любезнаго Исаака Вальсона, сего шаршины рыбаковъ. Мы можемъ привеести многія мѣста въ доказательство ѣжности, кою Вашершонъ столь щедро одаренъ отъ природы. Въ одномъ письмѣ къ *другу своему читателю*, описывая, какъ составлялъ собранія живописныхъ для Ешешественной Исторіи, онъ го-

(*) И кто знаешь, скоро ли, скучая хладнымъ и одиночимъ жилищемъ, онъ оставишь его, и опять пусшишься въ страны равноденственныхъ?

веришь: „когда заспредишь пару голубей,
 для описанія въ точности ихъ породы; по
 сдѣлай милость, не убивай шрепьяго, един-
 ственно изъ удовольствія и хвастовства,
 что ты искусный стрѣлокъ.“ Видно, нѣтъ
 ли строгихъ запрещеній, ни спорожей въ
 насѣдственныхъ владѣнїяхъ Вальшонъ-Галль-
 скихъ. Наспавленія свои, о сохраненіи
 птицъ, онъ заключаетъ сими словами:
 „если бы изложенныя мною правила заспа-
 вили испреблять живошныхъ безъ всякой
 полезной цѣли; если бы они себя побудили
 умершвишь юнаго пѣвца, щебечущаго надъ
 швоими дверями; самку, когда она согрѣ-
 ваешь дѣшей своихъ въ гнѣздѣ, или самца,
 когда приносишь въ носикъ необходимую
 для нихъ пищу, то я крайне скорбѣлъ бы,
 что написалъ оныя!“ Сказавъ собирашело
 птицъ, что если ночь заспигнешъ его въ
 дѣсу; то *свѣтлякъ* (свѣщащійся червь) мо-
 жетъ служишь ему вмѣсто свѣчи, онъ при-
 совокупляетъ: „положи его на швою кар-
 манную книжку съ бережливостію, и онъ
 будешь свѣщивъ тебѣ сколько нужно. Ко-
 гда же минуешь въ шомъ надобность, поса-
 ди его на первую, попавшуюся вѣточку;
 што будешь для него лучшею наградою за
 оказанную тебѣ услугу.“ — Безъ сомнѣнїя
 и самая чувствительность нашего дяди

Тоби усмыдишься предъ мною, которая думишь въ сѣдующемъ описаніи.

„Въ продолженіе путешествія водою изъ Буффало въ Квебекъ нашелъ я одного польско клопа, и за всѣмъ тѣмъ не смѣю утверждать, что онъ принадлежитъ Соединеннымъ Штатамъ. Плывъ внизъ по рѣкѣ Св. Давренція на параводѣ, я почувствовалъ нѣчто на шеѣ моей, и снявъ рукою, увидѣлъ, что это небольшой худенькій клопъ. Не могу навѣрное сказать, путешествовалъ ли онъ изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Канаду, или изъ Канады въ Соединенные Штаты, и хотѣлъ ли онъ воспользоваться моими плечами для переправы чрезъ рѣку. Какъ бы то ни было, я однако думалъ о дядѣ моемъ Тоби и его бабочкѣ; и вмѣстѣ того, чтобы бросить клопа въ воду и положить на него перенъ мой, я опустил его легонко на близъ лежавшія вещи, желая ему, чтобы онъ при первомъ удобномъ случаѣ вышелъ счастливо на берегъ.“

Если нравъ нашего путешественника, какъ видно, нѣсколько страненъ; то ошибою не угрюмъ. Во время пребыванія его въ Соединенныхъ Штатахъ, онъ находилъ все въ большомъ видѣ, исключая налоговъ. Онъ увѣряетъ, что мысли странствующаго по сямъ странамъ, возвышающія по мѣрѣ со-

зерцаемыхъ имъ предметовъ, и вошь какъ выражаешь онь свои мечшанія, когда держалъ разбишную ногу свою подъ низвергающеюся Ніагарою; между шѣмъ, какъ въ Англіи принужденъ былъ спавишь ее подъ насось. „Можешь бышь, присовокупляешь онь, припишущъ мнѣ непомѣрную гордоспъ, когда скажу предъ цѣлымъ свѣтомъ, чпо я излечилъ себя опъ ушиба паденіемъ воды, коей въ минушу извергаешся до 670,255 бочекъ.“ — Сія несчастная нога лишила его удовольствія, шанцовашъ съ одною прекрасною Албанскою Дамою, кошорая, казалось, произвела на сердце его сильное впечатлѣніе. Но болѣе всего онь былъ разсерженъ шѣмъ, чпо находившіеся у Ніагары мужчины и дамы, приняли ушибъ его за подагру. Нашъ презвій и цѣломудренный путешественникъ очень оскорбился шакою клеветою, припомнивъ сіи стихи:

„*Membrifragus Bacchus cum membrifragâ Cythereâ
Progenerant gnataм membrifragam podagram* (*).“

Ксшаши лежалъ на шолѣ у него альбомъ, доставившій ему случай объяснить

(*) Всеразрушающій Бахусъ съ разрушительною Цитерою произвели родную имъ членоразрушительную подагру.

нашюющую причину его хромоты. Вотъ что онъ пишетъ:

„Караъ Вашершонъ, родомъ Англичанинъ изъ Вальдона-Галла, дежачаго въ Грае-свѣ Йоркскомъ, ярибыль къ водопаду Ниагарскому въ Юль 1824 года; но къ сомальню :

„He sprained his foot and hurt histoe
On the rough road near Buffalo
Iss quite distreases him to stagger a
Long the sharp rocks of famed Niagara (*).“

Хотя Г. Вашершонъ худой Поэшь, и погрѣшаешъ прошивъ словоупотребленія для одиѣй рѣчъ, однако онъ весьма любилъ Горациа и, кажецца, съ великимъ удовольствіемъ читалъ его подъ безпредѣльною пѣнію дѣсовъ Демерарскихъ. Вообще онъ приводитъ мѣста изъ классиковъ весьма удачно. Если мѣста выписываемыя имъ суть не рѣдко обыкновенныя, то способъ примѣненія ихъ единственъ и забавенъ.

Давъ нѣкоторое понятіе о характерѣ нашего Сочинителя, спанемъ говорить теперь о его книгѣ, которая не только при-

(*) Онъ ударился пашою и разбилъ свою ногу на неровныхъ скалахъ Буффальскихъ, отъ чего и долженъ былъ вѣхрамивашъ на утесистыхъ берегахъ знаменшой Ниагары.

яшна, но содержишь въ себѣ много любопытныхъ наблюдений о Естественной Исторіи, главнѣйше же о Зоологии равноденственныхъ областей южной Америки. Мы нисколько не намѣрены порицать Г. Вашершона за то, что онъ упошреблялъ существующія въ шой спранѣ наименованія или шермины проспонародныя, вмѣсто принятыхъ Учеными по системѣ Линнеевой; ибо избранныя имъ гораздо вразумительнѣе для большей части читателей. Во время пребыванія своего во глубинѣ шѣхъ величественныхъ лѣсовъ, Г. Вашершонъ воспользовался всѣми случаями для изслѣдованія обычаевъ кичливыхъ и многочисленныхъ ихъ жилищей и для исправленія распроспранившихся объ нихъ ошибочныхъ помящій. При помощи нѣсколькихъ живописныхъ выражений, онъ весьма искусно изобразилъ блестящія произведенія царства живошнаго; описалъ ихъ свойства и обычныя дѣйствія, и съ проницательностію изложилъ новыя средства къ сохраненію ихъ по смерти. Онъ упоминаешь слегка о прѣшерпѣнныхъ имъ добровольно шрудахъ, ни сколько не высщавляя своей неуспрашимости, каковую онъ явилъ въ опасностяхъ, повому его вшрѣчавшихъ.

(*Продолженіе впрѣдъ.*)

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 7.

34. *Духъ Карамзина, или избранныя мысли и чувствованія сего Писателя, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ обзорныхъ и историческихъ характеровъ.* М. въ шипогр. Августа Семена, 1827, въ 8. 2 часши (XV—279 и 293 стр.), съ поршрешомъ Карамзина.

(Подъ симъ заглавіемъ, Г. Иванчинъ-Писаревъ собралъ мысли Карамзина о разныхъ предметахъ Философическихъ, Политическихъ и Литературныхъ, извлеченныя изъ печатныхъ сочиненій сего Писателя. Къ сему, во 2 шомъ, присовокупилъ онъ весьма многіе опрывки изъ Исторіи Государства Россійскаго. Мы должны думать, что цѣль сихъ извлеченій была та, чтобы краснорѣчивыми опрывками изъ швореній

Писателя знаменитаго, заманишь людей лживыхъ и считающихъ чтеніе шрудомъ непреодолимымъ, къ проченію всѣхъ двадцати томовъ сочиненій Карамзина; и въ самомъ дѣлѣ, въ комъ не возбудится охота прочесть все то, что написалъ человекъ, умѣвшій шакъ сладко, шакъ убѣдительно говорить уму и сердцу? Кшо будешь равнодушенъ къ швореніямъ шого Писателя, кошорый, подобно искусному и дѣшательному обрѣшателю сокровищъ, раскрылъ передъ нами всѣ богатства, всю гибкость превосходнаго языка Русскаго? Лешь умолкаешь за гробомъ; но удивленіе и благоговѣніе къ заслугамъ истиннымъ мужа славнаго, переживающъ временное его существованіе; мы, по чувству и убѣжденію, не перешанемъ повторять: Карамзинъ оказалъ незабвенныя услуги Россійской Словесности. Пусть же юные наши соотечешвенники любуются и восхищаются имъ въ изданныхъ нынѣ опривкахъ; но пусть учаща писашь и чувшвовашь, какъ онъ, изъ полныхъ его швореній, въ кошорыхъ онъ завѣщалъ намъ драгоцѣнное наследштво своихъ дарованій.)

35. *Госницкій. Историческій Романъ, съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ .Запо-*

рожденья. Соч. И. Т...в. — М. въ шит. Императорскаго Московскаго Театра, 1827. Въ малую 12 д. л. 211 стр.

(Валперъ-Скоттъ подаетъ Литераторамъ весьма соблазнительный примѣръ — пишетъ историческіе романы, т. е. мѣняютъ истинныя событія съ вымыслами. Самъ онъ превосходно пишеть такіе романы, потому что совершенно знаетъ Меторію среднихъ и новѣйшихъ вѣковъ, хорошо выкаемъ въ характеры историческихъ лицъ, имъ выводимыхъ на сцену, еще лучше выкаемъ въ человеческое сердце; прибавимъ къ сему, что нравы, обычаи и повѣрья истинныя, особливо Шотландіи, его родины, извѣсны ему во всей подробности; что онъ одаренъ богатыми, выскимъ воображеніемъ, которое оживляетъ подъ перомъ его лица, давно уже не существующія, происшествія и преданія вѣковъ прежнихъ. Мудрено ли послѣ всего этого, что романы его плѣняютъ воображеніе и обольщаютъ умъ чинашелей, даже самыхъ образованныхъ? что самыя вымыслы въ историческихъ его романахъ, кажутся истинными, или по крайней мѣрѣ вѣроятными? Но, повспоримъ, примѣръ такой соблазнитель: надобно имѣть дарованія Валпера Скотта, чтобы успѣть въ семъ трудномъ родѣ сочиненій. Изъ подражаніе-

лей его, за исключеніемъ развѣ одного Купера, почти все другіе не достигли и стѣни нѣхъ краснѣ, какими обильны романы сего Писателя. Даже самъ Куперъ еще весьма далекъ отъ неподражаемаго образца своего. Что же скажемъ о шотландцахъ, безцвѣтныхъ ему подражаніяхъ нѣкошорыхъ Французскихъ романистовъ? и наконецъ, что скажемъ о попыткѣ въ семь родѣ романовъ, написанной къ-шо изъ Русскихъ, подъ вышеобъявленнымъ заглавіемъ?... То, что сказали бы мы о начинающемъ учиться рисованію, кошорый, едва научась невѣрною рукою дѣлать абрисы, вздумалъ бы вдругъ писать картины въ родѣ Корреджіо или Аннибала Караччи: ни композиція, ни правильности въ рисунокѣ, ни живости и вѣрности въ колоритѣ, ни умѣнья въ сліяніи свѣта съ тѣнью. Примѣняя сіе уподобленіе къ роману: *Госницкій*, скажемъ, что въ семь романѣ нѣтъ ни правдоподобія, ни связи въ произшествіяхъ, ни сколько нибудь ошпѣенныхъ характеровъ, ни удовлетворительной развязки. Не понимаемъ шакже, почему въ заглавіи сказано: „съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ Запорожцевъ;“ этого описанія вовсе мы не находимъ въ романѣ, ни ошдѣльно, ни въ связи съ цѣлымъ повѣ-

спизованіемъ. Зажженныя смолянныя бочки и слова *пань* и *хуторъ*, не могутъ сослывишь описанія нравовъ и обычаевъ какого-либо народа.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XVI.

I.

С Л О В Е С Н О С Т Ъ.

О дѣйствии Словесности и Искусствъ
на характеръ народа (*).

Между различными обстоятельствомъ, дѣйствующими какъ на характеръ народа, такъ и на славу и благосостояніе его, Словесность, Наука и Искусства имѣютъ не малую силу. Вся народы и племена, въ которыхъ мы имѣемъ какоенибудь свѣдѣніе, носятъ на себѣ печать религіи и правительствъ; но Словесность и Искусства составляютъ особенное и явное отличіе народа образованнаго. Безъ помощи Словесности, умъ человеческій распочаесть и

(*) Изъ книги, подъ заглавіемъ: *Considerations on the effects of physical and moral causes on the character and circumstances of nations*, by J. Bigland. London, 1816. (Разсужденія о дѣйствіяхъ физическихъ и нравственныхъ причинъ на характеръ и обстоятельства народовъ, сочиненіе Г. Бигланда. Лондонъ, 1816).

повреждаетъ понятія, сообщенныя ему для употребленія; благороднѣйшія способности его безъ образцовъ и матеріаловъ, не могутъ обнаружиться силъ своихъ. Безъ умственной дѣятельности, ни одинъ народъ никогда не былъ великъ или знаменитъ. Если бы не было Академіи Платоновой и Лицея Аристотелева, то Аѳины давно уже обречены были бы забвенію.

Одинъ Философъ послѣдняго столѣтія объявилъ свое мнѣніе, что Словесность, Искусства и навыки, ими производимые, будутъ губительны для Европы, и что просвѣщеніе повреждаетъ нравственность (*). Странное сіе предсказаніе обнаруживаетъ одну слабость въ разсудкѣ Сочинителя и ограниченныя понятія его о жизни и нравахъ человѣческихъ. Одинъ изъ величайшихъ Философовъ и Орашоровъ древности разсматриваетъ сей предметъ совершенно въ другомъ видѣ и превозноситъ просвѣщеніе и Философію самыми громкими хвалами (**). Посредствомъ Словесности мы умножаемъ свою омышленность; напуществуемые Словесностію, мы живемъ въ вѣкахъ давно прошекшихъ и въ спранахъ ошдаленныхъ; но безъ

(*) Rousseau, Emile, tom. 3. p. 163.

(**) Cicero, Tusc. Quest. 5.

руководства ея, мы ограничиваемся тѣсными кругомъ наблюденія и бытіемъ крашковременными. Науками и Искусствами замѣляющся недоспѣшки сила челоѵка и способности его увеличивающся почти до безпредѣльности: мы преплываемъ менаѵримые океаны, воздвигаемъ великолѣпныя зданія и совершаемъ безчисленныя шворенія, о какъ необразованный варваръ не можешь имѣть никакого понятія. Созерцая чудеса, производимыя челоѵчскимъ искусствомъ, мы необходимо должны признашь истину Баконтова афоризма, что „знаніе есть сила.“ Превосходныя знанія болѣе, нежели превосходная сила, содѣлали Европейцевъ въ снодѣ корошкое время владыками новаго свѣта и доставили способы горести Англичанъ покорить своей власни снодѣ обширную часть Индіи. Словесность, Науки и Искусства возводятъ людей отъ слабости къ силѣ, и отъ дикаго невѣжества на снодѣ высочайшаго разумнія.

Всѣ вообще люди на видныхъ и возвышенныхъ степеняхъ, жадаютъ оставишь по себѣ памятникъ своего существованія: желаніе естественное и могущее произвести общую пользу. Оно можешь отвращать отъ порока, уснределять къ добродѣтели и одушевлять правншей міра благородною

равношю , предшавала имъ въ опдаженно-
 сти память и славу въ попоменьв. Сло-
 весность предаешь дяннн людей въчности
 и спасаешь имена ихъ отъ забвенн; „но
 когда глыбы кургана размешаны и надгроб-
 нне камни низпровержены; но слава дикаго
 погибаетъ навъки“ (*). Ежели мы помы-
 слимъ о множествв Царей и Полководцевъ ,
 память конхъ изглажена съ лица земли вре-
 менемъ , не оставившимъ никакихъ свдговъ
 ихъ сущесшвованн въ лъпонислхъ рода че-
 ловънскаго; ежели мы разсудимъ , что всв
 дяннн и предпрншн ихъ погребены въ без-
 молвн ввковъ , то мы не можемъ не видвтъ
 достоинства Словесности и права ея на
 покровительство и поощренн (**). Она за-
 служиваетъ въ равной степенн вниманн
 Государей и ихъ подданныхъ; ибо повъснво-

(*) Сие выраженн почерпнуто изъ Торнеровой
 Исторн Англо-Саксовъ (History of the Anglo-Saxons),

(**) Vixere fortes ante Agamemnona

Multi; sed omnes illacrymabiles

Urgentur, ignotique, longa

Nocte, carent quia vate sacro.

Hor. Lib. 4. Od. 9.

И прежде Агрида могущн жили ,
 Но слава ихъ гаснешъ во мракв ввковъ :
 Они неоплаканны въ гробъ почли ,
 Они не имли священныхъ пвцовъ .

ваніе или воспоминаіе, шакъ же какъ и зрѣдище великихъ дѣяній, возвышаешь душу и воспаменяешь благородную ревность. Какъ намятники прошекшихъ времяъ и преддѣльшихъ героевъ, Исторія и Поэзія имѣють рѣшищельное преимущество надъ живописью и ваяніемъ: памятники послѣднихъ могутъ существовать въ немногихъ шолько мѣстахъ; они подвержены различнымъ приключеніямъ; когда время обезобразитъ ихъ или разрушитъ, шо трудно возстановишь ихъ въ первобыщное совершенство: но память, преданная потомству Словесностію, избѣгаетъ поражений времени, разливаясь безпредѣльно и возобновляясь непрестанно.

Пѣсни первобыщныхъ Поэтовъ были во всѣхъ почти странахъ, исключая, можетъ быть, Египеть, первоначальнымъ источникомъ и основаніемъ Исторіи (*). Ими темныя преданія великихъ дѣяній и важныхъ событій были възяемы народному воспоминанію и передаваемы отъ поколѣнія къ поколѣнію. Гомера можно почищать какъ первобыщнымъ Историкомъ, шакъ и древ-

(*) Не видно, чтобы у Египтянъ процвѣтала когда либо Поэзія. Смощи Russel's Hist. Anc. Eur. vol. I. p. 117.

лѣйшимъ Поэтомъ Греческимъ. Пришествіе Энея въ Италію и происхожденіе Ромула ошь героевъ Троіанскихъ, споль превосходно воспѣшья Виргиліемъ и споль шормественно описываемья Ливіемъ и другими Римскими Историками, сушь повѣсти, пропшекающія изъ преданія сомнительнаго. Саксонъ Грамматиць, въ своей знаменитой Скандинавской Исторіи, сѣставиль изъ приключеній, рассказываемыхъ древними Скальдами, изъ надписей на памяшникахъ и изъ другихъ неполныхъ и несвязныхъ матеріаловъ, повѣствованіе, коего превосходная опдѣлка побуждаешъ просвѣщеніе и вкусъ, почши невольню забышь баснословную его основу и хипрое сложеніе. Замѣнивъ собственнымъ своимъ изобрѣшеніемъ недоспашокъ связи и лѣпосчисленія, онъ сочиниль вымышленную хронологію и подариль Даніи знаменитую Исторію, приведенную въ порядокъ двадцати чешырехъ царствованій до Христіанскаго лѣпосчисленія. Въ семь онъ подражалъ Годфриду Монмаушскому (*), ко-

(*) Годфридъ Монмаушскій и Саксонъ Грамматиць были почши современники. Годфридъ кончиль свою Исторію около 1140 года по Р. Х., а Саксонъ Грамматиць умеръ 1208 году по Р. Х., имѣя онъ роду около семидесяти лѣтъ.

нирий собравъ Поэмы Шотландскихъ Бардовъ, привелъ ихъ въ правильное повѣствованіе и, съ помощію надовиннаго воображенія, призывалъ Брута изъ Трои, чшбы сообщалъ своему отечеству блестящее происхожденіе и священную древность.

Почти въ каждой странѣ Поэзія предшествовала Исторіи. Кельтскіе Барды сопровождали своихъ Царей и Полководцевъ, повѣствуя о ихъ происхожденіи, воспѣвая имъ хвалы и прославляя дѣянія знаменитыхъ мужей. Въ воинскихъ походахъ, кромѣ обязанности ихъ одушевлять ранниковъ, они были упошребляемы, какъ Историки бранимыхъ подвиговъ и пѣсни ихъ, въ послѣдшіе времени, были почитаемы вѣрнѣйшими хранилищами историческихъ событій(*). Поэзія существовала у всѣхъ даже варварскихъ народовъ. Готскіе племена мало различествовали одно отъ другаго въ своихъ понятіяхъ и обычаяхъ. Саксонцы, Франки,

(*) Корданиерово введеніе къ извлеченіямъ изъ Торфея, стр. 124. Фермондъ Торфей былъ уроженецъ Исландіи, и отличныя его способности доставили ему покровительство Фридерика III, Христиерна V и Фридерика IV, Королей Датскихъ. Онъ умеръ около 1710 года т. Р. Х., осьмидесяти одного года отъ рожденія.

Данчане и Норманны имѣли своихъ Пов-
повъ и арфисневъ (harpers), конхъ пѣсни
въ послѣдствіи были измѣняемы общо-
щельствами шѣхъ спранъ, въ кошорыхъ они
водворились. И Англо-Саксы, шакъ какъ и
Французы, имѣли свои мѣрные романсы (*).

Какъ Поэзія была первою оспраслію
Словесности, кошорою занимались; по она
имѣла самое сильное и повсемѣстное дѣй-
ствіе на умы варваровъ. Всѣ народы ощу-
щали ея дѣйствіе на воображеніе и почти
каждый человекъ можетъ быть свидѣтелемъ
ея могущества. Но сила оной всегда бы-
ваетъ гораздо очевиднѣе у варваровъ, кошо-
рыхъ умственныя способности грубы, ко-
шорыхъ воображеніе живо и пламенно, а
спрасни легко возбуждающся. Между обра-
зованными людьми дѣйствіе ея не столь
ощущительно, ибо они шребуютъ болѣе до-
водовъ и доказательствъ, нежели восшор-
говъ, и разсмашривающъ основательность
причинъ и вѣроятность успѣха прежде, не-
жели рѣшающся дѣйствовать. Впечатлѣнія,
производимыя Поэзіею, раждающся не ошъ
одного спрадашельнаго ощущенія изображе-
ній, ею предшавляемыхъ, не ошъ чувствій,

(*) Ellis' Specimen of English metrical Romance,
vol. I. Sect. I.

ею внушаемых; но отъ естественной деятельности ума, которую Поэзія возбуждаешь. Поэзія действуюешь, приводя въ движение мысли и чувствованія, пробуждая въ душѣ множество живыхъ волненій (emotions) и поощряя воображеніе творишь разительныя идеи; почерпнушыя изъ обстоятельствъ житейскихъ и означенныя красками пламенныхъ страстей или стремительныхъ склонностей.

Когда жизнь Поэта есть опголосекъ знакомыхъ чувствованій, то она разливается въ воображеніи множество прогательныхъ движеній. Обитатели сѣвера употребляли Поэзію какъ для возбужденія народа къ войнѣ, убійству и хищенію, такъ и для воспоминанія о воинственныхъ его подвигахъ; и едва ли могли изобрѣсти они сильнѣйшее орудіе для достиженія своей цѣли. „Барды, говоритъ Гиббонъ, привлекали вниманіе всѣхъ покушавшихся изслѣдовать древности Кельтовъ, Германцевъ и Скандинавовъ. Гений и характеръ Бардовъ, такъ какъ и уваженіе, оказываемое званію ихъ, доспашочно объяснены. Но мы не можемъ споль легко выразишь или даже поняшь воинственного испушенія, которое они воспламеняли въ сердцахъ людей, приобыкшихъ къ бранямъ и убійству, и увеселявшихся звукомъ

оружія. У просвѣщеннаго народа вкусъ господствующій въ Поэзіи, служитъ болѣе къ забавѣ воображенія, нежели къ возбужденію душевныхъ спраспей. Однако, перечитывая въ стихомъ уединеніи бившвы, описанныя Гомеромъ и Тассомъ, мы нечувствительнао увлекаемся вымысломъ и предаемся минушному ощущенію воинственнаго жара. Но сколь слабо, сколь холодно ощущение, которое мирная душа получаетъ отъ уединеннаго занятія! Барды же въ часъ бившвы или среди побѣднаго пиршества прославляли героевъ времени прошедшихъ, предковъ ихъ вождей браволюбивыхъ, которые съ воспоргомъ внимали ихъ безыскусственной и одушевленной гармоніи. Видъ оружія и опасности усугублялъ дѣйствіе воинственной пѣсни, и спрасши, ею возбуждаемыя: жажда славы и презрѣніе смерти, были обыкновенными чувствованіями Германской души (*).“ Врѣне сего изображенія, ничто не можетъ намъ предсавишь разности впечатлѣній, производимыхъ Поэзією на умы варваровъ и людей образованныхъ.

Съ религією, воинскимъ духомъ, политикою и нравами Скандинавовъ пѣсно соединена была ихъ Поэзія: слава и ечасніе

(*) Gibbon, Dec. Rom. Emp. Vol. I. chap. 9. p. 574.

ихъ были на ней основаны. Сохранить и продлить память бранныхъ подвиговъ за предѣломъ крашкременнаго бышяго человѣческаго, было дѣломъ самымъ важнымъ у воюющихъ временъ древнихъ. Надежда, занявъ почетное мѣсто въ памяти грядущихъ поколѣній, одушевляла патриотовъ и героев Греціи и Рима; она же спрасивъ владычествовала во всей своей силѣ надъ Сѣверными варварами. Отъ могущества Поэзіи, отъ рашной пѣсни Скальда, умирающій воинъ ожидалъ продолженія своей славы, и немногіе народы занимались симъ искусствомъ съ бѣльшимъ воспоргомъ, съ бѣльшимъ жаромъ, съ бѣльшею силою, какъ Скандинавы (*).

„The them was glorious war, the dear delight
Of shining best in field and daring most in fight.“

Penrose.

Дышали пѣсни ихъ войной —
Оспрадой сладкою героя,
Кто зашмѣваешь всѣхъ красой
И всѣхъ ошважишь средь боя.

Дѣйствіе Скандинавской Поэзіи было усилено ея мнимо-небеснымъ происхожденіемъ. Полагали, что божество ихъ, называемое Брага, обитаетъ въ чертогахъ Вал-

(*) Смощри Mallet's North. Antiq. Томъ I. стр. 223, и пр.

галы; покровительствовало Поэзия и Музыка и одушевляло Скальдовъ, копорыхъ воинскія пѣсни осплчались исполнискимъ и дикимъ величіемъ, соопвѣшшующимъ свирѣпой и кровавой ихъ религій. Ни одинъ воиншель не осправлялся въ походъ безъ своихъ Скальдовъ, копорыхъ обязанность была воспѣвать его подвиги и одушевлять его ратниковъ (*). Воинскимъ пѣснямъ ихъ Скандинавскій герой былъ одолженъ своею славою; и дабы сплжашъ шакое пошическое безсмертіе вмѣстѣ съ ожидаемымъ блаженствомъ въ чершюгахъ Одина, онъ жерпвовалаъ своею жизнью съ испушленіемъ и неуспрашимостью, въ новѣйшія времена неизвѣспными.

Послѣ шого, какъ сѣверные народы были обращены къ Христіаншву и оказали нѣкопорые успѣхи въ образованіи, нравы ихъ сдѣлались менѣ суровы и кровожадны. Поэзія ихъ приняла шакже нѣанѣйшія краски ошъ измѣненія гражданскихъ обшпельствъ. Дикое и ужасное величіе Поэмъ Скандинавскихъ замѣнено было привлека-

(*) Bartholinus. De Causa Contemp. Mortis a Danis. lib. I. cap. 8. Баршолинъ сохранилъ одну изъ древнихъ пѣсень, копорыми Скандинавы одушевляли своихъ воиновъ и возбуждали ихъ къ ошвааннымъ подвигамъ.

ительный и нини предесими. двскопънїа (pau-
 straisy). Но укоренившїеся обычаи не скоро
 истребляющїеся и древнїа помянїа не легко
 изглаживающїеся. Минспрели (нѣвцы) сред-
 нїхъ вѣковъ, подобно Кельцекимъ Бардамъ
 и Скандинавскимъ Скальдамъ, находясь при
 Государяхъ и феодалныхъ (вождяхъ) обязанн
 были не только выводить происхождение
 ихъ, прославлять подвиги и воспѣвать имъ
 квалы, но и возбуждать мужество воиновъ
 и Вассаловъ. Галлиферъ, знаменитый Мин-
 спрель, сопровождал Вильгельма Завоева-
 шеея во время Гаспнигской битвы и
 предводительствовалъ Норманскими войска-
 ми, воспѣвая нѣсь въ честь Карла Велика-
 го, Роланда и Оливера (*). Двенадцатое и
 принадлежнющее оснадцатїа были самое бли-
 стательное эпохою Минспрелей; но они
 процѣвшали и въ продолженїе нѣсколькихъ
 послѣдующихъ вѣковъ (**). Однако обычаи
 времени и духъ Поэзіи были измѣнены ус-
 пѣхами образованїа и благошворнымъ дѣй-
 ствіемъ Христіанства. Великодушїе начали
 соединять съ мужествомъ, и сосраданїе по-

(*) Ellis' Specim. Eng. Metrical Romance, vol. 1,
 sect. 1.

(**) Морлаки до сего времени видють своихъ нѣв-
 цовъ, и безъ нихъ не бываетъ никакого праздника.
 Смощи Cassa's travels, part. 1.

чиняше неразлучнымъ спутникомъ храбро-сти. Хетя пѣснь Минспреля гремѣла угроза-ми врагамъ повелителя его, но вмѣстѣ съ нѣмъ вѣхала чувствованіа милосердіа къ покор-нымъ и не предполагала ни одной изъ нѣтъ ужасныхъ каршинъ ненаскитнаго убійства, хищничества и онушенія, которыми опи-сываютъ Поэзію Скандинавскую.

Барды и арисши (hæfers) Валлійскіе, Ирландскіе и Шотландскіе носили то же званіе и исполняли ту же должность, какъ Минспрель въ Англій и на шведской землѣ. Изъ нихъ Валлійскіе Барды приобрѣли величайшую знаменитость. Съ помощію прорицаній Мерлина, они возбуждали своихъ соотечественниковъ къ успешному сопротивленію въ ущельяхъ родныхъ горъ Саксонскому, а въ послѣдствіи Норманскому на-гуществу до тѣхъ поръ, пока Эдуардъ I не покорилъ ихъ своей власти (*). Пѣсни ихъ, также и Минспрелей, были смягчены ду-хомъ Христіанства, и не представляли уже кровавыхъ каршинъ первоначальной Кельтской Поэзіи, но были довольно воинствен-ны, чтобы одушевить народъ всѣмъ жаромъ мужества и любви къ отечеству.

(*) Г. Джонсъ отвергаетъ обще принятое мнѣніе, что Эдуардъ I предалъ смерти всѣхъ Валлійскихъ Бардовъ. Hist. Brecknock, vol. 1. chap. 8.

Дѣйствія Поэзіи и музыки на умы горныхъ Шотландцевъ (Highlanders) были замечены многими Писателями. „Не возможно вообразить, говоритъ Г-жа Мюррай, какое дѣйствіе Гальская музыка имѣетъ на горныхъ Шотландцевъ; когда они гребутъ веслами, молотятъ, валяютъ сукна, или занимающа другими трудными работами, по ихъ пѣвьямъ и пѣсни, кажется, придають силу всѣмъ мускуламъ ихъ тѣла (*).“ Звуки и понятія производятъ самое сильное впечатлѣніе на душу, когда они совершенно постигаются разумомъ и имѣютъ связь съ знакомыми обстоятельствомъ или занимательными происшествіями; Поэзія же горныхъ Шотландцевъ принадлежитъ къ такому роду.

Всѣ разумныя существа, кажется, подлежатъ силѣ сопряженія понятій, и отъ сего источника происпекаетъ дѣйствіе Поэзіи и музыки на страсти и склонности. Изображенія, которыя находятъ зеркало въ каждой душѣ, и чувствованія, обрѣтающія въ каждой груди отголосокъ, должны непременно произвести глубокое впечатлѣніе. Отъ такихъ изображеній и отъ такихъ

(*) Mrs. Murray's Scotland, vol. 2. p. 365. Смотри также Mrs. Graint's Highland. vol. 2. p. 135.

чувствованій, соединенныхъ съ знакомыми и родными зрѣлищами, знаменитая пѣсня: *Renz de Vaches*, долучила свое дѣйствіе на умы Швейцарскихъ солдатъ, находящихся въ иностранной службѣ. Сіе піишическое произведеніе, хотя оно исполнено живыхъ и прогашельныхъ картинъ, не возбудишь въ обитателей другой страны особеннаго душевнаго движенія (*emotion*); но дѣйствія пѣсни на Швейцарскихъ солдатъ въ земляхъ иностранныхъ, особенно на молодыхъ рекрутъ, столь разительны, что передъ Французскою революціею запрещено было пѣть ее въ Швейцарскихъ полкахъ, служившихъ Франціи. Каждый разъ, когда нѣсколько молодыхъ солдатъ увеселялись пѣніемъ сей прогашельной пѣсни, замѣчаемо было, что непремѣннымъ послѣдствіемъ сего были или побѣги, или нѣкошорый родъ шоски по родимой сторонѣ. Сей родъ душевнаго недуга, кошорый Французы называютъ: *Maladie du pays*, часто не иначе можешь быть исцвляемъ, какъ дозволеніемъ юному воину еще насладишься взглядомъ на опечесшвенную сторону и на мѣста, бывшія свидѣтелями юношеской его жизни. Сія знаменитая пѣснь, кошорая столь длинна, что здѣсь нельзя помѣстить ее въ цѣлосці, начинаешся слѣдующимъ образомъ:

Quand reverrai-je en quelque jour
 Tous les objets de mon amour?
 Nos clairs ruisseaux,
 Nos coteaux,
 Nos hameaux,
 Nos montaignes,
 Et l'ornement de nos montaignes
 * La gentille Isabeau?
 A l'ombre d'un ormeau,
 Quand danserai-je au son du chalumeau, etc.

То еспь:

Когда я увижу въ родной споронь
 Опяшь всь предметы, споль милые мнѣ?
 Наши долины шелковы;
 Наши ручьи и дубровы,
 Хижины наши и горы,
 Гдѣ, горь красоша, Изабелла цвѣшешь?
 Когда я съ подругой спыдливой
 Вишашюсь плясать въ круговой хороводь,
 Подъ стѣню вяза, при зеркаль водь,
 Подъ звуки свирѣли игривой? и пр.

Изъ сего образца чишашель ясно усмо-
 пришь главный характеръ сей умилитель-
 ной пѣсни, въ кошорой повсюду ошкрыва-
 юшся пѣ же живописныя карпины и ша
 же сила романшическаго чувспва. Но жи-
 шель другой страны не легко поймешь, съ
 какимъ могущесивомъ поражаеть она въ
 нѣкошорыхъ случаяхъ воображеніе Швей-
 царца.

Эпо, можеть бышь, единственнй при-
 мвррь, чшобы новйшая Поэзія могла произ-
 водить шоль сильныя и чудныя дйствія.
 Могущество ея, кажеться, происходитъ ошь
 мвсныхъ свойствъ страны, къ копорой
 она относитъся; и ошь обстоятельство общ-
 ественной жизни обитателей оной. Швей-
 царя сходствуетъ съ горною частію Шот-
 ландіи; но виды ея величественнѣе; многіе
 изъ округовъ ея, огражденные со всѣхъ сто-
 ронъ ужасными горами, ревущими водопада-
 ми и всѣми высокими явленіями природы,
 представляются какъ бы отдѣльными ошь
 прочаго міра. Ошь простыхъ обычаевъ до-
 машней жизни, въ сихъ уединенныхъ при-
 спанищахъ, жители получаютъ особенныя
 понятія и характеръ. Когда Швейцарскій
 рекрутъ переступаетъ во Францію, по
 очаровательныя картины родныхъ долинъ
 исчезаютъ ошь очей его, но остаются впе-
 чатлнными въ памяти и воображеніи и
 пвсно сопрягаются съ воспоминаніями се-
 мейственными. Ограниченія, также и спро-
 га подчиненность военнаго состоянія, весь-
 ма отличны (ошь прочаго) и непринуж-
 деннаго образа жизни, проведенной имъ въ
 нѣжной юности, и заставляють его силь-
 нѣе чувствовать удаленіе ошь отечества.
 Посему пвсь, представляющая картины,

списанныя съ явленій прѣжней его жизни, и исполненная родныхъ чувствованій, поспрясаешь всѣ струны души его и производишь въ умъ его глубокое впечатлѣніе.

Народныя пѣсни составляютъ родъ Поэзіи, который въ каждой странѣ имѣешь самое сильное и обширное дѣйствіе. Онѣ распространялись между всеми сословіями народа: онѣ одушевляють мореходца на корабль, ремесленника въ мастерской его и поселанина, сѣдующаго за своимъ плугомъ. Пѣсни и баллады какой нибудь страны имѣють, вѣроятно, такое дѣйствіе на нравы и обычаи и даже на правила обитателей ея, какое только можешь имѣть постороннее обшество. Каждый, кто имѣлъ случай, долженъ былъ замѣтить, сколь много безстыдныхъ и вакхическихъ пѣсни людей развращающихъ, способствуютъ поселенію охоты къ гнусному распуску, и сколь сильно священныя гимны возбуждають душу къ благоговѣнію. Не болѣе, какъ за полшотландія предъ симъ, народныя пѣсни: *The Highland Laddie*, (Шотландская барыня), *Over the Water to Charley* (Черезъ воду къ Карлу) и другія, столь же возмущительныя, содѣйствовали къ подкрѣпленію духа Якобинскаго скопища, кошораго безумныя поборники мечтали низринуть самую благодѣтельную

*

изъ всѣхъ династій, царствовавшихъ надъ Англією, и возстановишь на престолъ домъ, бывший всегда враждебнымъ правамъ Англійскаго народа. Вѣрнопоподданническія и патриотическія сочиненія *God save the King* (Боже, спаси Царя), *Rule Britannia* (Управляй Бришаннією), и проч. свидѣтельствуютъ и возбуждаютъ привязанность Бришанцевъ къ своему Монарху и Отечеству. Марсельскій гимнъ и одушевленная пѣсня *Ça ira*, съ другими республиканскими аріями и пѣснями, содѣйствовали къ воспламененію народа мятежной (*revolutionary*) Франціи на всякое дерзновенное предпріятіе и всякое злодѣйство (*).

Драматическая Поэзія, хотя и менѣе распространившаяся, нежели народныя баллады, имѣетъ сильное дѣйствіе на значительную часть общества. Театральныя представленія, получающія въ какой-либо странѣ величайшую народность, не только служатъ довольно вѣрнымъ признакомъ народнаго вкуса, но способствуютъ также къ образованію народнаго характера. Во

(*) Занимательно было бы и не бесполезно перечислить собраніе пѣсней, бывшихъ во всеобщемъ употребленіи у различныхъ народовъ въ продолженіе послѣднихъ пошрясеній.

Франціи, передъ началомъ революціи, драматическія сочиненія имѣли, по большей части, свойство враждебное Монархіи; и изсшупленное рукоплесканіе, возбуждаемое республиканскими характерами Греціи и Рима, показывало соспояніе общественнаго духа. Въ продолженіе республиканскаго періода, сцена находилась совершенно подъ распоряженіемъ Правительствъ; и многочисленныя театры Парижскіе служили къ одушевленію собиравшихся тамъ зрителей чувствами вѣчной непріязни къ Королямъ. Императорская власть Наполеона произвела другую переменъ; и всѣ предметы республиканскаго свойства были изгнаны со сцены. Всякая переменъ въ Правительствѣ Франціи, была непосредственно предшествоема или послѣдуема соотвѣствующимъ оной измѣненіемъ въ драмѣ.

Поэзія производитъ самое сильное впечатлѣніе, когда бываетъ сопровождаема музыкою. Сія послѣдняя доставляла ей новую силу возбуждавъ душу къ возвышеннѣйшимъ ощущеніямъ. Лирическія произведенія Грековъ, кромѣ возвышенности и красоты ихъ, копорыми они поражали душу и пѣняли сердце, пользовались еще содѣйствіемъ музыки (*musical accompaniments*), удивительно приспособленной къ усиленію одушевленія,

ими воспламененнаго. И они обыкновенно раздавались среди торжественныхъ празднествъ и общественныхъ увеселеній, гдѣ блескъ, шумъ и величіе зрѣлища способствовали къ возбужденію самыхъ сильныхъ чувствованій патриотизма.

Могущество звуковъ извѣстно между всѣми народами, какъ дикими, такъ и образованными. Способъ дѣйствія ихъ есть естественная задача въ Физикѣ; но впечатлѣніе, ими производимое, дослѣдочно извѣдано и сильно ощущается; очевидно, что природа соединила съ ними извѣстныя душевныя движенія (emotions), которыми возбуждаются или умишаются всѣ страсти души. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ простые звуки производящъ столь же сильное дѣйствіе, какъ и самыя обработанныя сочиненія. Дикіе Американцы возбуждаются къ сраженію и убійству воинскимъ крикомъ, такъ какъ древніе Кельты и Скандинавы были къ тому воспламеняемы бранными пѣснями своихъ Бардовъ и Скальдовъ. Онь сего-то происходишь, что всѣ образованные народы имѣють военную музыку, столь одушевляющую солдатъ, между тѣмъ, какъ дикія племена замѣняютъ сырыми воплями недослѣдковъ музыкальныхъ орудій и искусства.

Между просвѣщенными и образованными народами, Пѣззія и всякаго рода Словесность производящъ могущественное, но вообще благошворное дѣйствіе. Словесность, кромѣ того, что передаетъ попомощву знаменитыя имена и благородныя дѣянія, служишь еще хранилищемъ искусствъ и наукъ, распространяешь ихъ до безпредѣльности и облегчаешь постоянное ихъ усовершенствованіе, собирая и увѣковѣчивая опкрытія и опытность нѣсколькихъ поколѣній.

Словесность, подъ руководствомъ генія, просшираешь свое дѣйствіе по всему одушевленному міру. „Сколь невѣроятно,“ говоришь Юнгъ, „могущество великихъ дарованій! Сколь многія женщины, прелестныя, какъ Лаура, были любимы споль же нѣжно; но, не имѣя Петрарки къ прославленію нѣжнаго чувства, жили и умерли въ забвеніи, между шѣмъ, какъ тысячи людей, одушевленные спроками его, необреченными смерщи, и чувствованіями, кошорыя токмо геній возбудишь можешь, смѣшивающъ мысленно свои помные вздохи со вздохами Поэша, посвятившаго ошашки сіи безмерщю.“ (*) Топъ же писашель, говоря о Во-

(*) A. Young's Travels in France, jour. August 29, 1788.

клязскомъ источникѣ и о развалинѣ, копорую простой народъ называетъ le Château de Petrague (т. е. Пепраркинъ замокъ), дѣлаешь основательное и показывающее вкусъ замѣчаніе объ очарованіи, сообщаемомъ словесными дарованіями неодушевленными предметамъ. „Зрѣлище,“ говоришь онъ, „величественно; но его дѣлаешь истинно занимательнымъ знаменитость, сообщенная ему великими дарованіями. Очарованіе скалъ, воды и горъ, въ ихъ разишельнѣйшихъ чертахъ, оспанавливая вниманіе и наполняя сердце протгательными ощущеніями, не происходитъ отъ неодушевленной природы. Чтобы сообщить силу такимъ ощущеніямъ, она должна получить одушевленіе отъ шворческаго прикосновенія живительной мечшы. Описанная Поэтомъ, или соединенная съ пребываніемъ, дѣяніями, спрасыями или занятіями великаго генія, она оживаетъ, какъ бы олицетворенная дарованіями, и приобретаетъ занимательность, которая дышетъ во всѣхъ мѣстахъ, посвященныхъ славу (*).“

Геній и дарованія часто пребываютъ живительнаго пособія отъ изобилія и могущества, особенно на зарѣ своего появленія,

(*) Young's Travels, ibid.

въ вѣкахъ несовершенно просвѣщенныхъ и въ странахъ, гдѣ общественный вкусъ не столь образованъ, чшобы могъ дославить имъ сильное покровительствво и возбудить соревнованіе. „Сколь много Машемашиковъ и людей, отличныхъ во всѣхъ отрасляхъ познаній,“ говоришь одинъ знаменитый Писатель, „произвела Франція съ тѣхъ поръ, какъ начали шамъ ободряшь и цвнишь познанія. Множество людей и въ другихъ странахъ возбудилось бы къ доспигенію знаній при обстоятельстввахъ, равно благоприятныхъ (*).“ Цицеронъ шакже замѣчаешь, что „чешъ пишаешь искусства, и что любовь къ славъ есть сильное побужденіе къ занятіямъ Словесности (**).“ Усовершенствованіе Словесности и Искусствъ долженствуетъ бышь однимъ изъ главнѣйшихъ попеченій всякаго Правительства и народа. Дѣла генія сославляютъ обильнѣйшій источникъ народной славы, нежели самыя блистательныя шоржества побѣдныя. Творенія ума переходяшь изъ вѣка въ вѣкъ съ неизмѣвающимся блескомъ. Анины были менѣ богашы, нежели Кароагень, менѣ воин-

(*) Kirwan's essay on Human Happiness, p. 187.

(**) *Honos alit artes omnesque incenduntur ad Studia gloriâ. Cicero Tusc. Quaest I.*

спвенны, нежели Спарша; но Аѳины были нѣдромъ Словесности и Искусствъ, и попому приобрѣли знаменитость въ позднемъ попомствѣ.

Правительство не можешь создашь генія; но можешь споспѣшествовать развицію его и поощряшь его къ дѣятельности. Въ Англіи познанія всякаго рода были уважаемы при дворахъ Елисаветы и преемника ея Іакова I, и были ободряемы какъ покровительствомъ, такъ и примѣромъ сихъ Государей. Слѣдствія сего ободренія были довольно ощутительны. Въ продолженіе крашкаго періода семидесяти лѣтъ, протекшихъ отъ середины Елисаветина царствованія до возстановленія (*) (restoration), славились многіе изъ величайшихъ мужей, какихъ когда-либо произвела Англія. Шекспиръ, Баконъ, Спенсеръ, Сидней, Гукеръ, Тайлоръ, Напьеръ, Мильтонъ, Кудворць и многіе другіе суть имена, которыя принесли бы честь каждому вѣку и народу. Однако сіи Писатели отличались болѣе образцовымъ геніемъ, глубокими и блестящими мыслями, силою выраженія, основательною ученостью, нежели правильностію и красою слога.

(*) Т. е. до возведенія на Англіійскій престолъ Карла II. *Прим. Перев.*

Возстановленіе ввело новый вкусъ въ Словесность и слогъ болѣе обработанный и классическій. Карль II былъ Государь, вмѣшавшій съ познаніями соединявшій природный геній и изящный вкусъ. Онъ и приближенные его, во время продолжительнаго своего изгнанія, приобрѣли на швердой землѣ, и особенно при дворѣ Французскомъ, правильность слога, совершенно отличную отъ небрежнаго роскошества, обнаруживаемаго Англійскими Писателями того вѣка. Знаменитые Писатели, покровительствуемые Лудовикомъ XIV, поселили въ Англійскихъ духъ соревнованія; и слогъ, введенный при возстановленіи, будучи усовершенъ Драйденомъ, Пдпомъ, Аддисономъ и другими, которые были увлечены первымъ побужденіемъ, заснававшъ почишавъ осьмнадцатое столѣтіе Августовымъ вѣкомъ Бришанской Словесности. Успѣхи наукъ шли наравнѣ съ успѣхами Словесности. Галлей, Фламстидъ и другіе сдѣлали важныя открытія въ Астрономіи; и великій Исаакъ Ньютонъ, утвердивъ теоріи притяженія и шагошвінія, также свѣта и цвѣшовъ, превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ въ Естественной Философіи.

Словесность и Искусства суть источники непоколебимой славы народа. Честно-

любивый полишикъ можешъ мечташъ, что блескъ безсмертія будешъ окружашъ имя его; но, по исщеченіи немногихъ лѣтъ, предначертанія его и самъ онъ погребушся во прахъ. Вскорѣ послѣ смерти Александра, Государство его раздѣлилось; но зданіе, основанное Арисшошелемъ, существовало почти двадцать столѣтій; и до пробужденія Наукъ, онъ былъ Дикпашоромъ умовъ въ Европѣ. Медицисы Флореншинскіе снискали болѣе знаменитости отъ участія, которое принимали они въ споспѣшествованіи успѣхамъ Словесности и Искусствъ, нежели отъ несмѣшнаго богатства, ими пріобрѣтеннаго; и имя Льва X прославилось наиболее покровительствомъ, которое онъ всегда оказывалъ генію. Ободреніе и пособіе, которыми Лудовикъ XIV доставлялъ познаніямъ, съ издержкою немногихъ только тысячъ, пролили несравненно болѣе блеска на его память и на Французскій народъ, нежели всѣ военныя его предпріянія, стоившія ему въ десять кратъ столько же милліоновъ. Его опустошительныя войны испощили пособія его опечества и навлекли на него доспойное проклятіе Европы; но покровительствво, оказанное имъ Словесности, покрыло имя его сіяніемъ славы, котораго никакая шуча зависши не можешъ помра-

чуть, никакая сила забвенія никогда погасить не можешь. Дѣйствіе Словесности, Наука и Искусствъ на славу Государей, на характеръ и общошельства народовъ, и на общее благо рода человѣческаго, споль обширно и могущественно, что исчислишь его не возможно. По всей справедливости, оно должно быть признано одною изъ главнѣйшихъ дѣйствующихъ силъ (agents) въ образованіи людей: высшая степень умственнаго усовершенія — вошь причина политическаго превосходства, которымъ обладаешь Европа надъ прочими частями земнаго шара.

Съ Англ. Ф. Созоновичъ.

II.

ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ИЗОБРАЖЕНІЕ САНСКРИТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Изъ книги: *Monuments littéraires de l'Inde, ou mélanges de littérature Sanscrite, par A. Langlois. Paris. 1827.*)

Около полувѣка шому назадъ, Писатель знаменитый въ своихъ сочиненіяхъ, не только не Философическихъ, но и полныхъ без-

вѣрїя, вразумилъ Европу о существованіи книгъ древнихъ Браминовъ. Съ изумленіемъ свѣдала она, что памятники письменные уцѣляли отъ разрушительности вѣковъ, и что языкъ, мертвый съ давнихъ временъ, еще жилъ въ шворенїяхъ, сохраненныхъ набожностію ученыхъ Индійцевъ. Тогда нѣкоторые хотѣли опыскатаъ неизвѣстное дошодъ ученіе ихъ вѣры — и открыли цѣлую Литературу. — Ее возвѣсмили свѣшу мисіонеры; открыли ее купцы-власшеліны Индіи. Уже Джонсы и Вилькинсы изумили современниковъ своихъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ и рѣдкою проницательностію, обнаруженною ими въ своихъ переводахъ; и удивительными повѣстями, кошорыя они рассказывали о народахъ незнаемыхъ, въ пишинѣ безмоавїа изъ вѣка въ вѣкъ передававшихъ попомкамъ своимъ писанїя первыхъ своихъ законодашелей; изящныя шворенїя своихъ Поэшовъ и возвышенныя мечпанїя своихъ Философовъ (*). Но вдругъ опорванныя отъ Литературныхъ заняшїй смушами гражданскими, Французы были опвлечены отъ созерцанїа временъ древнихъ — наспоядимъ

(*) Въ сіе время уже существовали въ переводахъ Джонсовомъ: Законы Мани и Драма *Sacuntalá*; и въ Вилькинсовомъ *Bhagavad-Gita*.

зрѣлищемъ собщвенныхъ бѣдъ, и когда въ-
свободясь изъ яростной бури полипической,
они могли бы и сами слѣдовать за вели-
кимъ сильнымъ движеніемъ, сообщеннымъ
наукъ — тогда силою шѣхъ непоспизи-
мыхъ событій, коихъ память сохранилась
въ лѣтописяхъ нашихъ, — они были при-
гвождены, прикованы къ предѣламъ Европы,
которую проходили съ шоржествомъ побѣ-
дителей, но какъ бы будучи осуждены ос-
таваться чуждыми шѣмъ завоеваніямъ Ли-
тературнымъ, которыя въ другихъ обла-
стяхъ безъ нихъ совершались.

Между шѣмъ, одинъ изъ мужей ученыхъ
Франціи, одаренный ошъ природы пронца-
шельностію чрезвычайною, шерпѣніемъ уди-
вительнымъ; симъ чувствомъ шонкимъ и
нѣжнымъ, которе ощущаетъ шрудности и
ихъ разрѣшаетъ; симъ инстинктомъ несоцѣ-
неннымъ, который угадываетъ шайныя дѣй-
ствія мысли въ механизмѣ языковъ, сей
ученый въ шитинѣ окружалъ себя всѣми не-
полными пособіями, какія Франція могла
доставить ему. Какъ будѣо предопредѣлен-
ный основать у насъ изученіе Словесности
Санскритской, Г. Шези продолжалъ свои
удѣленные шруды; и когда возвращеніе за-
конныхъ повелителей нашихъ, наконецъ намъ
 снова раскрыло міръ, дошолъ намъ неизвѣ-

снй, тогда онъ явился на славномъ поприщѣ (*) доспойный соспязашель съ Карейями, Кольбуками, Вильсонами, Гамильсонами, кошорые вмѣспъ съ Джонсомъ и Вилькинсомъ, благородно поддерживали сей ученый прудъ.

Но чѣмъ опличается эта Липерашура, древняя, но являющаяся намъ юною, по своей новоспи и неизвѣспноспи? Намѣреніе мое шеперь: изслѣдовашь, что она шакое есть, что она произвела; въ какую эпоху она по видимому процвѣшала: при задачи, по моему мнѣнію заслуживающія нѣкошорыя внимашельноспи; и я почишаю бесполезнымъ предупреждашь чинашеля, что несправедливо было бы судить объ Индійцахъ, по вкусу нашего вѣка, по привычкамъ нашей школы, по шребованіямъ нашей образованноспи.

Липерашура, какъ было уже сказано, есть выраженіе общешва. Дабы узнашь характеръ Санскришской Липерашуры, разсмошримъ характеръ Индійца. Вопросимъ нравы и обычаи сего народа, никогда неиз-

(*) Ученыя Записки (Mémoires) Кольбука во многомъ служили мнѣ при сосшавленіи сего сочиненія. Они помѣщены въ Asiatic Researches.

мѣнявшагося: они покажутъ намъ, каковы должны бытъ духъ его Писателей.

Представьте себѣ Индѣйца крошקהго и шихаго ошъ природы, миролюбиваго и умѣреннаго въ правилахъ; покорнаго своимъ законамъ, Индѣйца, который правила полишники почиаетъ предписаніями своей вѣры; который не столько участникомъ, сколько хладнокровнымъ зрителемъ присушествуетъ при великихъ Государственныхъ переворотахъ: не измѣняя его нравовъ, перевороты сіи проносящя надъ націею всегда неизмѣнною, какъ благословенная земля, ее питающая, какъ животворное солнце, ее освѣщающее. Такимъ образомъ ошдѣленный ошъ міра своими обычаями и богослуженіемъ, пославленный въ движеніи всеобщей гражданственности и образованности; чуждый и шѣмъ успѣхамъ, и шому упадку нравовъ, которые именуютъ духомъ вѣка — Индѣецъ живетъ только самъ съ собою. Удаленный ошъ развлеченій полишическихъ, шѣсно заключенный въ границахъ своей касы, слѣпо подчиненный законами гражданскими и религіозными ярму, которое, кажется, должно подавлять разумъ; онъ, не смотря на шо, не лишенъ шѣхъ спрасшей пылкихъ, шого пламеннаго воображенія, шой безпрерывно возрождающейся потребности новыхъ ощу-

щений, которыя составляют неизмѣнное достоянiе чловѣческой природы. Окруженный всеми очаровательностями климата, всеми обольстительными призраками языческаго веселаго богослуженiя; разгоряченный образами Миеологии спрасшной, онъ не можешь избѣгнушь любви. Онъ старается волненiями сердечными разрушить однообразiе жизни всегда ровной и одинаковой, или же, находя для способностей чловѣческой воли упражненiе благороднѣйшее, поспавляетъ свое услажденiе въ преодоленiи спрасшей, въ поработченiи природы неимовѣрною суровосшiю жизни, и въ погруженiи души, воспоржесшвовавшей такимъ образомъ надъ шѣломъ, въ созерцанiе истинъ Философическихъ.

Впрочемъ безразсудныя заблужденiя юности или пламенность спрогой набожности не всѣ умы занимають собою. Веселыя пиршества, прiятныя зрѣлища, пѣсни поэмовъ чарують досуги народа; счастливаго въ своей беззаботности; но эти удовольствiя всегда облечены въ покровъ языческой религii. Пиршества суть только довершенiе жершвоприношенiй. Благословенiе Брамина начинаеть зрѣлище, въ которомъ дѣйствуютъ жрицы боговъ; и повѣшшвованiе Поэты, рассказывающаго событiя спарины, загад-

даешь преступленія, его благочестивыхъ слушателей. Таковы обыкновенія, шакость вообще характеръ Индійцевъ: счастливое смѣшеніе милой беззаботности и поспоянства, силы и преданности; прелести ума и важности нравовъ; искренности и простоты; рвенія къ истинѣ, и любви къ баснямъ и вымысламъ. Таковъ былъ эпопѣй народъ, славный своими искусствами и науками, и котораго никогда не славился между народами-завоевателями.

Эпопѣй характеръ долженъ былъ напечатлѣнъ на его Литературѣ. Что касается до идей, то легко понять, что въ Индіи поле, предоставляемое для дѣятельности ума, не можетъ быть весьма обширно; и дѣйствительно религиозное вліяніе Брахмановъ превратило всю Поэзію въ одни почти рассказы о жизни боговъ и чтимыхъ героевъ; нравовѣніе превратило въ правило суровой жизни, а науку Философическую въ изступленіе. Въ формахъ слога замѣтно то же сліяніе: сладость и благозвучіе въ изложеніи, однообразіе въ идеяхъ; обиліе, перерождающееся иногда въ зашуманность; воображеніе богатое и распочивное въ омахъ вымыслахъ; но въ подробностяхъ не разнообразное; изобрѣженія необыкновенныя, выраженія всегда правильныя и вѣрныя си-

да въ чувствованіяхъ, глубокою въ мысляхъ, извѣженностью и даже небрежностью въ словосочиненіи, — шаковы должны были у этого покореннаго и ошдѣленнаго народа качества слога, вообще проспаго и ещесшвеннаго; но большею частію просшодущнаго, иногда величесшвеннаго, рѣдко порывиспаго и сильнаго. Часно даже сшранность ихъ изобрѣшеній сшсшавляешь удивительную прошивоположность съ однообразіемъ ихъ сущесшвованія. Можно сказать, что Писатели Индійскіе, какъ бы пробудившіеся опъ долгаго сна, описали сшранныя свои сновидѣнія.

Не должно удивляться, если между ошвлеченностями Метафизическими ихъ Философовъ и произведеніями ихъ Поэшовъ находишься великій промежутокъ, въ кошоромъ напрасно мы сшали бы искашь швореній важныхъ, шѣсно сопряженныхъ съ полишикою; если въ шшой Лишерашурѣ, Ишорія и драшнорѣчіе, въ кошоромъ образомъ, лишены своего наслѣдія. Для Ишорика пошребно зрѣлище великое; для Вишии нужно орашорское мѣсто, *forum*; безъ этого не могутъ были Ишорики и Философы, а развъ шолько сшсшавишели лѣшописей и временниковъ; шолько умные нравоучишели или риншоры. Не взирая на недосшашокъ себе рода сочи-

пеній, письма Індійскія не менше того богаты Писателями полезными и замѣчательными. У сихъ удивительныхъ Липсаторовъ ихъ, религія есть единственная мысль; Поэзія почти всегда ихъ языкъ; и это менше поразительно у націи, которая все облакаетъ въ стихи, начиная отъ выкладокъ Аспринома до сухихъ наставленій Грамматиковъ и до словоисчисленій Лексикографовъ.

Но какого рода прелесть въ бесшумнѣе привлечь насъ къ изученію сихъ Писателей? Почерпнемъ ли мы въ нихъ какія нибудь новыя знанія, и по крайней мѣрѣ труды наши вознаграждаются ли какимъ нибудь наслажденіемъ умственнымъ?

Людямъ, ищущимъ фактовъ точныхъ и жаждущимъ извѣстій положительныхъ, для которыхъ открытіе вѣрнаго числа какого нибудь происшествія или имени историческаго есть счастливая находка; имъ я откровенно признаюсь, что почишаю весьма сомнительнымъ, чтобы здѣсь усилія ихъ были увѣнчаны успѣхомъ; хотя и согласенъ, что подъ облаченіемъ басней и аллегорій, можно бы отыскать истину, но она всегда будетъ шапкою и нешвердою. Между тѣмъ, съ другой стороны изученіе языка обильнаго, благозвучнаго, ученаго, представляюща-

го разительная соотвѣстность съ нашими Европейскими языками, древними и новѣйшими, — обѣщаетъ истинныя удовольствія шѣмъ, которые любящъ изучающъ народы въ самомъ ихъ языкѣ, которые умѣютъ цѣнить выраженіе правильное, образъ невинный и простиый, мысль предѣстную; шѣмъ, которые ищутъ сладостныхъ ощущеній въ вѣрныхъ изображеніяхъ нравовъ и спрасней; шѣмъ, которые не брезгаютъ блуждать въ темныхъ мечтаніяхъ Философій, но ихъ мнѣнію возвышенной. Пожалуй, я оглашусь, что эта Липерашура, можешь показаться слабою, когда сравниваешь ее съ Липерашурою Греческою и Латинскою, съ нѣкоторыми изъ нашихъ новѣйшихъ Липерашуръ, возрожденныхъ знакомствомъ съ дисащелами Греческими и Римскими. Но сія сила, недостающая народу, который всему, кажется, научился самъ собою, можешь быть плодомъ взаимнаго сообщенія націи, плодомъ того умственнаго соснязанія, которое возникаетъ между націями, вступающими въ соперничество на благородномъ поприщѣ искусствъ. Ободряемый иногда покровительствомъ своихъ Государей, Писатель Индійскій никогда не знавалъ возбужденія спрасней политическихъ. Но за то другія качества утѣшаютъ насъ въ недо-

спячку силы и твердости, конюрых имъше ему не возможно было. Сколько живости въ описаніяхъ! Сколько прелести въ мысли! Какія счастливыя выраженія въ сихъ звучныхъ фразахъ, гдѣ одно слово, искусно со-спавденное, являешь полную картину. Съ какимъ удовольствіемъ обрѣщаемъ мы въ повѣствованіяхъ древнихъ Поэшовъ тѣ же самыя подробности домашнихъ нравовъ, тѣ же явленія частной жизни, кошорыя и нынѣ намъ изображающя новѣйшими путешественниками! Для вкуса, жаждущаго пріятныхъ новосшей, какое счастливое открытіе должна представляшь Миеологія веселая, остроумная, не столь сумрачная, какъ Миеологія Сѣвера, кошорыя однакоже также привлекающъ наше дѣятельное любопытство. Какая свѣжестъ, какая очаровательность въ сихъ разнообразныхъ метафорахъ; въ сихъ сравненіяхъ, заимствованныхъ ошъ природы, намъ совершенно чуждой, ошъ круга идей, намъ мало знакомыхъ, ошъ міра, вовсе намъ неизвѣснаго!

Впрочемъ надлежитъ замѣнить, что ошъ новыя моды формы рѣченій, кошорыя повсюду измѣняющя обшоятельствами природы и общесства. Въ самыхъ мысляхъ, кошорыя постоянно одинаковы во всѣхъ климахахъ, во всѣ времена, ничто

не измѣнилось, всегда видимъ мы того же челоуѣка, съ его чувствованіями, съ его спрашеніями, съ его заблужденіями. Какъ въ мірѣ физическомъ шло всегда ошаещя одно и шоже, между шѣми, какъ одно одѣяніе можешъ перемѣняшься: шакъ въ мірѣ умшвенномъ измѣнчиво одно выраженіе, которое еспѣ облаченіе мысли, мысль же, какъ и самъ челоуѣкъ во внушренней его природѣ, всегда пошоянна. Но это еще не все: пошавленные на обоихъ противоположношняхъ земнаго шара люди, встрѣпились не шолько въ опношеніи къ истинѣ, кошорая едина, — но и въ опношеніи къ заблужденіямъ, кошорыя являющя въ ешодѣ безчиеленныхъ формахъ. Какимъ образомъ шѣ же самыя мечнанія Мешафизическія, шѣ же злоупошребленія могущешвенныхъ способношей воображенія и мышленія; почему шѣ же ошибочныя уклоненія ума Философическаго, кошорыя изумляющъ насъ на Западѣ, — встрѣчающя и на Востоку? — Съ другой стороны, взирая на успѣхи, сдѣланныя мышленіемъ въ Индіи въ вѣкахъ, весьма опдаленныхъ, и на шепень нами нынѣ еще занимаемую, — мы успышаемъ безснаія челоуѣческаго ума; намъ невѣришся бескоелное совершеншвованіе челоуѣка, и мы принушдены признашь, что его умешвенныя

способности ограничены, какъ и способности шълесныя. Всюду одаривъ его одинакими органами, Творецъ всюду ограничиваеиъ его одинакимъ кругомъ идей. Кажешся, будшо онъ рекъ ему: швое мышленіе проешрешся шолько досель. — Въ шо самое мгновеііе, когда человекъ возмнишъ, что перешагнешъ предѣлы, ему предписанные, и силою души своей разорвешъ всѣ завѣсы, наспишаешъ событіе великое: пошопъ, наводненіе дикихъ племенъ; швореніе ума уничтожаешся и человекъ, на новыхъ основаніяхъ, снова воздвигнешъ другое зданіе, совершенно прежнему подобное.

Теперь мы присшупимъ къ изображенію богашствъ Санскришской Литерашуры. Это ешъ рудникъ, безъ сомнѣній, обильный, но который еще мало разрабошанъ. Если нѣкоторыя ученые, какъ напр. Джонсъ, Вилькинсъ, Кольбрукъ, Вильсонъ не хошѣли занимашься переводами, которые пребуошъ почти цѣлой человекской жизни; шо другіе наперерывъ старались изобрѣшашъ системы всякаго рода, не предшавляя на судъ чинашелей всѣхъ докуменшовъ, служащихъ въ ихъ зашщину. Ешъ довольно долгія исчисленія Санскришскихъ сочиненій; но досель мы дѣйшвшительно знаемъ шолько малое число оныхъ. Однако же можно предшва-

вить обзоръ сей Литературы, который покажетъ и сокровища уже открытыя, и тѣ, кои открыты еще можно надѣяться.

Оставляя раздѣленія на роды, предлагаемыя нашими курсами Литературы, я буду слѣдовать ходу и расположенію идей самихъ Индійцевъ. Такимъ образомъ мнѣ будетъ возможно упоминать и о такихъ твореніяхъ, которыя не могли бы имѣть мѣста въ нашей классификаціи.

Все, чему мы можемъ научиться, наука (*vidyā*) двинута Индійцами на восемнадцать частей. Четыре первыя, суть четыре *veda* (1) творенія весьма древнія, считаемыя оныя ихъ святовыми, и заключающія въ себѣ ученія о Естественномъ Божіемъ и о служеніи внѣшнемъ и внутреннемъ, коими человекъ ему обязанъ. Оныя составляютъ смѣшеніе стиховъ и прѣзы. Досель намъ извѣсны только отрывки оныхъ; и ими мы обязаны учености Кольбука (2) и рвенію Брахмана Раммоһангоу (*Rāmaṁohana gādja*). Нѣсколько оныхъ разсыяны также въ книгахъ называемыхъ *Upaniṣad*, и переведен-

(1) Слово *veda*, означаетъ *познаніе*, и въ семь словъ, можно замѣтить корень Латинскаго слова *videre*, и даже Русскаго *видѣть*.

(2) См. 7 и 8 томъ *Asiat. Research*.

ныхъ Анкешидемъ подь именемъ *Upekhat*. Но кажется, что *Ezur-Vedam*, которое выдаюшь намъ за переводъ *Yadjur-Keda*, есть твореніе совершенно сомнительное (3).

За сими чешырьмя часшами, слѣдующь чешыре другихъ, именуемыхъ *Uraceda* (4); въ коиъ заключающся: въ первой, искусно познавашъ и лѣчмшъ болѣзни; во второй, правила музыки; въ третьей, образъ пригошвленія и употребленія воинскихъ оружій и снарядовъ и въ четвертой, разсужденія о довольно значительномъ числѣ искусствъ и ремеслъ. Книги сіи, говорящъ, упрачены; но мы не менѣ того будемъ удивляться вшому раздѣленію, въ кошоромъ ученіе вѣры непосредственно предшествовало у Индійцевъ наукамъ, наславляющимъ въ средствахъ сохранявшъ, украшашъ, защищашъ и поддерживашъ жизнь.

Но чшобъ бышь посвященнымъ въ шашисва сихъ восьми вѣшвей науки, надлежало обогащашься напередъ нѣкошорыми познаніями, приобрьшаемыми въ шести другихъ, называемыхъ *Anga* (5) или *Vedānga*,

(3) См. 14 шомъ As. Re.

(4) Это слово *Ura*, прибавленное къ слову *veda*, означаетъ *присоединеніе, прибавленіе*.

(5) *Anga* значитъ *членъ*; *Vedānga*, *членъ вѣдъ, дополняющій весь составъ, все цѣлое вѣдъ*.

и кошорыя научали искусству произношенію, Грамматику, просодію, толкованію словъ темныхъ и необыкновенныхъ въ *Véda*; Астрономію, необходимо связанной съ Математикою; наконецъ обрядамъ, какія должно наблюдать при священныя жертвешвахъ. Изъ сихъ швореній извѣстны: просодія, коей сочинитель есть *Pingala*, и Грамматика, коей шворецъ *Pāṇini*. — Чрезвычайно замѣчательныя по отношенію къ крапкѣ, сжашой учености, въ нихъ находящейся, онѣ для ясности и поясности шребуюшъ пособія многочисленныхъ комментаторовъ, испытывавшихъ надъ ними свою пронцапельность. Писаны онѣ стихами, какъ и разсужденіе объ Астрономіи, кошорое называется *Sūryya*. Долгъ Поэзіи былъ божественнымъ языкомъ своимъ описатьъ чудеса небеснаго свода. Въ семь родѣ есть еще нѣсколько и другихъ славящихся швореній; но между ними, въ отношеніи къ наукѣ и слогу, преимущественно опличается сочиненіе, называемое *Lelāvati*, принадлежащее *Bhāscara-tāchāryya*, ученому XII или XIII вѣка, кошорый равно знаменитъ, и какъ Поэтъ и какъ Астрономъ.

Четыре послѣднія части, именуемыя *Upanāga*, и содержащія въ себѣ Логіку, нравственную Философію, Юриспруденцію и

Исторію, довершали цѣлоснѣ всего сосшава Науки.

Логика (*nyāya*) и нравственная Философія (*mīmāṃsā*), были поприщемъ слишкомъ швыснымъ для созерцащельнаго духа Индїйцевъ. У нихъ, какъ у Грековъ, въ началѣ являющся семь мудрецовъ знаменитыхъ; за ними слѣдуешь родъ мужей, копорыхъ они свшными почишающъ, коихъ имена и шворенія, называемыя *Smṛiti* (6), сохранены въ шакъ называемыхъ священныхъ ихъ книгахъ; послѣ шого, постепенно образовались семь Философскихъ школъ, подъ общимъ именемъ *Darsana* (7). Древнѣйшимъ начальникомъ секшны, именующъ мудреца *Capila*; онъ основалъ *Sāṅkhya*, или Философію числъ; и *Pātandjali* систему *Yoga*, или соединеніе съ богомъ, копорая по его имени названа *Pātandjala*. Другія два ученія были созданы двумя мудрецами *Gotama* и *Canāda* на осно-

(6) *Smṛiti* для Индїйцевъ есть то, что мы разумемъ подъ словомъ *преданіе*, *Srouti*, что мы означемъ словомъ *Св. Писаніе*.

(7) Впрочемъ неизвѣстно, какая самая древняя изъ оныхъ *Darsana*. Ихъ располагали шакже въ слѣдующемъ порядкѣ: *Vēsechica*, *Nyāya*, *Mīmāṃsa*, *Sāṅkhya*, *Pātandjala* и *Vedānta*.

Слово *darsana* значить *видѣ*, *видѣніе*, или *веркало*.

ваніяхъ Логикѣ; одно называлось *Nyāya*, другое *Véśechica* (8). Эша въспѣвъ Философіи произвела шакже двѣ школы, которыя отличались другъ ошь друга наименованіемъ первой и послѣдней или высшей, и которыя учреждены, одна: мудрымъ *Djémini*, а другая *Vyāsa*, насшавникомъ перваго, споль же великимъ Философомъ, какъ и славнымъ Поэтомъ; первая служишь какъ бы введеніемъ ко второй, кошорая шакже называется *Vedānta* (9).

Нѣкошорые хотѣли сравнивать сіи различныя секшы, съ секшами, нѣкогда существовавшими въ Греціи. Въ приверженцахъ ученія *Nyāya* находили Перипатетиковъ, въ приверженцахъ *Véśechica* — Философовъ Іонійскихъ; послѣдователи обвѣхъ школъ *Mīmāṃsā* напоминали школу Платонову, *Sāṅkhya* — секшу Ипталійскую, а *Yoga* — Стоииковъ; шакимъ образомъ въ эшомъ сравненіи *Gotama* предшавлялъ бы Аристотелея; *Canāda* — Фалеса; *Djémini* — Сократа;

(8) *Véśechica* происходитъ ошь слова, значащаго *разлкіе*. Одни говорятъ, что эша смстема названа симъ именемъ, по причинѣ разности ея ошь *Nyāya*; другіе, пошому, что основатель оной *Canāda* признавалъ чешыре рода *отдѣльныхъ* ашомовъ.

(9) *Vedānta* значишь *конецъ, цѣль ведъ*.

Kyāsa — Планѣна; *Capila* — Пинеагора; а *Pāṇḍjali* — Зенона. — Я сомнѣваюсь, чтобъ сравненіе всегда было самое строгое; при томъ же довольно трудно различать ошѣбки, койми разиашся другъ отъ друга шестъ *Darsana*. Обыкновенными предмешаши ихъ Философическихъ разсужденій суть: вѣчностъ вещешва, дѣйствіе первой причины, сущешвованіе Бога, починаемаго отъ нихъ душею вселенной; ученіе объ ашмахъ; созданіе міра; ученіе о судьбѣ; переселеніе сущешствъ; переворошы созданной природы; шакъ называемое всепоглощеніе въ Бога, кошорый, по ихъ пониманію, естъ великая всецѣлостъ. — Но сіи великіе вопросы разсмаприваюшся шолько въ многочисленнхъ комменшаріяхъ (*Upadarsana*), изданныхъ приверженцами древнихъ Философовъ (10); и дабы дашь пониманіе о Наукѣ сихъ первыхъ насшавниковъ, говорили: что они соединяють болѣе тысячъ учениковъ. Объ ученіи ихъ нельзя сшдншь по ихъ собственнымъ сочиненіямъ, кошорыя суть не иное что, какъ афоризмы (*Sutra*) (11). Разсужденія ихъ,

(10) Для болшей подробности см. сочиненіе Варда: *A view of the history, literature and mythology of the Indoos.* Tom I. p. 313.

(11) *Capila Sutra* или подлинныя изрѣченія мудреца *Capila*, писаны прозою и весьма брашки; изрѣ-

впрочемъ весьма шемныя и неноншныя, заключающъ въ себѣ только нѣкотораго рода анализъ, которъ болѣе еходсшвуетъ съ оглавлениемъ, нежели правильнымъ изложеніемъ цѣлаго ученія. Впрочемъ *Vyāsa*, которъ объяснялъ мнѣнія мудреца *Patandjali*, развилъ и собственныя свои идеи въ Поэмѣ *Mahābhārata*; и въ послѣдствіи самъ имѣлъ въ знаменишомъ *Saṅkarāccharyya* исполковашедя искуснаго и уважаемаго. Теперь преимущественно придерживающа *Nyaya Darśana*; пошому, что сіе ученіе наиболее свободно ошъ подробносшей изсшупденнаго ученія о Богѣ, которыми прочія наполнены.

Впрочемъ, каковы ни были бы различія, сущесшвующія между сими школами, всѣ онѣ имѣющъ одну общую шочку соединенія. Слѣдуя сисшемѣ спиритуализма — сіи Философы усшремляющъ всѣ свои усшлія къ одной цѣли — къ своей религій. У Буддгистовъ, раздѣленныхъ шакже на шесшъ секшъ, мы можемъ, какъ утверждающъ, найши ученіе материализма и правила Скепшиковъ,

ренія Философа *Patandjali* соешавляющъ 198 строкъ; изрѣченія Фил. *Gotama* 462; Философа *Canāda* 550 афоризмовъ; *Mīmāṃsā* Философа *Djémini*, содержищъ въ себѣ 12 главъ въ чешырехъ ошдѣленіяхъ; въ *Vedānta Sutra* находишся 498 строкъ.

мнѣніе Эпикюра и мысли Пиррона. Они, если вѣришь Брахманамъ, ихъ прошивникамъ, — участь вѣчности міра; они ушверждають, что нѣшь духа и будущей жизни, что душа вещественна; впрочемъ справедливостъ шребуешъ замѣшишь, что и ученіе самихъ обвинишелей можешъ и должно бышь оспориваемо; покоряясь по видимому правиламъ Ведъ, они, кажешся, часпо имъ прошиворѣчашъ въ своихъ теоріяхъ; и не одно изъ ихъ положеній, если слѣдовашъ за оними неуклонно, привело бы насъ къ такому же заключенію, каково и заключеніе безбожника Діагора.

Есть еще нѣсколько другихъ сектъ, извѣстныхъ подъ наименованіями: *Sâtвата*, *Rauranica*, *Tchandana*. Основашель сей послѣдней есть Князь *Sû Narcha*, съ копорымъ мы вскорѣ познакомимся, какъ съ Поэтомъ. Покровишельствуя знаніямъ, онъ заплашилъ за Поэму пѣвца *Dhacaka* подаркомъ во 100 тысячъ рупій. Нѣсколько позже Царь города *Dhârá* (12), *Bhodja Deva*, не успѣдился шолковашъ ученіе Философа *Patandjali*.

(12) *Dhârá* находится въ области *Mâlava*, равно какъ и *Oudjâjayanî*, вѣроятно это одинъ и шотъ же городъ, подъ разными названіями.

Эта система Философа *Patandjali*, называемая *Yoga*, была, как я сказал уже, исправлена мудрецом *Vyāsa*, кошорый сошавиль изъ оной секшу, названную *Vedānta. Rāmohunroy* (*Rāma mohana rādjā*), о кошоромъ я уже упоминаль, предспавиль намъ сокращеніе сего ученія, кошорое имѣеть цѣлю: доказашь, что предметъ книгъ *Veda* есть единство Бога, и что посредствомъ политеизма, поклоняюща ему подъ именемъ *существъ метафизическихъ*, предспавляющихъ различные его свойства, (апшрибушы).

Съ высокою Философіи, нисходя къ правиламъ и формуламъ законовѣднія (*dharma*), мы съ удивленіемъ встрѣчаемъ рѣдкое Литературное явленіе; полное уложеніе законовъ и установленій, въ 12 книгахъ, украшенное всѣми цвѣтами и богатствомъ Поэзи. Я говорю о книгахъ законодателя *Manou* — древнемъ памятникѣ гражданственности весьма необыкновенной (13). Не знаю, могутъ ли стихи сообщить болѣе ясности словамъ законовъ, по крайней мѣрѣ они должны доставить имъ болѣе пошоянности, и шакова цѣль, кошорой хо-

(13) Мы имѣемъ два изданія сего шворенія, съ переводомъ Джонса. Самымъ новѣйшимъ изданіемъ, мы обязаны ученому Гавшону (*Hawghton*).

пѣли достигнуть, и копорой достигли сіи древніе законодатели. Липераноръ, уже восхищенный вѣщимъ знакомъ уваженія къ Поэзіи, узнаешь съ удовольствіемъ, что среди сего сухаго и бесплоднаго однообразія, свойственнаго предмету, иногда встрѣчающіяся и *разбросанные члены Поэта*.

Кромѣ сей книги законовъ, копорая украшена именемъ почишаемаго ошъ Индійцевъ родоначальникомъ человѣческаго племени, *Manou*, приводятся многія другія, копорыя, не будучи священными для нихъ, какъ первая, не менѣе того весьма уважающіяся: таковы очень древнія шворенія славящагося *Yadjna valkya*; и болѣе новѣйшее, приписываемое *Djítátaahana*, разсужденіе о наслѣдствѣхъ. Но мы оставимъ сей предметъ, для того, чтобы перейти къ другому, совершенно Липературному: я разумью Исторію.

Послѣ сказаннаго уже мною выше, никакъ конечно не будешь ожидать у Индійцевъ Истории такой, какою мы понимаемъ ее: Истории, очищенной здоровою крипикою; освобожденной ошъ баснословій, и чуждой преувеличеній. Весьма возможно, что нѣкогда откроюшь у Индійцевъ собраніе древнихъ происшествій, составленное правильно и съ надлежащею важностію, подобно

шой Исторіи *Кашмира* (*Cashmir*), которую нынѣ обнаруговалъ ученый Вильсонъ. Доселѣ преданія ихъ суть только сборъ басней, расположенныхъ ихъ Поэтами. Такъ Исторія проическихъ временъ Греціи являешся намъ скрашеною обманчивыхъ воображеніемъ.

Воспоминанія временъ первобытныхъ находящіяся перемѣшанными такимъ образомъ въ восемнадцати большихъ Поэмахъ, называемыхъ: *Purana* (14). Намъ извѣстно только весьма малое число опривковъ. Последняя Поэма, называемая *Bhagavata*, сообщена намъ въ совершенно обезображенномъ видѣ, въ переводѣ искаженномъ и неполномъ, который даже сдѣланъ не съ оригинала. Впрочемъ вѣроятно, что сіи шворенія не представляють весьма большаго разнообразія; будучи облечены въ форму повѣствованій, рассказываемыхъ различными разговаривающими лицами, они всѣ начертаны по одному плану; эпипешъ, придаваемый симъ великимъ твореніямъ (*Pantchalakhana*) показываешъ, что они должны заключать въ себѣ пять главныхъ предметовъ: созданіе міровъ, по понятію Индійской Космогоніи; ихъ разрушеніе и возстановленіе; родосло-

(14) Это слово значить: древняя Исторія.

віе боговъ и проевъ ; царствованія различныхъ *Мали* или ихъ родоначальниковъ ; и дѣянія ихъ попомковъ.

(*Продолженіе впрѣдъ.*)

III.

К О М М Е Р Ц И Я.

Вліяніе законовъ на торговлю (*).

Законы, охраняющіе свободу и безопасность торговли, суть существенныя условія ея преуспѣянія. Хотите ли знать пространство благодѣшельнаго ихъ вліянія? Взгляните на Опшоманскую Имперію : она обладаетъ обширною странюю, наилучшимъ климатомъ въ свѣтѣ, произведеніями пропиковъ и умѣренной полосы, и одно Европейское ея народонаселеніе равняется населенію Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Обласпей, а все вообще не менѣ самой Франціи. Положеніе Турецкой столицы ша-

(*) Изъ книги: *Le commerce au dix-neuvième siècle*, par Alex. Moreau de Jonnés. Paris. 1825. (Сочиненіе, по разсмотрѣнію Марсельской Академіи, удостоенное чрезвычайной награды).

ково, что Имперія сія одарена всѣми выгодами, коими процвѣщаетъ торговля и разливается богатство и счастье — всѣми, исключая благощорныхъ законовъ; и попомощу-то всѣ блага, коими надѣлила ее природа, оспаются бесполезными и даже гибельными. Верховная власть, коей предѣловъ и употребленія не опредѣляютъ законы, служишь цѣлю кровавыхъ переворошовъ; некому охранять безопасности лицъ и имуществъ, прошивъ посягательства низкихъ спрасшей; насилія и жадность необузданы судебными усановленіями; торговля оспається добычею грабительству, и самая язва ежегодно можешь возобновлять свои опустошенія, не находя никакого препятствія въ заботливости Правительства.

Хопише ли, напрошивъ, сообразишь дѣйствія, производимыя на торговлю покровительствомъ законовъ, подкрѣпляемымъ постоянною заботливостію правительства? Разсмоприше безмѣрные успѣхи Великобританніи, возмише въ исторіи ея по время, когда были положены первыя основанія ея благосостоянія; вы найдете, что ея раждающаяся промышленность была предметомъ внимательныхъ и неуспынныхъ попеченій ея Государей; выгоды торговли занимали пер-

вое мѣсто въ народныхъ совѣщаніяхъ, и величайшіе Государственныя люди избирали предметомъ своихъ размышленій изученіе народнаго богатства и средствъ его умноженія.

Чтобы показать связь дѣйствій и причинъ, означимъ наскоро сокращеніе торговыхъ узаконеній Великобританніи.

Съ 1225 года находясь одинъ законъ Генриха III, коимъ купцы получили, непосредственно послѣ Бароновъ, первое мѣсто между свободными людьми. Въ его царствованіе успроилась одна суконная фабрика и установленно, чтобы во всемъ Государствѣ была одинаковая мѣра. Въ 1331 году Эдуардъ III вызвалъ Фламандскихъ ремесленниковъ въ Англію, для того, чтобы они научили своимъ мастерствамъ пуземныхъ обитателей. Въ 1337 году Парламентъ постановилъ вывозъ Англійской шерсти, снабжавшей Фландрскія фабрики и воспрещилъ ввозъ суконъ съ твердой земли на шотъ конецъ, что бы обезпечить выгоду совершеннаго сбыта своеземныхъ произведеній сего рода; онъ даровалъ вольности иносстраннымъ рабочникамъ, дозволивъ имъ селиться въ Англіи. Въ 1381 году положено начало акшу мореплаванія въ одномъ законѣ Ричарда II, коимъ дозволено всемъ Королевскимъ под-

данымъ ввозишь и вывозишь всякой шоварь шолько на корабляхъ, снаряжаемыхъ съ Королевскаго дозволенія, ш. е. исключая иношпранныхъ. Многіе законы шого же царшвованія покровишельсшвуютъ рыбной ловль, ограничиваютъ дйшствія исключишельнаго шорга (монополіи), учрежденнаго общешвами и дозволяютъ всякому Англичанину вольной вывозъ хльба изъ Государшва. Генрихъ VII ограничилъ вредныя преимущешва общешствъ, уменьшилъ множество бесполезныхъ служишелей, находившихся при домахъ вельможъ; облгчилъ ушпунку имъній, бывшихъ до шого во владъніи малаго числа Бароновъ и покровишельсшвовалъ раздробленію земель и увеличенію поземельныхъ ошкуповъ. Генрихъ VIII ободрялъ обрабшываніе конопли и льну, повеллъ вымощишь улицы и ушвердилъ закономъ денежный ростъ въ 10 проценшвовъ. Эдуардъ VI вызвалъ многія штысячи иношпранцевъ для усовершеншвованія Англійскихъ ремешлъ; онъ штарался увеличить рыбную ловлю около Ирландіи, Новой Земли и Исландіи; ошврашилъ спачки работшниковъ къ возвышенію заробшшной плашы; наказывалъ обманъ, вкрадывавшійся въ шорговлю и покровишельсшвовалъ фабрики, искавъ способъ къ выгодному снабженію ихъ сырыми

веществами, нужными для работы. Огораживаніе полей, запрещенное акшомъ Генриха VIII, разрѣшено въ 1549 году, какъ полезное для земледѣлія, не смотря на неудовольствіе черни. Съ 1285 года Эдуардъ I разпространилъ дороги, посредствомъ коихъ сообщались разные шорговые города; а закономъ Филиппа и Маріи, поставлена въ обязанность каждому обывателю чешыредневная въ теченіе года работа, для содержанія сихъ дорогъ; въ послѣдствіи, при Карль II, узаконенія сіи дополнены установленіемъ пошлины за провѣздъ, коею производилась плата дорожнымъ работникамъ. Елисавета ввела въ употребленіе награды для шѣхъ, кои построили корабли во 100 шонновъ; а наследникъ ея Іаковъ I, увеличилъ сіе поощреніе; онъ принялъ надлежащія мѣры противъ моровой язвы; покровительствовалъ промышленности противъ исключительнаго шорга; обезпечилъ земледѣльческую собственность; даровалъ всякому Англичанину безъ различія права свободнаго шорга съ Испанією, Португалією и Францією. Карль I давалъ награжденія въ пять фуншовъ шерлинговъ всякому, построившему корабль въ 200 шонновъ; онъ понизилъ денежный ростъ до 8 со ста, и покровительствовалъ населенію Сѣверной Амери-

ки и Аншилльскихъ острововъ. По возснаноженіи Королевскаго Правленія, внутренняя торговля облегчаема была улучшеніемъ дорогъ, открытіемъ каналовъ и отменною въкопныхъ тяжосныхъ налоговъ; разными узаконеніями умножаемо было число кораблестроителей и торговыхъ мореходцевъ, и введены въ Великобританіи новые способы обработыванія земли и рукодѣлій. Вильгельмъ III принялъ Французскихъ выходцевъ, которые усовершенствовали фабрики шелковыя и писчей бумаги, въ особенномъ же выдѣлку шафты. Англійскій Банкъ, основанный въ 1694 году, распространилъ обращеніе народнаго богатства, рыбная ловля и полотняныя фабрики получали выгоды, которыя способствовали ихъ разширенію. Производство перелива монетъ облегчало внутреннюю и вѣшнюю торговлю. Въ царствованіе Королевы Анны, Англія продолжала пользоваться переселеніемъ и промышленностію Французскихъ Протестантовъ; присоединеніе Шотландіи увеличило ея могущество.

Георгъ I понизилъ законный ростъ до 5 со сша; онъ въ 1716 году основалъ непрѣмный капиталъ, опредѣленный къ поспешному погашенію Государственнаго долга и заключилъ торговый союзъ съ Испанією;

въ 1718 году запрешилъ онъ всякому Англійскому подданному производишь торговлю въ Индіи подъ чужеспраннымъ флагомъ и освободилъ онъ всѣхъ опвозныхъ пошлинъ полошна, выдѣланныя въ Англии; онъ рассыпалъ награды заводамъ желѣзнымъ, бронзовымъ и другихъ мешалловъ; увеличилъ поощреніе за шелковыя издѣлія. Чшобы докончишь, какъ говаривалъ онъ, благодѣянія свои торговлѣ, усилилъ законы 1672 и 1700 годовъ, и дозволилъ всѣмъ иностранцамъ вывозишь безпошлинно произведенія Великобританніи, исключая предметовъ продовольствія. Въ царствованіе Георга II, укоренены многіе иностранцы, искусныя въ киповой ловлѣ; въ 1754 году основано общество поощренія искусствъ, рукодѣлій и торговли, а Бришайскія поселенія въ Западной Индіи и Сѣверной Америкѣ увеличились селеніями, приобрьшенными опъ Франціи. Наконецъ въ продолжительное, бурное и достопамятное царствованіе Георга III возрасли дѣйствія Бришанскихъ узаконеній, благопріятствовавшихъ торговлѣ, множествомъ покровительственныхъ распоряженій, какихъ только можно ожидать опъ вѣка просвѣщеннаго и народа, способнаго пользоваться омытносною прошедшихъ временъ. Въ 1773 году постановлены правила на возвышеніе цѣны

хлѣба и способовъ запрещенія привозной и опвозной порговли онымъ; въ печеніи шокмо 14 лѣтъ, постановлено 700 законовъ объ огораживаніи земель, осушеніи болошъ, раздѣлѣ и приведеніи въ лучшее соспояніе помѣспьевъ, дошолъ необработанныхъ и безплодныхъ. Въ 14 Парламеншкихъ засѣданій издано 452 закона о спроеніи и улучшеніи дорогъ, и 90 о прорышіи каналовъ и приспособленіи рѣкъ къ судоходству. Своеземныя издѣлія ободрены изыашіями, денежными наградами и опвращеніемъ ввоза обработанныхъ иноспранныхъ произведеній, кромѣ сырыхъ, посредствомъ запрещеній и чрезвычайнаго возвышенія таможенныхъ пошлинъ. Въ продолженіе 25 лѣтъ, выбишо на 825 милліоновъ золошой и серебряной монеты, и совокупноспію сихъ мѣръ, или содѣйспвовавшихъ собышіямъ или породившихъ оныя, Великобританніа досшигла слѣдующаго соспояніа:

Въ началѣ восемнадцатаго вѣка вывозъ ея ограничивался по десятишлѣпней сложноспи 156 милліоновъ франковъ. Съ 1793 по 1812 годъ соспавлялъ онъ, не смотря на войну, 738 милліоновъ; а съ 1815 по 1822, возвысилса при посредствѣ мира до 1294 милліона. Слѣдовашельно Англіа, при покровишельствѣ законовъ, увеличила свою опвоз-

ную торговлю въ девять разъ съ шрепью пропивъ шого, какъ она была за 110 лѣтъ.

Мореплаваніе, какъ истинное мѣрило успѣховъ торговли, предсавляетъ пропорцію, не менѣе чрезвычайную. Въ 1347 году было 125 купеческихъ кораблей, отправлявшихъ всю Англійскую торговлю. Въ 1615 году, считалось только 884 корабля, изъ коихъ половина служила для перевоза каменнаго угля изъ Нью-Каспля. Въ 1754 году, вѣншняя торговля занимала 2000 кораблей въ 170 тысячъ тонновъ; шаковое же число судовъ было для прибрежнаго плаванія, что все сосавляло около 320 тысячъ тонновъ груза. Съ 1819 по 1821 годъ, среднее число груза записанныхъ купеческихъ кораблей, возвысилось до 2,600,000 тонновъ; грузъ кораблей пришедшихъ сосавлялъ 2,300,000, а отшедшихъ 2,200,000 тонновъ.

Изъ новѣйшихъ свѣдѣній видно, что грузъ всякаго рода товаровъ, отпущенныхъ изъ Англійскихъ портовъ, былъ:

въ 1823 году 2,610,000 тонновъ.

— 1824 — 3,182,000 — —

Число кораблей, отшедшихъ подъ Англійскимъ флагомъ, въ продолженіе чешырехъ лѣтъ было слѣдующее:

1821 года 9111. 1822 года 9173.

1823 — 9251. 1824 — 11731.

Изъ числа ихъ, купеческіе корабли, построенные на Англійскихъ верфяхъ, имѣли слѣдующее количество груза:

въ 1823 году	780	кораблей	67,144	шонн.
— 1824 —	847	— —	86,028	— —
— 1825 —	1011	— —	100,000	— —

И шакъ, не восходя далѣе 66 лѣтъ, доспашочно сего періода, чшобы показашь увеличеніе количества груза Англійскихъ кораблей, превосходящаго въ семь съ половиною разъ изчисленное въ 1754 году. Количество же груза купеческихъ кораблей, построенныхъ въ 1825 году, почти половиною превосходитъ количество груза кораблей, сооруженныхъ въ 1823 году.

Сѣверо-Американскія Соединенныя Области, слѣдую торговымъ учрежденіямъ и законамъ Великобританніи, получили, кажешся, еще бѣльшія выгоды, когда разсудимъ, чшо выгоды сіи приобрѣшены шолько въ 40 лѣтъ. По словамъ славнаго Бурке, вся цѣна опшвозныхъ шоваровъ въ Англійскихъ Сѣверо-Американскихъ селеніяхъ, простиралась въ 1775 году до 24 милліоновъ франковъ. Въ 1818 году, она возвысилась до 369,272,000. Грузъ купеческихъ судовъ простирался до 1,350,000 шонновъ, изъ коихъ 1.250,000 были въ дѣлѣ и занимали 62 тысячи машрозовъ. Такимъ образомъ, въ продолженіе ме-

нѣе нежели полувѣка, изъ коего прешня часть была подвержена бѣдственному вліянію войны, Соединенныя Обласпи, при благопріятствѣ торговаго ихъ законоположенія и счастливыхъ обстоятельствъ, увеличили свою опвозную торговлю 345 милліонами, ш. е. въ 15 разъ болѣе, нежели имѣли вначалѣ.

Законы, содѣйствовавшіе раскрытію безмѣрныхъ успѣховъ Великобританіи и Соединенныхъ Обласпей, не совершенно различны въ сущности своей отъ законовъ, изданныхъ въ пользу торговли и промышленности во Франціи. Таковыя успановленія по началу своему болъшею частію принадлежатъ Французамъ (*), и суть благодаренія вѣка Лудовика XIV и шворческаго ума Кольберша. Французы въ Государственныхъ своихъ законахъ, имѣють вѣрныя ручательства, безъ коихъ торговля была бы подавлена по производу монополіи, банкротства и шайнаго провоза шоваровъ. Въ ихъ гражданскомъ образованіи есть всѣ успановленія, коихъ нужду доказалъ опытъ. Консульскіе агеншы надзирають въ опдаленныхъ странахъ за торговыми предпріятіями Фран-

(*) Вспомнимъ, что Сочинитель сей статьи Французъ. *Прим. Изд.*

цузскихъ подданныхъ; союзныя и дружественныя договоры завѣряють въ благопріятномъ пріемѣ; предварительная извѣстность тарифныхъ пошлинъ, дозволяетъ расчисляваніе вѣроятности успѣха, не опасаясь притѣсненій; судилища Французскія спрогимъ и безпристрастнымъ правосудіемъ соглашають выгоды, обуздываютъ злоупотребленія и охраняють порядокъ и довѣріе. Въ затруднительныхъ случаяхъ, торгующія гильдіи совѣщаются между собою и представляютъ чрезъ просвѣщенныхъ торговцевъ свои разсужденія, кошорыя пріемиются, какъ совѣты мудрости. Наконецъ, Правительство въ Верховномъ Совѣтѣ своемъ приводитъ въ порядокъ всѣ свѣдѣнія, могущія увеличить богатство торговли, и совѣщанія сіи удостоиваются предсѣдательствомъ самаго Монарха. Какихъ же еще благодѣтельныхъ установленій недоспаетъ Французской торговлѣ? Въ семъ отношеніи, Французы имѣють все, что можеть принести пользу; и свѣдѣнія о гражданскомъ ихъ устройствѣ, представляютъ одну изъ самыхъ высшихъ степеней, до какой только образованіе можеть достигнуть. Совокупность же сего устройства есть одинъ изъ наилучшихъ памятниковъ, коими человеческій разумъ можеть хвалиться и при нѣкошорыхъ но-

выхъ мѣрахъ и пособіяхъ, безъ всякой впрочемъ ошмѣны въ законоположеніи, съ швердою увѣренностію должно ожидать всякой защиты, нужной къ усовершенствованію земледѣлія и промышленности и къ успѣхамъ торговли.

IV.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ПРОГУЛКА ВАТЕРТОНА ПО НѢКОТОРЫМЪ ОБЛАСТЯМЪ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ И СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ.

(*Продолженіе.*)

„Для распространенія познаній въ Естественной Исторіи, я скипался по самымъ дикимъ мѣстамъ равноденственныхъ странъ Южной Америки. Я *атаковалъ* и убилъ новѣйшаго *пифона*, вздѣлъ верхомъ на крокодилѣ, и былъ въ положеніи совершенно прошивномъ какому нибудь щеголю, развѣзжающему на конѣ предъ красавицами въ Гайдъ-Паркъ. Босой и одинокой, я вызвалъ спрашную змѣю изъ ея норы; влѣзалъ на высочайшія деревья, чшебы наловишь разнаго

рода лешучихъ мышей, скрывающихся въ прещинахъ. При палящемъ зноѣ, или во время проливнаго дождя, часно заходилъ въ чащу дремучихъ лѣсовъ, для опысканія естественныхъ произведеній, каковыхъ еще я не имѣлъ. Преслѣдовалъ самыхъ лютыхъ звѣрей по горамъ и долинамъ, по оврагамъ и болотамъ; и вечеромъ, изнуренный усталостію и голодомъ, возвращался на свою койку, съѣсть нѣсколько грубой и сухой пищи.“ А какъ испребленіе повѣйшаго пифона и поѣдка на крокодилъ, безъ сомнѣнія, сильно возбуждающъ любопытство чашашеля, то мы спѣшимъ къ удовольствію его рассказать о сихъ необыкновенныхъ происшествіяхъ. Многіе, можешь бышь, изъявляшъ свою недвѣрчивость, хотя въ эшомъ нѣшъ ничего совершенно не возможнаго. Кардиналь Рець говоритъ, что одни шолько возвышенныя умы способны различашъ шрудное ошъ неудобоисполнимаго. Умы посредственныя, напрошивъ, почишающъ невозможнымъ все, что выходитъ изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ. При повѣствованіи о богатырствѣ Г. Вашертона, мы будемъ упошребляшъ почти всегда собственныя его выраженія.

Съ великимъ нешерпніемъ желалъ онъ увидѣшъ змью *кулаканару* (coulacanara), имѣющую не рѣдко ошъ восемнадцати до двад-

цаши фушовъ въ длину и шолщину чрезвычайную. Однажды старый негръ уведомилъ его, что нашелъ такую змѣю въ пещерѣ. Надлежало употребить нѣсколько времени для очищенія кушовъ и расчѣній, заграждавшихъ входъ въ оную. Два негра, находившіеся при Г. Вашерпонтѣ, убѣждали его умертвить змѣю, но онъ хотѣлъ взять ее живою, дабы, нисколько неповредивъ кожи, содрать оную, пока еще будешь свѣжа. Онъ приближался между двумя неграми, изъ коихъ одинъ держалъ копье, а другой былъ съ ножомъ, и оба шрепешали онъ страха. Чудовище лежало свернувшись во многія кольца, и голова его, выходящая изъ подъ вшорого сгиба, покоилась на землѣ, въ положеніи весьма благопріятномъ намѣренію Г. Вашерпонта. Тихо подкрался онъ съ Неграми, ужась коихъ еще болѣе усугубился; онъ схватилъ копье, ударилъ змѣю возлѣ головы и такимъ образомъ, пригвоздилъ ее къ землѣ.

Тотчасъ, говоритъ онъ, Негръ, стоявшій возлѣ меня ближе, взялъ у меня копье и крѣпко держалъ оное въ прежнемъ положеніи, а я вползъ въ пещеру, чтобы схватить змѣю за хвостъ.

Когда она почувствовала, что была припкнута желѣзомъ, шо зашипѣла шакъ спрашно, что собака моя онъ ужаса убѣ-

жала съ воємъ. Мнѣ должно было выдержашь
весьма шрудную борьбу въ нещерѣ. Я бро-
сился на хвостъ чудовища, но будучи не въ
силахъ удержашь его, позвалъ другаго Негра,
и приказалъ ему лечь на меня. Сія удвоен-
ная шяжестъ оказала мнѣ великую помощь,
я наконецъ схватилъ его крѣпко за хвостъ.
Послѣ двухъ жестокихъ потрясеній, змѣя,
чувствуя превосходство нашей силы, усми-
рѣла. Тушъ мы ободрились. И между шѣмъ,
какъ одинъ изъ моихъ Негровъ по прежнему
держалъ копье, а другой сидѣлъ на мнѣ, я
кое-какъ доползъ до ея пасши и связалъ
оную моими помочами, кои не безъ шруда
могъ снѣшъ.

Змѣя, находясь въ мучительномъ поло-
женіи, принималась снова бишья, но была
уже совершенно въ нашихъ рукахъ. Она об-
вилась наконецъ вокругъ копья, и мы поне-
сли ее изъ дѣсу. Я крѣпко подхватилъ голо-
ву змѣи подъ свою мышку, между шѣмъ,
какъ одинъ Негръ поддерживалъ ея брюхо, а
другой хвостъ. Такимъ образомъ, шли мы
медленно къ моему жилищу, и пока прибы-
ли на мѣсто, ошпанавливались для ошдыха
разъ десяшъ, ибо змѣя была очень шяжела,
и мы не могли перенести ее безъ ошпа-
новки.“

Сіе чудовище имѣло чашыриадцашъ фушовъ длины, а шолщину двадцати чешырехъ фушоваго удава. День склонялся къ вечеру и нельзя было занимашься сдираніемъ кожи, а пошому и оставили до другаго дня, съ шрудомъ уложивъ его въ большой мѣшокъ.

„Не могу сказашъ, чшобы я провелъ ночь спокойно. Койка моя расположена была въ избѣ, надъ самымъ шѣмъ мѣшомъ, гдѣ змѣя брошена была подъ полъ; а какъ ошнѣй былъ весьма вѣшхъ и неплотенъ, шо ничшо и не ограждало меня ошъ нея. Она безпрестанно ворочалась. Если бы сама Медуза была моею женою, шо и шогда спальня моя не болѣе была бы оглашаема непрерывнымъ и ужаснымъ шипѣніемъ. На разсвѣшъ послалъ я за десяцшою Неграми, рубившими лѣсъ. Хошя шакое число людей было излишне, но благоразуміе шребовало взять сію предосторожностъ, дабы удержашъ змѣю, если бы она покусилась уйши при раскрышій мѣшка.“

Однако же ничего не случилось; голову ей опрубили и кровь полилась какъ изъ быка. Спусшя нѣсколькo времени пушешешвенникъ нашъ имѣлъ новое дѣло съ молодою кулаканарою, на кошорую набрелъ онъ, когда ползала въ лѣсу.

„Я смѣкнулъ, что она не такъ сильна, чтобы смять мою руку, если бы обвилась вокругъ нея. Не должно было терять ни минуты. Я сжалъ на колено, схватилъ за хвостъ ея лѣвою рукою, а правую подставилъ шляпу на подобіе щита. Змѣя потчасъ оборотилась, какъ бы вопрошая меня, какъ смѣлъ я поступать съ ея хвостомъ такъ дерзко. Я позволилъ ей прогнуть голову свою на два фута отъ моего лица, и тогда со всей силы ударилъ ее кулакомъ въ челюсть. Оглушивъ ее такимъ образомъ и не давая ни сколько опомниться, схватилъ ее за горло такъ, чтобы не могла меня укусить. Тогда позволилъ ей обвиться вокругъ моего пѣла и пошелъ впередъ съ сею добычею, какъ бы съ триумфомъ. Она сжимала меня крѣпко, не причиняя впрочемъ никакого безпокойства.“

Теперь посмотримъ, какимъ образомъ нашъ путешественникъ развѣзжалъ верхомъ на крокодилѣ. При третьей шокмо его подъѣздѣ отважился онъ на сіи два предпріятія, достойныя новаго Геркулеса. „Я провель, говорить онъ, девять лѣтъ при осадѣ Трои и ничего еще не могу сказать пріятнаго Греціи; *nil decimo nisi dedecus anno.*“ Новый подвигъ неуспѣху его случился на берегахъ Эссеквебо.

„Солнце давно уже закашилось. Небо было чисто и луна разливала вокруг меня свѣтъ яркій и пріятный. Въ воздухѣ не было примѣшно ни малѣйшаго движенія въпра. Рѣка текла тихо и представляла видъ большаго озера рщуши. Опъ времени до времени раздавались стоны мешопырей, смѣшавшіяся вскорѣ съ рыканіемъ шигра. Пономъ воцарилась прежняя тишина и безмолвіе, какъ въ полночь.

„Я могъ различать попеременно голоса крокодиловъ опъ криковъ *ягуара* (*), совы и лягушекъ. Шумъ первыхъ необыкновененъ и ужасенъ. Онъ былъ подобенъ глухому воплю и раздавался въ воздухѣ мгновенно: гулъ его шакъ силенъ, чшо можно слышать оный за милю. Сперва одинъ подавалъ сей спрашный голосъ, а попомъ другіе опвѣчали ему. Смопря на лица моихъ спутниковъ, я опкрывала надежду увидѣть *каимана* (**) въ сію же ночь.“

Г. Вапершонъ нацѣпилъ на уду большую рыбу, копорую каиманъ пожирала сряду чешыре ночи, но за уду не взялся. Не получивъ успѣха въ своемъ намѣреніи, путешественникъ переправился чрезъ рѣку и

(*) Американскій шигръ.

(**) Крокодилъ Американскій.

вспрѣшилъ нѣсколько Индѣйцевъ. Онъ показалъ одному изъ нихъ уду свою, но сей, покачавъ головою, усмѣхнулся. „Вѣроятно, думалъ Г. Вапершонъ, сей бѣдный жишель лѣсовъ знаетъ другой способъ, лучше моего, что и оправдалось на самомъ дѣлѣ. Индѣецъ сдѣлалъ родъ якоря изъ чешырехъ кусковъ швердаго дерева съ вѣшками, и прикрѣпилъ къ нему веревку длиною въ шридацашъ аршинъ, привязавъ другой конецъ ея къ столбику на берегу. Онъ нацѣплялъ на сію уду кусокъ акуринago (d'acougi) мяса и повѣсилъ ее на длинный шестъ, цѣлымъ футомъ выше поверхности воды.“

Когда все было готово, Индѣецъ началъ спускаться колошущкою по раковинѣ морской черепахи. Г. Вапершонъ спросилъ его, къ чему такой шумъ? онъ отвѣчалъ: „чтобы возбудить вниманіе каимана.“ Всѣ ушли спать, кромѣ Индѣйца; самъ Г. Вапершонъ отправился на свою койку. На разсвѣтѣ, Индѣецъ поднялъ крикъ, что крокодилъ схватилъ уду. Тогда всѣ бросились къ мѣсту дѣйствія. „Товарищество наше, говоритъ Вапершонъ, состояла изъ чешыре дикіе изъ Южной Америки, два Африканскіе Негра, одинъ Креоль изъ Тринидада и я, бѣлый человекъ изъ Йоркшира.“ Вся шрудность заключалась въ томъ, чтобы вынуть

каимана изъ воды, не повредивъ его чешуи. Индѣйцы не хотѣли вышаскивать его на землю живымъ, говоря, что онъ расперзаетъ ихъ на части и предлагали пустить въ него десятокъ стрѣлъ. „Но, по словамъ нашего путешественника, это уничтожило бы всю пруду. Я прошель болѣе трехъ сотъ миль, чтобы получить каимана въ хорошемъ видѣ, а не изуродованнаго.“ Онъ сообразилъ, что если возьметъ изъ челнока мачшу, имѣвшую восемь фузовъ въ длину, и бросясь на колѣно, уставишь ее, какъ солдатъ штыкъ, то можешь вознестись оную въ горшакъ крокодила, когда сей кинется на него съ разверстою пастью.

„Признайся, я чувствовалъ себя тогда не совсѣмъ въ пріятномъ положеніи. Люди мои вышянули каимана на поверхность воды; но когда опустили нѣсколько веревку, онъ погрузился съ яростию. Однако жъ я успѣлъ увидѣть его столько, чтобы пльнись имъ совершенно. Послѣ сего, я сказалъ, что гошовъ подвергнувшись всякой опасности, лишь бы вытащилъ его на землю. Работники послушались; и я узрѣлъ: *monstrum horrendum, informe, ingens* (*). Минуша восхищительная! Я сподялъ по-

(*) Чудовище, страшное, безобразное, огромное.

койно и размашривалъ его приспадно и со вниманіемъ.

„Крокодилъ лежалъ опъ меня въ нѣсколькихъ шагахъ. Я замѣщилъ, что онъ былъ въ нѣкоторомъ смѣшеніи и спрахъ, а допому бросилъ мачшу, и вскощилъ къ нему на хребетъ. Проползши по чешуѣ его, я наконецъ усѣлся довольно выгодно. Поощомъ схватилъ его чешыре лапы и, завернувъ на спину, и упошребилъ ихъ вмѣщю поводовъ.

„Казалось, онъ опомнился, и видя себя не совсѣмъ въ прѣщельской бесѣдѣ, началъ жестоко бищся по песку, разбрасывая оный огромнымъ хвощомъ своимъ. Къ счастью, я сидѣлъ у самой головы, въ безопасности опъ его ударовъ. Съ великимъ шрудомъ удержался я на немъ, во время жестокаго его бѣенія. Зрѣлище сіе было бы любопышно и для самаго равнодушнаго зрѣщеля.

„Люди мои опъ радости подняли крикъ, и до шого разшумѣлись, что нѣсколько минушь я не могъ допросищся, чтообы подвинули меня съ живощимъ на песокъ даде. Опасно было, что веревка оборвешся и я непременно упаду въ пору вмѣщѣ съ моимъ каиманомъ. Тогда учасщ моя была бы бѣдщвеннѣе, нежели морская поѣздка Аріона.

Delphino insidens yada caerulea sulcat Ari-
on (*).

„Насъ пропѣяли по землѣ на сорокъ аршинъ. И могу сказать, что я первый и послѣдній разъ ѣздилъ верхомъ на крокодилъ.“

Мы едва прочитали шесть страницъ книги Г. Вапертона, и уже находимъ, что сочиненіе сіе заслуживаетъ особенное вниманіе. Хотя слогу его нѣсколько страницъ, какъ и его характеръ, однако заключаешь въ себѣ большія достоинства. Но главнѣйшую прелесть его повѣствованія составляетъ сіе сердоболіе, которое побудило его съ такою внимательностію разсматривать живошныхъ, занимающихъ послѣднюю степень сущесствъ, и которое руководствовало къ открытію въ самыхъ отвратительныхъ и презрѣнныхъ, по видимому, шваряхъ, права на нашу благосклонность. Г. Вапертона должно признать Естественныишашелемъ, высоко уважающимъ красоту природы. Любовь къ истинѣ, есть также сильное чувство его души: она-то подвигла его сдѣлаться защитникомъ качествъ многихъ живошныхъ, нами поносимыхъ или презирае-

(*) Сидя на Дельфинѣ, Аріонъ разскажетъ сніи волны.

мыхъ. Такъ оправдываетъ онъ *дятла* (*charpentier*), *полунощника* (*engoulevant*) (*), *тихохода* (*paresseux*), опзываясь довольно выгодно даже о коршунѣ. Тѣ изъ чипашелей, кои спанушъ издѣваются надъ жаркимъ усердіемъ, съ какимъ онъ принялъ ихъ сторону, не поражаясь нисколько искусствомъ его доказательствъ, и не уважая чувствованій доброты, побудившихъ его быть ихъ заступникомъ, не должны чипашъ предлагаемыя нами выписки. Что касается до насъ, то скажемъ рѣшительно, что если бы даже похвалы его тихоходу, были единственнымъ плодомъ *прогулокъ его* въ Южной Америкѣ; то и тогда оказалъ бы онъ услугу Естественннспашелямъ и самой Природѣ, представивъ въ настоящемъ видѣ одно изъ ея швореній, самое жалкое и весьма мало нами уважаемое. Сей мнимый образецъ лѣности, есть, напрошивъ, какъ доказано имъ, весьма дѣятельное живошное. Оно уподобляется въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ шѣмъ горнымъ жншелямъ, кои пнпаюшся скудною и грубою пищею и находяшъ удовольствіе, предаваясь безпокойшвамъ, и ходя по дорогамъ каменншымъ и шруднымъ. Слѣдующее описаніе, сдѣланное нашимъ путешеш-

(*) *Caprimulgus*.

снвенникомъ, естѣ образецъ искусства и пріятности, съ каковыми онъ сообщаетъ наблюденія свои въ области Естественной Истории :

„Справа сія естѣ общество *Тихохода*. Онъ какъ будто вдругъ спарается возбудишь состраданіе ваше своими взглядами, движеніями и голосомъ. Это суть единственные орудія, данныя ему природою для защиты. Между шѣмъ, какъ другія животныя, соединясь въ стада или стаи, бродящъ вмѣстѣ по симъ дикимъ и величественнымъ пустынямъ, Тихоходъ найшся въ уединеніи и почти неподвиженъ, лишенный даже возможности онъ васъ уйти. Говорятъ, что жалобные стоны его, смягчаютъ даже и самаго шугра. Ахъ! не будьте же вы жестокосердые! не стрѣляйте въ него изъ ружья, не пускайте въ него ядовитой стрѣлы, ибо онъ естѣ животное самое миролюбивое, никогда не нападающее на другаго!

„Нѣсколько лисшьевъ весьма обыкновенныхъ и грубыхъ, составляютъ всю его пищу. Сравните Тихохода съ другими животными, органы его окажутся вмѣстѣ и недоснабочными и излишними. У него нѣтъ переднихъ зубовъ, и хотя имѣетъ чешыре желудка, но не находимъ у него длинныхъ кишковъ, каковы бывають у животныхъ съ

жвачкою. У Тихохода, какъ и у пѣицы, одинъ шолько нижній проходъ. Ноги его безъ плесны, и онъ не можеть шевелить своими пальцами порознь. Шерсть на немъ гладкая и похожа на дернь, изсушенный зимнимъ вѣтромъ. Лапы весьма корошкія и, по необыкновенному соединенію съ шѣломъ, весьма безобразны; по видимому, онъ можеть служишь ему шолько для ползанія по дереву. Онъ имѣеть сорокъ шесть реберь, между шѣмъ, какъ у слона шолько сорокъ; когти его величины несоразмѣрной. Если бы вы захотѣли показать опиношипельныя превосходства чепвероногихъ живошныхъ; шо сіе неспройное и жалкое твореніе, вѣрояшно, пославлено будеть послѣднее на послѣдней степени.

„Писавшіе о семъ спранномъ живошномъ полагали, что въ медленности его движенія нѣтъ ему подобнаго, и что оно бываеть какъ будто приковано къ одному мѣсту; что съѣвши всѣ листья на деревѣ, на которое вползло, оно свершывается въ клубокъ и бросаеться съ него на землю. Все это не вѣрно.

„Когда бы Естешшвоиспытатели, собщившіе извѣстіе о Тихоходѣ, изслѣдовали его качества и дѣйствія въ пущыиѣ; шо конечно не написали бы ничего подобнаго

вышесказанному. Они убѣдились бы, что ежели всякое другое животное, должно быть описываемо, во время его отдыха на землѣ, то упоминаемое нами надлежитъ разсматривать на пѣнисномъ деревѣ.

„Сей чудный звѣрокъ живешь во глубинѣ дремучихъ лѣсовъ, въ коихъ водятся ужасныя змѣи, а также муравьи и скорпионы, не менѣе опасныя, и куда загражденъ входъ образованному чловѣку болошами и колючимъ кушарникомъ. Читая, въ Естественной Исторіи, описаніе Тихохода, легко можно замѣтить, что сочинявшіе оное не проникали для изслѣдованія свойствъ его въ обитаемыя имъ пущыни, и следовательно не видѣли, точно ли сіе животное, кажущееся намъ такъ жалкимъ, споль худо сложеннымъ и до такой степени неспособнымъ пользоваться благами, щедро изліянными на всѣ существа, есть погрѣшность самой природы. Мы уже сказали, что у него нѣтъ плесны на ногахъ; а потому, когда спараетея пройти по землѣ, то бываетея въ великомъ затрудненіи и, смотря на васъ, кажетея, говоритъ: *пожалйте обо мнѣ, я достоинъ вашего состраданія.*

„Тихоходовъ ловятъ Негры и Индѣйцы и доставляютъ ихъ бѣлымъ. Изъ сего можно заключить, что ошибочные о немъ

расказы, соспавлены были не съ шѣмъ на-
мѣреніемъ, чшобы обманываць чшпашеля,
или занимаць его описаніями необыкновен-
ными; но чшо сіи недоразумѣнія произошли
единственно ошъ того, чшо Тихоходъ былъ
разсмашриваемъ въ шакихъ мѣсшахъ и въ
шакомъ положеніи, кои не согласны съ его
врожденными качесшвами.

„Но вошъ мы шеперь въ его опечесшвъ.
Человакъ рѣдко заходишь въ сіи гусшыи и
величественныи лѣса, окружающіи меня на
сподъ большое пространштво. Эшо наспо-
лщее время для наблюденій о Тихоходѣ. Раз-
смошримъ сначала усшройство его органовъ,
и шогда мы лучше пойдемъ обыкновенныи
его дѣйствія въ мѣсшахъ, назначенныхъ ему
природою. Переднія лапы кажушся слиш-
комъ длинны, между шѣмъ, какъ заднія очень
коротки и имѣюшъ нѣкошорое сходство со
шшшпоромъ. Тотъ странное образованіе ногъ
причиною, чшо онѣ не могушъ дѣйство-
вать перпендикулярно, и поддерживать его,
подобно прочимъ четвероногимъ. Посему,
когда бываешь онъ на землѣ, брюхо его все-
гда до нея касаешья. Но если бы лапы его
не были шакимъ образомъ расположены, шо
шѣмъ съ большимъ шрудомъ могъ бы онъ
держаться на нихъ; ибо ноги его безъ пле-
сны, когти же длинны, острыи и загнуты,

накъ, что когда онъ споншь, то поддер- живаешья одними ихъ оконечностями, подобно человеку, который вздумалъ бы опёреться на концы своихъ пальцевъ, на рукахъ и ногахъ. Если бы земля была совершенно ровна, то Тихоходъ не могъ бы сойти съ нѣсна; но какъ поверхность оной вообще кочковата и усѣяна камнями и кустиками травы; а пощому онъ прошаги- ваетъ свои лапы въ разные стороны, пока за что нибудь не уцѣпится; и иногда уже подается впередъ, но съ такою медленно- стью и наклоненіемъ, что это самое заспа- вило дасть ему названіе *Тихохода*. Печаль- ные взгляды и вздохи его показывають въ это время всю трудность его положенія!

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Нижняшия Англійскія Министры,

Въ *Gazette de France*: отъ 11 Августа, № 235, помѣщенъ слѣдующій извѣстїя отъ нѣмѣцкихъ Англійскихъ Министровъ, собранныя изъ жизнеописаній, Лондонскихъ Газетъ и разговоровъ съ Англичанами:

Министры Члены Палаты Лордовъ
Лордъ Годричъ, (извѣстный прежде сего подъ именемъ Робинсона), первый Лордъ Казначейства, имевшъ 42 года отъ роду, меньшій сынъ Лорда Грашамъ, женатъ на сестрѣ Маркизы Лондондерри, вдовы Министра. Лордъ Годричъ началъ политическое свое поприще, вступленіемъ въ миссію Лорда Кастельре, при Шапильонскомъ Конгрессѣ въ 1814 году; въ послѣдствіи его назначили Казначеемъ Морскихъ силъ и Вице-Президентомъ Коммерческаго Департамента. Въ 1822, онъ наименованъ Канцлеромъ финансовъ, и по удаленіи Лорда Ливерпуля, возведенъ въ достоинство Перовъ. Всѣ хвалятъ въ немъ умеренность, которая въ немъ

нѣшней его положеніи, конечно еще увеличится; онъ всегда былъ расположенъ въ пользу уравненія Католиковъ въ правахъ съ Протестантами.

Лордъ Дудлей и Бардъ, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, живешь ошъ роду 40 лѣтъ. Умѣренныя Виги нѣкогда помѣщали его имя въ своемъ спискѣ; со времени кончины его отца, послѣдовавшей за чепыре года предъ симъ, онъ принадлежишь къ паршій Торри. Онъ любивъ Словесность и всегда подавалъ годось въ пользу Католиковъ.

Лордъ Лидгурстъ, главный Канцлеръ; ошъ роду ему 43 годъ; онъ былъ въ молодости своей опамчымъ адвокатомъ. Онъ родился въ Сбедненныхъ Северо-Американскихъ Штатахъ; отецъ его былъ славный Живописецъ Коплей. Онъ вступилъ въ Министрство при Лордѣ Кастельре, и не расположенъ въ пользу дарованія правъ Католикамъ.

Герцогъ Портландъ, живешь 54 года ошъ роду; Президентъ Совѣта, вѣсно Лорда Гарробея. Онъ женатъ на сестрѣ покойнаго Г. Каннинга, и принадлежалъ къ числу умѣренныхъ Виговъ. Его отецъ былъ Министромъ во времена Пизша и Персеваля. Онъ расположенъ въ пользу Католиковъ.

Лордъ Карлейль, 47 лѣтъ отъ рожденія; Хранитель печати. Вигъ умѣренный. Расположенъ въ пользу Кашоликовъ, женатъ на сестрѣ Леди Гренвилъ, супруги Посланника при Парижскомъ Дворѣ, и только шеверъ вступилъ на поприще политики.

Лордъ Бекслей, Канцлеръ Ланкашпирскій, извѣстный подъ именемъ Вансипарша, весьма свѣдуецъ въ Финансахъ; онъ былъ Канцлеромъ Департамента Финансовъ послѣ Г. Персеваля, умерщвленнаго въ 1812 году, и правилъ сію должность до 1822 года, когда его смѣнилъ Г. Робинсонъ, чшо нынѣ Лордъ Годричъ. Г. Вансипаршъ наименованъ былъ Перомъ, съ оставленіемъ его Членомъ Министерства. Отъ рожденія имѣетъ онъ 64 года. Онъ рѣшительный Тори, но всегда подавалъ свой голосъ въ пользу Кашоликовъ. Лорду Бекслею приписываютъ много опытности въ дѣлахъ Финансовыхъ.

Маркизь Лансдаунъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, имѣетъ 47 лѣтъ отъ роду, Вигъ умѣренный, и сынъ знаменитаго Маркиза Лансдауна, извѣснаго въ 1761 году Министра, подъ шипломъ Лорда Шельборна. Маркизь Лансдаунъ уже на 26 году отъ рожденія былъ Канцлеромъ Казначейства, въ Крацкое Министерствѣ Фокса 1806 года; тогда назывался онъ Сиръ Генри Пеш-

лей. Старшій его братель былъ тогда живъ и пользовался шипломъ Маркиза. Сей Министръ всегда поддерживалъ пребыванія Ирландскихъ Каполиковъ.

Маркизь Англези, имѣешь 50 лѣтъ ошъ роду, знаменишый кавалерійскій Генераль, прозванный *Мюратомъ* Англійской арміи. Онъ смѣнилъ Герцога Веллингтона въ званіи Генераль-Фельдцейгмейстера. Онъ рѣшишельный Тори, и прошившися дѣлу Ирландскихъ Каполиковъ.

Министры члены Нижней Палаты:

Г. Геррисъ, Канцлеръ Казначейства, Тори рѣшишельный, имѣешь ошъ рожденія 48 лѣтъ, племянникъ знаменишаго Банкаира сего имени; онъ началъ службу въ Казначействѣ. Въ 1807 году онъ назначень былъ частнымъ Секретаремъ Г. Персеваля. По смерти сего Министра, его опредѣлили въ Провіантмейстеры арміи. По заключеніи мира, сія должность прекрашилась, и Г. Геррисъ помѣщенъ былъ по гражданской части. По смерти Маркиза Лондондерри, его опредѣлили Секретаремъ въ Казначействѣ и избрали въ Члены Парламенша. Онъ имѣешь обширныя свѣдѣнія по части Финансовъ и Политической Экономіи. Онъ обучался въ Германіи, и перевелъ на Англійскій языкъ всѣ сочиненія Г. Генца: о Финансахъ Англіи. Во

время послѣднихъ преній по дѣлу Ирландскихъ Капюликовъ, Г. Геррисъ подалъ голосъ прошивъ ихъ.

Г. Гускиссонъ, Витъ умѣренный, Министръ колоній, имѣешь осьь роду 62 года. Всѣ отдающъ полную справедливость его познаніямъ по всѣмъ частямъ Финансовъ, Коммерціи и Экономіи Полишической. Онъ сынъ Дуврскаго аптекаря, и въ 1791 году прибылъ въ Парижъ, для изученія Хирургіи, находяся въ сей столицѣ во время владычества Якобинцевъ и дѣлалъ важныя наблюденія. Г. Питтшъ имѣлъ случай оплчишить его уже съ сего времени, и лишь только началась война, онъ употребленъ былъ самъ Министромъ. Онъ былъ вторымъ Секретаремъ Министрствъ Колоній и Иностранныхъ Дѣлъ. Когда Г. Каннингъ, бывшій всегда его другомъ, вступилъ въ Министрство, въ 1807 году, Г. Гускиссонъ назначенъ былъ Секретаремъ въ Казначействѣ; но онъ оставилъ сіе мѣсто, когда Каннингъ вышелъ изъ Министрства послѣ поединка съ Лордомъ Кастельре. Въ 1826, Г. Каннингъ снова вступилъ въ Министрство Управляющимъ Остъ-Индскими дѣлами, и Г. Гускиссонъ опредѣленъ Коммиссаромъ лѣсовъ. По смерти Маркиза Лондондерри, его наименовали Президентомъ Де-

департаментна Коммерціи и Членомъ Совѣта. Онъ всегда былъ убежденъ въ пользу Ирландскихъ Каполиковъ.

Г. Вейнъ, Президентъ Департамента Индійскихъ Дѣлъ, смѣнилъ Г. Каннинга въ 1821 году. Онъ въ родствѣ съ фамилією Гренвилла, которая имѣетъ сильное вліяніе въ Министерствѣ. Онъ Торъ рѣшишельный и расположенъ въ пользу Каполиковъ.

Лордъ Пальмерстонъ, Секретарь Военнаго Министерства, имѣющій обширныя свѣдѣнія по сей части управленія. Торъ, убежденный въ пользу Каполиковъ.

Г. Стюрдж-Бурнъ, богатый помещикъ и другъ покойнаго Каннинга. Торъ рѣшишельный, но приверженный къ дѣлу Каполиковъ. Онъ Коммисаръ лѣсовъ. Онъ доселѣ никогда не былъ въ Министерствѣ. Его дѣятельность ограничивалась поначемъ о пособіи бѣднымъ и о человеколюбивыхъ заведеніяхъ.

Г. Тирней, 64 лѣтъ отъ рожденія, Директоръ Монетнаго двора. Въ продолженіе 30 лѣтъ онъ участвовалъ во всѣхъ преніяхъ Нижней Палаты о разныхъ предметахъ финансовъ. Въ 1787 онъ имѣлъ поединокъ съ Г. Пишмомъ. Въ то время онъ придерживался партіи Виговъ, но когда въ 1800 году Лордъ Аддингтонъ (Лордъ Сидмутъ) смѣ-

ишь Г. Пишпа, Г. Тирней, были определены Казначеем Морских сил. Онъ оставилъ сѣю должность съ возвращеніемъ въ Министерствѣ Г. Пишпа, и былъ смѣненъ Г. Каннингомъ. Онъ не принадлежалъ къ Министерствѣ Фокса. Будучи опличнымъ орапоромъ, онъ почти всегда придерживался партіи Виговъ и подавалъ голосъ въ пользу уравненія Капшолоковъ.

Г. Грантъ, бывший Вице-Президентъ, нынѣ Президентъ Департамента Коммерціи, Тори рѣшишельный. Съ 1817 по 1822 годъ, онъ былъ Слѣдствъ-Секретаремъ Ирландскихъ Дѣлъ; онъ явный приверженецъ Ирландскихъ Капшолоковъ. Хвалить его свѣдѣнія по части Финансовъ.

Изъ сего явствуетъ, что въ числѣ пятнадцати Членовъ Министерствѣ, находясь только пять Виговъ, и четверо дѣйствующихъ противъ сравненія Ирландскихъ Капшолоковъ съ Пропешансами.

VI.

С М Ъ С Ъ.

Ж у р н а л и с т и к ъ (*).

„Порока и глупости не должно представлять въ увеличительныя зеркала: имъ это по рукъ. Они скажутъ: „мы себя здѣсь не узнаемъ“ — и ваши исправительныя мѣры останутся безъ усѣха. — Лучше дошрогивайтесь слегка, но задирайте всегда за живое, ш. с. за истиннос.“

См. М. Т. 1827 года No 3, стр. 237.

„Какъ непосшоянно счастье сего міра! какъ ни скоро оно наспигаешь своего любимца, но все кажется скорѣе, или лучше скажешь мгновеніе его оставяешь, и припомъ въ ту самую минушу, когда счастливецъ думаешь вознесшися на верхъ онаго,“ мысленно повпорилъ я это старинное правило, сидя подъ окошкомъ и дымясь въ вапшашафъ. — Небольшой спухъ заславилъ меня оглянущяся, и я съ удивленіемъ увидѣлъ вошедшаго ко мнѣ стариннаго моего знакомца, Г. Б.... — Его посъщеніе, смирен-

(*) Журналистскими называющяся люди, ничего не читающіе кромѣ нѣкоторыхъ Журналовъ, и ничего не знающіе, кромѣ того, что написано въ нѣкоторыхъ Журналахъ.

ная поступь и приходъ пѣшкомъ, меня крайне удивили. — Бывало Б. . . . являлся всюду съ шумомъ, крикомъ, входилъ въ комнату не снимая шляпы, кобенился, ложился на диванъ, хопя при дамахъ; кашался на лихой четверть въ новомодномъ ландо, или мчался на ухарскомъ рысакѣ въ кабріолешъ, сопровождаемый Англійскимъ жокеемъ; а теперь, пѣшечкомъ пришелъ ко мнѣ такъ смиренно, что я не примѣнилъ, какъ онъ вошелъ въ комнату, — все это шѣмъ болѣе меня изумило, что я не видалъ его у себя съ шѣмъ поръ, какъ проказница фортуна нарядила его въ куцой фракъ и снабдила рысаками и кабріолетомъ. — „Здравствуй, любезный другъ, сказала мнѣ печально Б. . . , я виноватъ предъ тобою; смѣшное щеславіе, которое называютъ приличіемъ свѣща, побудило меня раззнакомиться съ тобою.“ Вина не велика, ошвѣчалъ я, не ты первый, не ты послѣдній, — серднись мнѣ не за что, что шѣмъ, сидя въ раззолоченной каретѣ, не замѣчалъ, или лучше сказаць ошворачивался въ сторону, увидя меня, шихо идущаго по проходу; — скажи мнѣ шолько, ошъ чего въ тебѣ такая перемѣна?

Б. Увы, мой другъ! счастье бросило меня; я ошлалъ спалъ по прежнему бѣденъ, шолько спалъ богаче прежняго долгами!

А. Опять чего такъ скоро все переи-
вилось?

Б. Тебѣ извѣстно, что старая Брига-
дирша Н... была мнѣ родственница, я къ
ней всячески старался поддѣлываться; на-
конецъ успѣлъ такъ вкраснѣя къ ней въ
любовь и довѣренность, что она взяла меня
къ себѣ жить; будучи сама больна, поручи-
ла мнѣ въ управленіе все свое имѣніе и до-
ходы, общая по смерти сдѣлала полнымъ
своимъ наследникомъ. — Тупь-шо я зажилъ
ухарски! мой экипажъ, лошади, ливрея, бы-
ли извѣстны цѣлому городу. — Пріятелей
у меня была куча: поэты и прозаики, псо-
вые охотники и игроки, всѣ шлопою вали-
лись ко мнѣ; Шампанское лилось у меня
рѣкою; уже по милости моей чепверки гнѣ-
дыхъ меня принимали вездѣ въ шонныхъ до-
жахъ, называли *jeune homme, comme il faut*;
маменьки и дочки, начинали имѣть свои
виды на меня, и не одна красавица, любуясь
нодъ Новинскимъ моимъ экипажемъ, желала
нѣкогда ѣздишь въ немъ со мною, какъ Г-жа
Б. ...; уже и самъ я надѣялся названъ сво-
єю одну изъ Княжень Т...скихъ; но Пом-
те ргрозю, Dieu dispose. Оглушенный виномъ
и похвалами друзей, я не заботился о бу-
дущемъ, не старался успроишь свои дѣла,
полагая, что моя благодѣтельница безсмерш-

на, какъ вдругъ, сверхъ чаянiя она впала въ шяжкую болѣзнь и чрезъ недѣлю умерла, не успѣвъ сдѣлать въ пользу мою духовнаго завѣщанiя, безъ котораго я не имѣю ни малѣйшаго права быть ея наследникомъ.

А. Признаюсь откровенно, хотя ты и не заслуживаешь сожалѣнiя; но я все таки о тебѣ сожалею. Привыкнувъ жить пышно, и вдругъ впаспѣ въ нищету, имѣя припомѣ кучу долговъ и не имѣя средствъ заплащать ихъ, а можешь быть кончишь жизнь въ шюрмѣ, безъ сомнѣнiя ужасно. Да скажи мнѣ пожалуй, много ли ты долженъ?

Б. Болѣе 140 тысячъ рублей.

А. Какимъ же образомъ, и для чего ты задолжалъ такую сумму?

Б. Сначала, когда еще я только что начиналъ поддѣлываться къ своей родственницѣ, не надѣясь на скорый успѣхъ моего предпрiятiя, я хотѣлъ, между прочимъ, попытать счастья въ карточной игрѣ, а для сего мнѣ нужны были деньги: — Наличными мнѣ никто не вѣрилъ, и я принужденъ былъ покупать вещи на заемныя письма дорого, и продавалъ ихъ дешево на чистыя деньги; шакъ напр. купилъ я у барышника пару рысаковъ, далъ заемное письмо ему въ 12 тысячъ рублей, а рысаковъ насилу сбылъ за 2 тысячи рублей. Подобныя сей спеку-

лиціи ванушали меня въ долги; пріобрѣвши же довѣренность моей родственницы, я не забоялся съ ними разсчитываться; поному чшо заплашишь всѣмъ кредиторамъ разѣмъ я не имѣлъ средства, а ничашъ удовлетворяшь по одному, невозможно поному, чшо эшо подало бы поводъ другимъ насропшельнѣе шребовашъ съ меня платы; къ шому же шолпа кредиторовъ въ прихожей, по жалкому мнѣнію модниковъ, придаешъ вѣсь молодому человеку, желающему бытъ извѣстнымъ въ свѣтѣ.

А. Эхъ! живи бы шебъ постепенно, не вдиши бы въ модныхъ кабріолешахъ.

Б. Ахъ! не говори объ эшомъ прокляшомъ кабріолешѣ; воспоминаніе о немъ сильно меня шревожишь!

А. Чшо шакое?

Б. Кабріолешъ эшошъ купленъ мною на шѣ деньги, копорыя я получилъ ошъ покойной моей родственницы, для раздачи ея людямъ на жалованье, копорого они и не сіе время не получали; жалобы и проклянія ихъ преслѣдуюшь меня всюду.

А. Вошь до чего доведо шебя швое удальство?

Б. Неужели въ моихъ поступкахъ ешъ удальство?

А. Конечно, какъ же называть ихъ? Плутовствомъ, шакъ шы обидишься; впрочемъ удаальство и плутовство, чущь ли не синонимы.

Б. И шакъ мнѣ ошчаешься ушънашься шкъмъ, чшо я по крайней мѣрѣ Поэшь!

А. Почему же?

Б. Да въ No 10 М. Т. на стр. 119 сказано: „гдѣ есмь удаальство, шамъ следствен-но есмь и Поэзія.“

А. Прекрасная Логика! превосходный комплиментъ нашимъ Пошамъ; ежели по мнѣнію М. Т. всякой удаалець ешь Поэшь, шю шъчего намъ жаловаться на недоспашокъ въ Пошакъ: ешомъ зашланушь въ емиршпцельные дома, шю шкъуда будешь двашься ошъ нихъ... После штого, пожалуй, онъ и швое искусство барышничашь лошадами назовешь похвальнымъ.

Б. А чшо шы думаешь? да! „лучше всего барышничашь и шыганиць, лошадами: въ шномъ ремеслѣ, дошя и не совершенно безгрешномъ, все ешь какое-шо удаальство, и следственно Поэзія!“

А. Это кто тебѣ сказалъ?

Б. Все шакъ го No М. Т. стр. 119-я. Да чшо съ тебою говоришь о Липерашурѣ! шы профанъ, ничего не знаешь; какой шы любитель просвъщенія! я думаю, шы не

видать и Поэмы Пушкина Цыганы, напеча-
шанной на пергаминах?

А. Вашъ.

Б. Вашъ и видно, что вы не библио-
графъ и не охотники до типографическихъ
рѣдкостей.

А. Что вы хочешь сказать этимъ?

Б. А вотъ что: въ № 7 М. Т. на стр.
235, извѣщаемъ Издашель Библиографовъ и
охотниковъ до типографическихъ рѣдко-
стей, что одинъ экземпляръ Поэмы Цыга-
ны, напечатанъ на пергаминахъ.

А. Очень вѣрю, что напечатать можно
всякую книгу на пергаминахъ; но только это
совсѣмъ не рѣдкость. — Пергамина для По-
эмы Цыганы, довольно на 2 рубля, а шрифтъ,
вѣроятно для одного экземпляра не былъ
выписанъ особенный, — типографу все
равно, что печатаешь одинъ экземпляръ, что
600; ибо плата типографу берется за на-
боръ, а не за печать. Издашель Телеграфа
вѣрно зналъ, что книги, писанныя и пе-
чашанныя на пергаминахъ, дорого цѣвящяся, по-
думалъ, что являющюю этому пергаминахъ, а
не древности книгъ, которыхъ до изобреще-
нiа бумаги изъ шпенокъ, обыкновенно писа-
ли и вышарали на пергаминахъ.

Б. Не можете сказать, чтобы Г. Из-
дашель М. Т. не зналъ этого; онъ человекъ

ученнѣйшій, знаешь даже Сандкринскій языкъ.

А. Воля швоя, что хочешь говори, а я никогда не повѣрю, чтобы Г. Издашель М. Т. зналъ по-Сандкрински.

Б. Почему же?

А. Пошому, что не у кого было ему учиться этому языку; а самоучкою выучиться не возможно даже и по-Французски; объ этомъ самъ Г. Издашель М. Т. много разъ *рѣшительно* утверждалъ въ своемъ Журналѣ.

Б. Это вамъ; но инымъ — все возможно. Напримеръ, шы, я думаю, не повѣришь, что можно списать поршреша съ одного и того же чедовѣка, который будешь и похожъ и не похожъ?

А. Какое прешивервчѣ! можешь ли это бышь? Должно бышь что либудъ одно: сходство или несходство.

Б. Нѣшъ! можешь бышь: но и другое видѣшь. Ссылаюсь на Новг М. Т. на стр. 33.

А. Что жъ тамъ написано?

Б. А что, что поршрешъ Пушкина, написанный Г. Тропиннымъ, и похожъ и не похожъ; а вошь доказательство: „сходство поршреша съ подлинникомъ поразительно.“ Сходство поршрешъ похожъ?

А. Кажется это ясно.

Б. Далѣе о томъ же портретѣ сказано: „Художникъ не могъ совершенно схватить быстроты взгляда и живаго выраженія лица Поэта.“

Я. Такъ спало портретъ не похожъ?

Б. Тамъ же напечатано: „Физиогномія Пушкина, споль опредѣленная, выразишельная, чшо всякій хорошій живописецъ можеть схватить ее.“

Я. Слѣдовашельно всякій, знающій свое дѣло живописецъ, можеть написашъ портретъ Пушкина удачно?

Б. Казалось бы шакъ, но въ слѣдъ за симъ Телеграфъ говоришь, чшо физиогномія Пушкина „шакъ измѣнчива, зыбка, чшо шрудно предположишь, чшобы одинъ портретъ Пушкина могъ дашъ о ней испинное поняшье.“ И шакъ, видишь ли, чшо я правъ, сказавши, чшо естъ портретъ, кошорый вмѣстѣ похожъ и не похожъ на шого, кого онъ изображаешъ.

Я. Ну, брашь, все вто похоже на пары зыбкаго идеологизма, носящагося въ океанѣ безпредѣльности.

Б. Не щеголай чужими-шо фразами: обьшнихъ парахъ шочно шакъ сказано въ No 3 М. Т. на стр. 239.

Я. Пожалуй, ежели хочешъ, я еще сдѣлаю сравненіе: описаніе въ М. Т. портрета

Пушкина, подобно *солнцу* дня, проникающему нечувствительно, или лучше сказать, *невсладуемо* и туда, гдѣ неощутительно, неочевидно непосредственно *дѣйствіе* лучей его.

Б. И это не швое: объ этомъ неощутительномъ и нечувствительномъ свѣтилѣ шочно шакъ напечатано въ No 7 М. Т. на стр. 195.

А. Слѣдовательно, кто теперь ни скажешь какуюнибудь несообразность, ты вѣрно назовешь ее *заимшвенною* и укажешь шощасъ на кошорую *нибудь* страницу М. Т., гдѣ она уже напечатана?

Б. Нѣшъ! шамъ несообразностей не печашаюшъ; въ М. Т. на каждой страницѣ видна *возвышенная* *стачка* *геніевъ*.

А. Ужъ и эту спачку ты нашель не въ Телеграфѣ ли?

Б. Именно, въ No 7 на стр. 195. Да что мнѣ спорить съ шобою; мы съ Телеграфомъ любимъ *рѣшительно* *ушверждать*, а не спорить; ибо въ спорѣ нужны доказательства, а мы ихъ не шерпимъ. Знаешь ли ты, что Пушкинъ не шолько знаменитый Поэтъ; но онъ даде и знаменитый воинъ?

А. Знаю, что Пушкинъ *превосходный* Поэтъ, но въ первый разъ слышу, что онъ

воинъ; пошому чшо онъ никогда и не служилъ въ военной службѣ.

Б. Въ М. Т. въ No 10 на сгр. 115 сказано, чшо „Пушкинъ въ удачномъ завоеваніи присвоилъ себѣ племя Цыганъ съ оригинальною ихъ физиогноміею и покорилъ оное владычеству Поэзіи.“

Я. Я очень радъ, чшо наконецъ эти бродяги попались въ добрыя руки, авось ихъ приучашь занимаешься чѣмъ-либо полезнымъ.

Б. Видишь ли, правду говоришь Издашель Телеграфа въ No 10 на сгр. 122, чшо „Пушкинъ можешь еще плышь далѣе въ глубь и полноводіе.“

Я. Безъ сомнѣнія для новыхъ завоеваній?

Б. Конечно, онъ опличивѣйшій Поэтъ; скажи, кшо ему равенъ?

Я. Не говоря о древнихъ, можно назвашь тебѣ опличивѣйшихъ Поэтовъ, жившихъ въ наши времена, напр. Шиллеръ.

Б. Хошя въ No 1 М. Т. на сгр. 58 сказано, чшо: „Шиллеръ всегда опличный Поэтъ, истинный пророкъ изящнаго,“ — но далѣе доказываешся, чшо всѣ его трагедіи не хороши.

Я. Какъ же это шакъ? Шиллеръ писашель опличный, а сочиненія его дурны? Это

братъ прошиворвчїе! Напримѣръ, его трагедія Разбойники; не ужели не хороша?

Б. Въ М. Т. No 8 на стр. 294 сказано: что „въ ней бѣдность дѣйствія, несообразности характеровъ и много промаховъ прошивъ правдоподобія.“

Я. Ну, а Заговоръ Фіеска?

Б. М. Т. въ No 8 на стр. 295, говоришь, что эта трагедія не хороша пошому, что „въ ней Веррино ославилъ Бершу совершенно одну, даже безъ какой-нибудь шарухи, копорая бы могла закричать: *караулъ*.“ А пришомъ характеръ Фіеска списанъ Шиллеромъ съ Димитрія Самозванца Сумарокова.

Я. Славныя доказательства! Что же ты мнѣ скажешь о трагедіи: Коварство и любовь?

Б. М. Т. въ No 8 на стр. 299 говоришь, что она „не естъ трагедія, пошому что ходъ ея не правдоподобенъ и невѣроященъ.“

Я. Уже ли и Донъ Карлосъ не хорошъ?

Б. М. Т. въ No 8 на стр. 300 и 301, говоришь, что „въ Донъ Карлосъ, Шиллеръ слишкомъ заговорился, что онъ унизилъ нравственный характеръ Донъ Карлоса, представилъ его саншменпальнымъ любовникомъ, копорого *любовь испаряется въ слова и вздогхъ*.“

А. Ты вѣрно, шупя, говоришь, что это напечатано въ М. Т., пошому, что всѣ твои сужденія о прагедяхъ Шиллера суть подражаніе сужденію о классикахъ Г. Покко-кураше въ Вольшеровомъ Кандидѣ.

Б. Нѣшъ, все сказанное мною, я чипаль въ М. Т. сего 1827 года. Да мало ли ешь шамъ новаго; напрымѣръ: „многіе Геше, по какому-то *темному слуху*, называющъ величайшимъ геніемъ, съ кошорымъ нельзя сравнишь Шиллера.“

А. Почему же?

Б. М. Т. въ Но 1 на сгр. 59 говоришь: „я думаю, нельзя пошому, что не должно.“

А. Только пошому?

Б. Чего же тебѣ больше? Геше пошому шолько хваляшъ въ Германіи, какъ говоришся въ М. Т. Но 6 на сгр. 93, что „уши Нѣмцевъ уживчивѣе.“

А. Помилуй! неужели у Нѣмцевъ нѣшъ человекъ, кошорый бы могъ справедливо оцѣнить произведенія своихъ соошечественниковъ; на пр. Шлегель, кошорый показаль ошличный образецъ своихъ сужденій, не шолько о Нѣмецкомъ, но даже и о Французскомъ шеатрѣ?

Б. М. Т. въ Но 6 на сгр. 92 говоришь, что „Шлегель судишь о Французскомъ те-

апрѣ, не какъ знашокъ, или охотникъ, но какъ заимодавецъ подъ вещи.“

Я. Послѣ такихъ приговоровъ Шиллеру, Геше и Шлегелю, ничего ожидаешь добраго и Вальшеру Скопшу.“

Б. М. Т. въ № 11 на стр. 256 говоришь, „что Вальшеръ Скопшъ носишь желшья очки, и что онъ, воюя съ непріа-шелемъ, хочешь бишь его чѣмъ ни попало, и дѣдовскимъ копьемъ и кухоннымъ сковородникомъ.“

Я. Это съ чего взялъ швой М. Т.?

Б. Какъ съ чего? Издашеле Телеграфа хорошо знаетъ Англійскій языкъ; онъ читалъ сочиненія В. Скопша въ подлинникъ, а не въ Русскомъ переводѣ, просѣяномъ сквозь рѣшето Французской прозы.“

Я. Гдѣ ты досталъ это рѣшето Французской прозы?

Б. Все таки въ М. Т. № 11 на стр. 257. Да ты, брашець, я вижу приспращень къ иношранцамъ, въ шебъ вовсе нѣтъ *кваснаго патриотизма*, изобрѣшеннаго въ № 11 М. Т. на стр. 232. Я думаю, шебъ не понравился, что въ № 7 М. Т. на стр. 199 сказано, что Элегія Барашынскаго сумъ „ничто иное, какъ яркое шитье искусной золотшвейки.“

Я. Промилуй, какъ можно Пювша сравни-
вашь съ золощонвейкою? гдѣ шущь истина?

Б. М. Т. Но 7 на сгр. 197 говоришь,
что „истина брошена долу на драку мелоч-
нымъ спрашямъ.“

Я. Признаюсь, я это въ первый разъ
самшу.

Б. Мало ли чего ты не слыхаль? Из-
вѣсно ли тебѣ, какъ сказано въ Но 7 М.
Т. на сгр. 193, что „Мицкевичь, Польскій
Поэшь, *задираетъ* насъ оболъсшишельною
объжливостію.“

Я. Какимъ же образомъ?

Б. „Печашая свои сонешы въ Москвѣ.“

Я. Что жъ шущь удивительнаго? Миц-
кевичь живешь въ Москвѣ, слѣдовашельно,
ему удобнѣе напечашашь свои сонешы въ
Москвѣ, нежели посмашь ихъ для напеча-
шанія въ Варшаву.

Б. Это тебѣ неувидишельно; а М. Т.
въ Но 7 на сгр. 191 называшель это печашаніе
„явленіемъ необычайнымъ и удовле-
створишельнымъ.“

Я. Издашель М. Т. естѣ гений, имъю-
щій свой покррой, *своечутье изящнаго* (*).“

(*) Сіи выраженія заимствованы изъ сочиненій
Князя П. А. Вяземскаго, напечатанныхъ въ Дам-
скомъ Журналѣ Князя П. И. Шаликова.

Б. А знаешь ли ты, какъ М. Т. въ No 1 на стр. 59 опредѣляетъ геній?

А. Не знаю.

Б. Онъ говоритъ, что „геній есть не квадрапная миля.“

А. Вѣрно М. Т. хочешь мѣришь геній аршиннами; можно ожидать, что онъ скоро начнешь размѣниваешь славу?

Б. Не только начнешь, а уже началъ; ибо въ No 2 М. Т. на стр. 158 сказано: „въ нашъ вѣкъ либерашурная слава размѣнивается на мелочь.“

А. Поздравляю тебя съ приобрѣщеніемъ такихъ познаній; удивляюсь только тому, какъ ты самъ не вздумаешь издавать Журнала, или не завербуешься въ сотрудники къ какомунибудь Журналисту; при своихъ разширенныхъ дѣлахъ это лучшее средство. Почему знаешь? Можешь бышь, тебѣ удалось бы заплашишь свои долги журнальнымъ рашоборствомъ.

Б. Да чѣмъ же я худой сотрудникъ? Журналъ будешь у насъ славный: я буду завѣдывать полемикою; а М...скій повзиею, и съ цѣлль дѣло. — Прощай! пора мнѣ домой. Спасибо тебѣ за совѣшь.

А. Желаю тебѣ успѣховъ; только смотри ниши крипики своеобразиье; и М...

скому скажи, чтобы онъ не зажигалъ Фербомъ огарка.

Пустышникъ.

VII.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 7.

П о э з і я.

35. *Братья разбойники*, соч. А. Пушкина (писано въ 1822 году). М. въ типогр. Августа Семена, 1827, въ 8, 15 стр.

(Поэзія и Музыка производяшь очаровательное, можно даже сказать чудное дѣйствіе на душу человѣка. Первая возбуждаетъ въ насъ иногда соучастіе къ лицамъ и предметамъ, кои, въ обыкновенномъ о нихъ пониманіи, болѣе способны внушать намъ негодованіе, даже отвращеніе, нежели какое либо чувство доброжелательства; вторая, нерѣдко выражая звуками несстройство, пѣняетъ насъ гармонією самаго разногласія. Таково волшебство Изящныхъ Искусствъ!

Они наспроеивающъ душу, на шощъ ладъ, на кошорый хопъль ее навесши, своенравный гений. Поэша или Сочинишеля Музыки. Мы негодуемъ на пороки дѣйствующаго лица Поэмы — и невольнo удѣляемъ ему вздохъ сожалѣнiя; досадуемъ на нѣкопорые звуки, оскорбляющіе нашъ слухъ, — и не можемъ еббъ дашъ опчеша, почему въ цѣломъ они намъ правяшся? Небольшая Поэма Пушкина: *Братья разбойники*, служишъ новымъ подкрѣпленіемъ сей задачи. Въ сей Поэмѣ, разбойникъ, недавно завербовавшійся въ шайку развращной вольницы, рассказываетъ удаю свою жизнь, набѣги, грабежи и убійства: ни одна добрая наклонность, ни одно доброе дѣло не искупающъ пороковъ его и злодѣйствъ. Наконецъ онъ, вмѣстѣ съ брашомъ своимъ и шоварищемъ въ разбояхъ, попадающся въ руки правосудiя, закованы и брошены въ шюрму, ожидая досшойной изды своихъ преступленiй. Брашъ его, младшій годами, не могъ перенести узничества; онъ впалъ въ шажкую болѣзнь, и въ бреду горячки, между усшрашающими его призраками, видишъ нѣкогда зарѣзаннаго ими сшарца и умоляешъ браша пощадишъ сѣдны его.

„Но молодость свое взяла:

болъной выздоравливаешъ. Брашьямъ разбой-

никакъ удастся обмануть своихъ спражекъ; они перендываютъ черезъ рѣку, отбиваются отъ погони и уходятъ. Но путь младшій снова впадаетъ въ недугъ— и умираетъ. Старшій предаетъ бездушный шрупъ землѣ, совершивъ надъ нимъ *грѣшную молитву* и снова отправаляюща на промыселъ. Не та уже для него жизнь; нѣтъ прежней, буйной радости: „могила брата все взяла“ говоришь онъ, и послѣдняя жалость замерла въ его сердцѣ.

„Но иногда щажу морщины:
Мнѣ жалко рѣзашь спарика;
На беззащитныя сѣдины
Не поднимаешь рука.“

И эшимъ онъ плапишь дань памяти своего брата, кошорый умолялъ его въ шюрмѣ за спарца. — Въ характеръ сего разбойника, при всей его жестокости и развращености, видимъ одно господствующее чувство природы — любовь братскую: она, за недоушаккомъ добродѣтели, за опсущспвиемъ совѣспи, сдерживаетъ иногда въ немъ порывы кровожадности; и она-то, выраженная очаровательными стихами Пушкина, пробуждаетъ въ насъ минувшее чувство жалости, даже къ разбойнику. Вопшъ нравственная спорона сей Поэмы, изъ кошорой можно вывести послѣдствие, что человекъ, да-

же въ крайнемъ униженіи своемъ, не вовсе
еще оцмѣнаешь нѣ чувствованія, копоры
Милосердый Промысль влилъ въ душу его
при самомъ рожденіи.)

КОНЕЦЪ СТО ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СТО ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

IX

Стран.

I. Изыщная Словесность.

1. Дружба на Сверхъ 3
(Прод.) 97
(Оконч.) 197
2. О нынѣшнемъ состояніи Нѣмецкаго Театра 228

II. Народное Просвѣщеніе.

- Объ устройствѣ Училищъ 35

III. Критика.

1. Андромаха, Трагедія 78
(Оконч.) 164
2. Оповѣсть Г. Толмачеву 259

IV. Воспитаніе.

- О выгодахъ общественнаго воспитанія 145

V. Корреспонденція.

- Письмо изъ Севастополя 242

VI. Естественная Исторія.

- Прогулка Вашшерсона 278
(Прод.) 359

VII. Словесность.

- О дѣйствіи Словесности и Искусствъ на характеръ народа 293

VIII. Восточная Литература.

Изображеніе Санскритской Литературы . 321

IX. Коммерція.

Вліяніе законовъ на торговлю 347

X. Современная Исторія и Политика.

Нынешніе Англійскіе Министры 376

XI. Стихотворенія.

1. Воспомнанія о родинѣ 88

2. Въ память красавицъ 192

XII. Современная Русская Библіографія 92

193

288

399

XIII. Смѣсь.

Журналистикъ 383.

О ПЕЧАТКИ ВЪ 15 КНИЖКЪ С. О.

Стран.	Стр.	Напечатано:	Читай:
241	2	всякаго рода люди	злѣдѣи
—	14	Гуфлацда.	Ифланда.
—	25	оправдывашь	оправдывають

2382-9



ogle

Wisconsin Library



3 2044 083 329 540

HD